

ОШО**Заратустра: Танцующий Бог****ПРЕДИСЛОВИЕ**

Странный треугольник: Ошо, Заратустра и Фридрих Ницше! И не только странный, но еще и таинственный - многие из нас чувствовали так во время этих захватывающих дух полетов к предельным высотам каждое утро и вечер, в промежутках между самыми жаркими часами индийского лета в Пуне в апреле 1978 года.

Кем был этот Заратустра, о котором никто на земле никогда и ничего не слышал, за исключением имени? И как могло случиться, что спустя много лет после того, как Ошо, казалось бы, исчерпал мировую сокровищницу духовности, он смог наполнить силой эти мифические драгоценности истины? Он говорил о Будде, Лао-цзы, Ли-цзы, Иисусе, о хасидах, суфиях, о традиции дзен, о пророках Упанишад и философах древней Греции и еще о мириадах других, чьих имен и традиций мы никогда раньше не слышали. После этого Ошо больше чем на три года ушел в тишину, а когда он вернулся, он вернулся для того, чтобы заново произнести свою весть — на этот раз в чистом виде, не пользуясь больше посредничеством других, старых мастеров и их прозрениями.

Но неожиданно среди нас появляется этот самый последний из опоздавших, этот выскочка Заратустра, этот древне-новый мистик, которого никто хорошенько не знает и не понимает. Нет уверенности даже в том, что такой человек существовал, так мало о нем известно.

В Европе он появился как «Зороастр» в тайных ритуалах масонских лож и как «Зарастро» — в опере Моцарта «Волшебная флейта»; а последователи Заратустры — парсы, которые до сих пор сохранились в Бомбее, — обращаются к своему священному писанию, *Авесте*, за вдохновением от своего Заратустры. Но у него мало сходства с мистиком, который известен нам через Ошо.

В конце концов, Ошо разрешил эту загадку, сказав однажды на вечерней беседе: «Все это очень сложно. Я говорил не о самом Заратустре, я говорил о Заратустре, которого создал Фридрих Ницше. Все великие откровения даны Заратустре Фридрихом Ницше. Заратустра... много раз мне приносили его книги, но они так заурядны, что я никогда о них не говорил.

Ницше пользовался Заратустрой просто как символической фигурой, точно так же, как Халиль Джебран использовал Альмустафу — он был полнейшим вымыслом. Ницше пользовался историческим именем, но очень вольно.

Так что, во-первых, вам следует помнить, что это Заратустра Фридриха Ницше; у него мало общего с подлинным Заратустрой.

А во-вторых, когда я говорю об этом, я не забочусь о том, что имеет в виду Ницше — и у меня нет никакой возможности узнать, что он имеет в виду. Я пользуюсь им, как он пользуется Заратустрой! Так что это очень сложная история. Это — мой Ницше, и Ницше — мой Заратустра. Поэтому высоты, в которых вы парите, не имеют никакого отношения к Заратустре». (Из книги «Золотое будущее»)

В видении Ошо, Заратустра — в своем роде передовой и выдающийся человек: человек, который может смеяться и проливать слезы так же, как любой из нас, человек, который может пережить ужас и избыток чувств, гордость и отдачу, слабость и силу. Он говорит с нами начистоту, оставляя полностью на наше усмотрение, соглашаться или не соглашаться, поддерживать его или идти своим путем. И чему бы он ни учил, он учит как друг, пробираясь сквозь все входы и выходы на пути истины, рассматривая с пристальным вниманием каждый шаг и поворот. Так что каждая беседа Ошо становится уроком на особую тему, а каждая тема — это шаг вглубь путешествия. Так родился «Бог, который может танцевать» — человек, который становится Богом, человек, который отважился сбросить все оковы ложных добродетелей и ценностей, который осмеливается танцевать в земной невинности и от избытка радости, распевая свое «священное да» самой жизни.

Свами Прем Нирвано

Пуна, Индия

апрель 1987

ПРОЛОГ ЧАСТЬ 1

26 марта 1987 года.

Возлюбленный Ошо,

Пролог часть 1

Когда Заратустре исполнилось тридцать лет, он покинул отечество и родное озеро и удалился в горы. Здесь наслаждался он духом своим и одиночеством и не утомлялся счастьем этим целых десять лет. Но наконец, преобразилось сердце его, и однажды утром, поднявшись с зарей, встал он перед солнцем и так обратился к нему:

«Великое светило! В чем было бы счастье твое, не будь у тебя тех, кому ты светишь?

Десять лет восходило ты над пещерой моей: ты, пресытилось бы светом и восхождением своим, не будь меня, моего орла и моей змеи.

Но каждое утро мы ждали тебя, принимали щедрость твою и благословляли тебя.

Взгляни! Я пресытился мудростью своей, словно пчела, собравшая слишком много меда; и вот — нуждаюсь я в руках, простертых ко мне.

Я хочу одарять и наделять, пока мудрейшие из людей не возрадуются вновь глупости своей, а бедные — своему богатству.

И потому должен я сойти вниз, как ты, когда каждый вечер погружаешься в пучину моря, неся свет свой нижнему миру, ты, богатейшее из светил!

Подобно тебе, должен я закатиться, — так называют это люди, к которым хочу я сойти.

Так благослови же меня, о спокойное око, без зависти взирающее и на величайшее счастье!

Благослови чашу, готовую пролиться, чтобы драгоценная влага струилась из нее, разнося всюду от блеска блаженства твоего!

Взгляни! Эта чаша готова вновь опустеть, а Заратустра хочет снова стать человеком».

...Так начался закат Заратустры.

Возможно, Фридрих Ницше — величайший философ, которого знал мир. Он велик также и в другом измерении, которого многие философы просто не осознавали: он прирожденный мистик.

Его философия не только от ума, она коренится глубоко в его сердце, и некоторые корни достигают самого его существа. Единственное, в чем ему не повезло — это то, что он родился на Западе; так что он никак не мог найти ни одной тайной школы. Его размышления были глубокими, но он совершенно не представлял себе медитацию. Порой в его мыслях есть глубина медитирующего, порой — полет Гаутамы Будды; но, по-видимому, это происходило с ним спонтанно.

Он ничего не знал о способах просветления, о пути, приводящем к своему собственному бытию. Это создало в его существе невероятную неразбериху. Его мечты поднимались на высоту звезд, но его жизнь оставалась очень заурядной — в ней не было ауры, которую создает медитация. Его мысли не были его плотью и кровью. Они прекрасны, необычайно прекрасны, но нечто упущено; и это упущенное — сама жизнь. Это мертвые слова; в них нет дыхания, в них нет пульса.

Но я выбрал его, чтобы комментировать, по особой причине: он — единственный из всех восточных и западных философов, у которого было, по крайней мере, представление о высотах человеческого сознания. Быть может, он не испытал их; конечно, он не испытал их. Он также думал о том, чтобы снова стать человеком. Эта идея, идея спуска с ваших вершин в мир,

нисхождения со звезд на землю, никогда не приходила никому другому.

В нем есть что-то от Гаутамы Будды, возможно, подсознательно сохранившееся из прошлых жизней, и в нем есть нечто от Зорбы. Оба они неполны. Но он — просто доказательство, что Будда и Зорба могут встретиться; что тому, кто достиг высочайших вершин, не обязательно там оставаться.

На самом деле, им не следует там оставаться. Они в некотором долгу перед человечеством; они кое-что должны земле. Они родились среди людей; они жили в той же темноте и нищете. И теперь, когда они увидели свет, их обязанностью становится вернуться и разбудить тех, кто глубоко спит; принести добрые вести: что тьма — еще не все, что бессознательность — наш выбор.

Если мы выберем быть сознательными, все бессознательное и вся тьма могут исчезнуть. То, что мы живем в темных долинах — это наш выбор. Если мы решим жить на солнечных вершинах, никто не может нам помешать, ибо это также в наших возможностях.

Но люди, которые достигли солнечных вершин, совершенно забывают о мире, из которого они пришли. Гаутама Будда никогда не спускался. Махавира никогда не спускался. Даже если они предпринимали попытки разбудить человечество, они кричали со своих залитых солнцем вершин.

Человек так глух, так слеп, что для него почти невозможно понять людей, которые говорят с более высокого уровня сознания. Он слышит шум, но не придает ему никакого значения.

В этом смысле Ницше уникален. Он мог быть экстраординарным философом, возвышающимся над человечеством, но ни на единое мгновение он не забывал об обычном человеке. В этом его величие. Хотя он не прикоснулся к высочайшим пикам и не узнал величайших тайн, он страстно желал поделиться со своими собратьями-людьми всем, что он знал. Его желание поделиться огромно.

Я выбрал для комментария несколько фрагментов, которые могут помочь вам, вашему духовному росту. Сам Ницше выбрал Заратустру своим оратором. Необходимо понять также кое-что о Заратустре. Из тысяч великих мистиков, философов, просветленных Ницше выбрал своим оратором совершенно неизвестного человека, почти забытого миром — Заратустру.

Последователи Заратустры живут лишь в небольшом городе — Бомбее. Они пришли в Бомбей из Ирана, когда мусульмане заставляли персов либо обратиться в мусульманство, либо готовиться к смерти. Тысячи были убиты; миллионы из страха стали мусульманами; но несколько отважных духом бежали из Ирана и поселились в Индии.

Это бомбейские парсы — наверное, самая небольшая религия в мире. И любопытно, что Ницше так заинтересовался Заратустрой, что написал эту книгу — «Так говорил Заратустра». Эти фрагменты взяты оттуда.

Он выбрал Заратустру по той же причине, что и я: среди всех основателей религий Заратустра — единственный, кто жизнеутверждающ, кто не против жизни, чья религия — религия празднования, благодарности к существованию. Он не против удовольствий жизни, и он не расположен, отрекаться от мира. Напротив, он абсолютно поддерживает радость этого мира, поскольку за исключением этой жизни и этого мира все другое — лишь гипотетические идеологии. Бог, рай и ад — все это проекции человеческого ума, не подлинные переживания; это — не реальность.

Заратустра родился в то время, двадцать пять веков назад, когда весь мир переживал великий ренессанс: в Индии — Гаутама Будда, Махавира, Госал, Санджай Вилетхипутта, Аджит Кешкамбал и другие достигли одинаковой вершины пробуждения; в Китае — Конфуций, Мэн-цзы, Лао-цзы, Чжуан-цзы, Ли-цзы и многие другие; в Греции — Сократ, Пифагор, Платон, Гераклит; и в Иране — Заратустра.

Это странное совпадение — внезапно по всему миру разлился поток сознательности, и многие люди пробудились.

Возможно, просветление — тоже цепная реакция: когда есть просветленные, они вызывают такую же революцию и в других.

Это — потенциал каждого. Нужен только повод, вызов; и когда вы видите, что столько людей достигают таких вершин изящества, вы не можете остаться безучастным. Внезапно в вас рождается сильнейший зов: «Нужно что-то делать. Я напрасно трачу свою жизнь, в то время как другие достигли предназначения, узнали все, что достойно узнавания, пережили величайшее блаженство и экстаз... а что делаю я? — собираю раковины на берегу».

Среди всех этих людей Заратустра уникален. Он единственный, кто не против жизни, кто за жизнь; чей Бог не где-то там; чей Бог — не что иное, как другое имя самой жизни. И жить тотально, жить радостно и жить интенсивно — это все, на чем основана религия.

Я чувствую глубокое родство, общность с Заратустрой. Однако, возможно, из-за того, что он был жизнеутверждающим, а не жизнеотрицающим, он не смог собрать много последователей. Это одна из человеческих странностей: они не могут принять за достойную цель то, что легко — цель должна быть невероятно трудной.

За этим стоит психология эго. Эго всегда хочет чего-нибудь невозможного, потому что оно может существовать только с невозможным. Вы никогда не сможете удовлетворить желание, а эго будет тянуть вас к все большему и большему — к большей жадности, большей власти, большим деньгам, большему аскетизму, большей духовности, большей дисциплине. Где бы вы ни встретили «больше», помните: это — язык эго. И нет никакого способа удовлетворить эго; оно всегда требует большего.

Подход Заратустры в точности такой же, как у Чжуан-цзы: «Легкое правильно. Правильное легко». И когда вы абсолютно расслаблены, в покое, дома; настолько расслаблены, что забыли даже то, что вы в покое; что вы забыли о своей правоте — вы стали таким невинным, как ребенок, вы прибыли. Но для эго это не интересно. Все это подобно самоубийству для эго; поэтому религии, которые ставят перед эго сложные задачи, трудные пути, неестественные идеалы, невозможные цели — эти религии привлекают миллионы людей.

Последователей Заратустры можно сосчитать по пальцам. Заратустра никого не волновал до тех пор, пока, спустя почти двадцать пять столетий, Ницше неожиданно не откопал его. Ницше был против Иисуса Христа, он был против Гаутамы Будды — но он был за Заратустру.

Это очень важно понять. Человек, который был против Иисуса Христа, против Гаутамы Будды... Почему он был за Заратустру? — потому, что у самого Ницше было точно такое же отношение и подход к жизни. Он насмотрелся на все эти религии, великие религии, создающие у человечества все большую и большую вину; создающие все большее и большее страдание, войны, сжигающие людей заживо; производящих всевозможную бессмыслицу, у которой нет никаких доказательств, для которой у них нет совершенно никаких оснований; держащих все человечество в темноте, слепоте, ибо их учения основываются на вере — а вера подразумевает слепоту.

Нет такой веры, которая не слепа. Человек с глазами не верит в свет, он знает его — нет нужды верить. Только слепой верит в свет, потому что он не знает его. Вера существует в невежестве, и все религии — за небольшим исключением вроде Заратустры и Чжуан-цзы, которые не смогли создать большого движения или великих традиций — все они за веру. Другими словами, все они за слепоту.

Ницше был против них — символически. Он выбрал Гаутаму Будду как символ Востока, и Иисуса Христа — как символ Запада. Он был против этих людей по той простой причине, что они против жизни: они были против того, чтобы люди наслаждались простыми вещами, против

людей, живущих играючи, смеясь; людей, имеющих чувство юмора, несерьезных; людей, любящих песни и музыку; и против людей, способных танцевать и любить.

Ницше заинтересовался Заратустрой потому, что он смог понять: этот человек — единственный во всем прошлом — не был против жизни, не был против любви, не был против смеха.

В этих фрагментах вы увидите необычайно значительные слова, которые могут стать основанием жизнеутверждающей религии. Я полностью за жизнь. Нет ничего, ради чего можно пожертвовать жизнью.

Всем можно пожертвовать ради жизни. Все может быть средством для жизни, но жизнь — это цель сама по себе.

Слушайте очень внимательно, потому что Фридрих Ницше пишет очень насыщенно. Он не писатель, он пишет афоризмы: другой мог бы написать целую книгу там, где Ницше напишет всего лишь абзац. Его проза настолько сконденсирована, что если вы, слушая, не будете очень бдительны, вы можете упустить. Это нельзя читать как роман.

Это почти как сутры Упанишад. Каждая сутра, каждая отдельная максима содержит так много, имеет так много скрытых значений. Мне хотелось бы разобраться во всех значениях, чтобы вы не исказили Ницше, потому что он — один из самых непонятых философов в мире. И причина того, что он был понят неправильно, в том, что он писал в такой сжатой форме — он никогда не объясняет; он никогда не вдается в детальные объяснения всех возможных значений.

Он очень символичен, и причина его символичности в том, что он был настолько наполнен новыми откровениями, что на объяснения не доставало времени. Он не мог писать трактаты, у него было так много, чтобы поделиться и из-за того, что его книги были так сжаты и кристаллизованы, люди, во-первых, не понимали его; а во-вторых, если они «понимали», то они понимали неправильно. В-третьих, они находили его нечитабельным; им хотелось бы, чтобы все объясняли. Ницше писал не для детей, он писал для зрелых людей, но зрелость — такая редкость. Средний ментальный возраст не достигает четырнадцати лет, и в этом ментальном возрасте Ницше, конечно же, будет упущен. Его не поняли противники, его не поняли и сторонники, поскольку у тех и других — одинаковый ментальный возраст.

Когда Заратустре исполнилось тридцать лет, он покинул отечество и родное озеро и удалился в горы.

Нужно объяснить вам: Гаутама Будда покинул свой дворец, когда ему было двадцать девять лет. Иисус начал учить, когда ему было тридцать; Заратустра ушел в горы, когда ему исполнилось тридцать лет. Есть нечто значительное в тридцатилетнем возрасте или около него, точно так же, как в четырнадцатилетнем возрасте, когда человек достигает сексуальной зрелости. Если мы примем жизнь, как всегда было принято — что она продолжается семьдесят лет... те, кто наблюдали жизнь очень глубоко, заметили, что каждые семь лет происходит перемена, поворот.

Первые семь лет невинны. Вторые семь лет ребенка очень сильно интересуется исследованием, он спрашивает, ему любопытно. С четырнадцати до двадцати одного — период самой сильной сексуальности. Самый высокий пик сексуальности — вы удивитесь, когда узнаете — около восемнадцати-девятнадцати лет. А человечество всегда пыталось обойти этот период, принимая меры через программы обучения, в колледжах, в университетах — держа юношей и девушек отдельно. Это время, когда их сексуальность и сексуальная энергия на высочайшей точке.

В эти семь лет, с четырнадцати до двадцати одного, они могут испытывать сексуальный оргазм очень легко. Сексуальный оргазм — это проблеск, который может создать в вас толчок к поиску большего блаженства, поскольку в сексуальном оргазме исчезают две вещи: исчезает ваше эго, исчезает ваш ум и останавливается время — всего на несколько секунд.

Но это — три очень важные вещи. Две из них исчезают совершенно: вы больше не «я» — вы есть, но не в смысле эго. Ваш ум здесь, но мыслей нет — только глубокое безмолвие. Внезапно, поскольку эго исчезло, и ум остановился, время тоже останавливается. Чтобы чувствовать время, вам нужно изменение мыслей в уме; иначе вы не сможете почувствовать движение времени.

Представьте себе два поезда, которые двигаются в одном месте, одновременно и с одинаковой скоростью. Когда вы смотрите в окно на другой поезд, — в котором такие же окна и столько же купе — вы не почувствуете, что двигаетесь. И пассажиры другого поезда тоже не чувствуют, что *они* едут.

Вы чувствуете движение потому, что, когда ваш поезд едет, деревья стоят, дома стоят, они не двигаются. Станции и платформы приближаются и удаляются. Именно потому, что вещи по обеим сторонам статичны, по сравнению с ними, по отношению к ним вы можете чувствовать, что ваш поезд движется.

Возможно, вы когда-нибудь сталкивались с очень забавной вещью: ваш поезд стоит на платформе, а рядом стоит другой поезд. Этот поезд отправляется; вы смотрите на другой поезд, и вам кажется, что *вы* поехали; пока вы не посмотрите на платформу, которая по-прежнему неподвижна. Движение относительно.

Когда в уме нет никаких мыслей, вы — в пустом небе; время останавливается, потому что вы не можете судить о времени без движения — вас нет, ума нет, времени нет... только необыкновенный мир и полная расслабленность.

В моем представлении, именно сексуальный оргазм дал людям первое представление о медитации, поскольку какие-нибудь выдающиеся люди должны были попытаться: «Если мы можем остановить мысли, если мы можем отбросить эго, и если нет ума, время исчезает; тогда не нужен никакой сексуальный оргазм». Вы можете иметь такой же оргазмический опыт и в одиночку, и он больше не сексуален — он становится духовным опытом. Сексуальный оргазм должен был дать первую идею: то же самое переживание возможно и без секса; иначе у человека не могло быть никакого другого способа найти медитацию.

Медитация — не природное явление. Сексуальный оргазм — *естественное* явление, но все общества препятствуют своим детям испытать его. Никто о нем ничего не говорит. Это стратегия, очень опасная стратегия, преступление против всего человечества, поскольку дети, лишённые сексуального оргазма, никогда не смогут почувствовать стремление к медитации; или их стремление будет очень слабеньким, они ничем не рискнут для него.

Так что к двадцати одному году секс достигает своей вершины, если он дозволен, как он был дозволен в жизни Гаутамы Будды. Ему отдали всех прекрасных девушек царства; он был окружен всеми этими прекрасными девушками; он познал опыт глубокого оргазма.

Затем, с двадцати одного до двадцати восьми, следующие семь лет, человек ищет, потому что сексуальный оргазм биологичен. Вскоре вы потеряете эту энергию и не сможете иметь оргазм. А во-вторых, он зависит от кого-то еще, от женщины, мужчины; это разрушает вашу свободу, это слишком дорого стоит. Поэтому, если человек растёт совершенно естественно — если ему позволяют расти естественно — с двадцати одного до двадцати восьми он будет искать пути и средства превзойти физиологию, биологию и все же сохранить способность двигаться в глубочайшие оргазмические переживания.

С двадцати восьми до тридцати пяти все эти люди - Гаутама Будда, Заратустра, Лао-цзы, Чжуан-цзы, Иисус - все они переходили на более высокие уровни бытия. И просто для того, чтобы их не беспокоили, чтобы люди им не мешали, чтобы не отвлекаться, они уходили в горы — в одиночество. Мне представляется, что это не было направлено против жизни — они просто искали тихое место, где бы их ничто не отвлекало, и они могли бы найти величайшие оргазмические переживания, которые Уильям Джеймс назвал «океаническим оргазмом», когда

вы полностью исчезаете в океане существования — так же, как росинка, соскользнувшая с лепестка лотоса в океан.

Так что тридцать лет — не простая случайность. Годы между, двадцатью восемью и тридцатью пятью все великие искатели провели в поисках. Это период поиска, исследования — поиска того, что относится не к телу, но к духу.

Здесь наслаждался он духом своим и одиночеством и не утомлялся счастьем этим целых десять лет. Десять лет он провел в горах. Его одиночество, тишина, мир становились все глубже и глубже, и он был полон блаженства; хотя он был один, он не уставал от этого.

Но наконец, преобразилось сердце его, и однажды утром, поднявшись с зарей, встал он перед солнцем и так обратился к нему... Именно здесь Заратустра начинает новый путь. Махавира остался в своем одиночестве. Будда остался в своем одиночестве, а люди, которые наблюдали, увидели, что нечто произошло, нечто превышающее их разумение. Эти люди преобразились; они стали сияющими; они излучали радость; у них было некое благоухание; они познали нечто; их глаза приобрели глубину, которой не было в них раньше; и в их лицах появилось совершенно новое изящество.

Произошла очень тонкая подмена: те, кто это наблюдали, подумали, что, поскольку эти люди ушли в горы, они отреклись от жизни; и поэтому отречение от жизни стало фундаментом всех религий.

Но они не отрекались от жизни.

Мне хотелось бы полностью переписать историю с самого начала, в особенности об этих людях, потому что я знаю их по своему собственному озарению — мне не нужно беспокоиться о фактах, я знаю истину. Эти люди не шли против жизни: они уходили просто за одиночеством; они уходили, чтобы побыть наедине с собой; они просто уходили от развлечений.

Но разница между Гаутамой Буддой и Заратустрой в том, что Гаутама Будда — когда он нашел себя — никогда не заявлял: «Теперь мне не нужно быть затворником, быть монахом. Я могу вернуться и жить в мире как обычный человек».

Возможно, для этого нужно больше смелости, чем для того, чтобы уйти от мира; возвращение в мир требует большей смелости. Идти в гору трудно, но это большое удовольствие. Вы поднимаетесь все выше, выше и выше, и когда вы достигли высочайшего пика, требуется огромное мужество, чтобы вернуться вниз, в темные долины, которые вы покинули, только для того, чтобы принести людям весть: «Вам не обязательно вечно оставаться во тьме. Не обязательно вечно страдать в аду».

Те люди, которым вы собираетесь помочь, возможно, даже осудят это путешествие вниз. Когда вы шли вверх, вы были великим святым, а когда вы спускаетесь, люди подумают, что вы, быть может, пали, вы утратили свое величие, вы пали со своей высоты. Определенно, требуется величайшее в мире мужество, чтобы после прикосновения к вершинам предельного вновь быть обычным.

Заратустра демонстрирует эту смелость. Он не волнуется о том, что скажут люди, что его осудят, что они подумают: он пал со своих высот, он больше не святой. Он больше заботится о том, чтобы поделиться своим опытом с теми, кто, возможно, готов, восприимчив, доступен — может быть, найдется несколько таких.

И однажды утром, поднявшись с зарей, встал он перед солнцем и так обратился к нему: «Великое светило! В чем было бы счастье твое, не будь у тебя тех, кому ты светишь?»

Значение этого высказывания велико. Заратустра говорит, что птицы счастливы оттого, что солнце взошло; цветы счастливы оттого, что солнце взошло; кажется, вся планета счастлива, пробудилась, полна энергии, полна надежды на наступающий день — солнце взошло.

Он указывает, что солнце тоже должно быть счастливо оттого, что расцвело так много

цветов, поет так много птиц. Если бы не было птиц и цветов, и никто бы не ждал его, солнцу было бы грустно.

Смысл ясен: все мы взаимосвязаны; все существование взаимосвязано. Даже крохотная травинка связана с огромнейшей звездой в небесах. Эти связи невидимы.

Известно, что если солнца не будет один день, вся жизнь на планете исчезнет. Без солнечного тепла и жизненной энергии здесь не останется ничего живого. Но мистики всегда указывали также и на другую возможность: если вся жизнь на земле исчезнет, солнце не взойдет — для кого?

Заратустра говорит: «Я полон радости, полон мира. И теперь мне нужен кто-нибудь, чтобы принять это, я переполнен. Я должен поделиться, иначе даже блаженство станет слишком тяжелым». Даже блаженство может причинять боль, если оно неразделенное.

«Великое светило! В чем было бы счастье твое, не будь у тебя тех, кому ты светишь?»

Десять лет восходило ты над пещерой моей: ты пресытилось бы светом и восхождением своим, не будь меня, моего орла и моей змеи».

У Заратустры два символа: орел и змея. Змея представляет мудрость, а орел представляет смелость полета в неведомое без всякого страха. У него с собой орел и змея. Нужно быть как можно более сознательным, мудрым и разумным; и также нужно быть смелым, чтобы все время идти в неизвестное, а в конце — в непознаваемое. Прыжок в непознаваемое — это прыжок в божественность существования.

«Но каждое утро мы ждали тебя, принимали щедрость твою и благословляли тебя». То, что ты давало нам, было для тебя избытком, у тебя было слишком много; ты было отягощено им. Ты хотело с кем-нибудь поделиться, и мы брали от твоей избыточной щедрой энергии, избыточествующей энергии, и мы благословляли тебя за это.

Взгляни! Я пресытился мудростью своей... Так же, как ты пресытилось своим светом и хочешь с кем-нибудь поделиться, я пресытился своей мудростью — она слишком велика. Я больше не вмещаю ее; я должен найти кого-нибудь, чтобы поделиться. Я должен снять с себя ношу. Какое великое озарение — даже мудрость может стать обузой. Заратустра абсолютно прав.

...словно пчела, собравшая слишком много меда; и вот - нуждаюсь я в руках, простертых ко мне.

Я хочу одарять и наделять, пока мудрейшие из людей не возрадуются вновь глупости своей...

Это мог сказать лишь тот, кто познал. Обычному человеку, который просто учится, который заимствует знания, такая идея не может даже прийти в голову.

Ницше через Заратустру говорит: «Я иду к людям, чтобы одарять, наделять и снять с себя ношу своей мудрости, пока мудрейшие из людей не возрадуются вновь глупости своей».

Истинный мудрец не серьезен; он игрив, ибо он понимает, что все существование наполнено игрой. Истинный мудрец кажется людям немного сумасшедшим, глупым, поскольку у ординарного человечества есть устойчивое представление о мудреце: он серьезен, он не может быть игривым, он не может смеяться, он не может танцевать.

Все это — для глупцов; Заратустра говорит: «Я буду делиться своей мудростью, пока мудрейшие из людей не станут настолько мудры, чтобы принять даже то, что обычному человеку кажется глупостью».

...а бедные — своему богатству. Что касается внутреннего богатства, бедный человек так же одарен природой, как и богатый. Богач слишком занят во внешнем мире, и, возможно, не может найти способа или времени, чтобы пойти вовнутрь. У бедного же — счастливые обстоятельства: у него нет ничего, что держало бы его во внешнем; он может закрыть глаза и

отправиться внутрь. Заратустра говорит: пока мудрые не станут настолько мудрыми, что даже глупость станет просто игрой, и бедные не станут так счастливы, как если бы они нашли величайшее сокровище...

И потому должен я сойти вниз, как ты, когда каждый вечер погружаешься в пучину моря, неся свет свой нижнему миру, ты, богатейшее из светил!

Подобно тебе, должен я закатиться, — так называют это люди, к которым хочу я сойти. Так благослови же меня, о спокойное око, без зависти взирающее и на величайшее счастье! Благослови чашу, готовую пролиться, чтобы драгоценная влага струилась из нее, разнося всюду отблеск блаженства твоего!

Взгляни! Эта чаша готова вновь опустеть, а Заратустра хочет снова стать человеком. Это — редкое качество Заратустры. Тысячи хотели стать сверхлюдьми — хотели быть буддами, джайнами, христами, аватарами; но Заратустра, единственный во всей истории, хочет снова быть человеком. Увидев высоты, увидев глубины, познав предельное одиночество, преисполнившись мудрости, он хочет закатиться и стать просто человеком среди людей — без всякого превосходства.

Так начался закат Заратустры. Этот «закат» Заратустры настолько уникален и значителен — до тех пор, пока у каждого мудреца не будет того же мужества, судьба человечества не может измениться.

Если бы все Гаутамы Будды и Иисусы Христы, все Моисеи и Мухаммеды вернулись к человечеству просто людьми, они могли бы придать человечеству достоинство; они могли бы подарить человечеству великую смелость; они стали бы источниками великого вдохновения. Но они — гораздо выше; расстояние так велико, что оно расхолаживает. Не только они, но и их ученики всеми возможными способами старались установить все большую и большую дистанцию. Например, Иисус родился от девственницы: это расхолаживает все человечество, ведь вы родились во грехе, и только Иисус не родился во грехе. Он — единственный рожденный Сын Божий, а вы кто? — даже не племянник.

Что же это, Бог настолько скуп, что может позволить себе лишь одного сына? Он что, верит в контроль над рождаемостью? Христиане против этого. Должна же быть хотя бы одна дочь... Но чтобы лишить достоинства женщин, Бог не может иметь дочь, не может иметь жену; но у него есть сын. Его сын ходит по воде; а вы не можете. Он воскрешает мертвых; а вы не умеете. Его распяли, но он вновь вернулся — воскрес; вам такое не удастся.

Естественно, дистанция слишком велика. Вы — простой человек; он — Бог. Самое большее, что вы можете — это молиться ему. Он — унижение для вас. Он — великое оскорбление всему человечеству. И все эти чудеса — вымысел. Никто никогда не совершал этих чудес, и только для того, чтобы создать расстояние между вами и Иисусом, его последователи шли на все.

Мухаммед умер, но не как обычный человек. Фактически, он не умер так, как умирают люди — просто он живым отправился прямо на небеса. И не только он: он сидел верхом на коне, так что конь тоже отправился напрямиком в рай. Это был не обычный конь — это был конь Хазрата Мухаммеда. Вы не можете считать, что принадлежите к той же категории.

Махавира никогда не потел. Жарким индийским летом — особенно в Бихаре, на пыльных дорогах — сорок два года он ходил обнаженным, и он не потел! Такое было бы возможно, если бы его тело было покрыто не кожей, а пластиком — но тело покрыто кожей, а кожа дышит, и потоотделение — совершенно необходимый процесс для выживания; иначе вы умрете. Потоотделение — это защита. В сильную жару поры вашего тела начинают выводить из тела воду, чтобы тепло уходило на испарение пота и не повышало вашу температуру; ваша температура остается прежней. Если тело не потеет, температура будет подниматься все выше и выше. А у вас не слишком большой предел — от девяноста восьми градусов до ста десяти. Всего

на двенадцать градусов больше — и Махавира мог бы откинуться, он не мог бы остаться в живых. Но просто для того, чтобы показать различие, он не мылся — в этом не было необходимости: раз он не потел, ему был не нужен душ.

Его укусила змея, и вместо крови из него потекло молоко... Я выступал на конференции джайнов, и прямо передо мной говорил один джайнский монах. Он восхвалял все эти чудеса Махавиры, и я сказал: «Никаких чудес не было. Немного подумайте, и вам станет ясно, что молоко из ступни могло потечь лишь в том случае, если вместо крови в теле Махавиры циркулировало молоко. Но за сорок два года это молоко должно было превратиться в творог или в масло, и даже топленое. Оно осталось молоком! Вытекло свежее молоко!

Другая возможность — так же, как молоко течет из женской груди... но в груди есть тонкое устройство для превращения крови в молоко. Такое тоже возможно, если вы утверждаете, что по всему телу у Махавиры были молоко-производящие системы».

Но это ерунда. И все же каждый... Гаутама Будда родился, когда его мать стояла, и это можно стерпеть, это не большая проблема. Возможно, его мать была слегка сумасшедшая, мало ли что; вообще-то, когда рождается ребенок, мать должна лежать на кровати, а не стоять. Но можно принять, что эта женщина, возможно, была ненормальная. Но Гаутама Будда сам родился стоя; он опустил на землю — стоя. И это тоже иногда бывает. Обычно сначала выходит голова, но иногда первыми выходят ноги.

Если бы история на этом кончалась, она была бы вероятной, но не произвела бы на вас большого впечатления. Но Будда прошел семь шагов; новорожденный ребенок, на самом деле, не может стоять — а он прошел семь шагов. И это еще не все: после того, как он сделал семь шагов, он посмотрел на небо и заявил: «Я — величайший будда, величайший просветленный прошлого, настоящего и будущего».

Конечно, это глубоко расхолаживает вас: вы такого не можете. Во-первых, вы уже родились. В следующий раз вы можете попробовать, но эта жизнь пропала. В этой жизни вы не сможете стать пробужденным, так что просто тренируйтесь для второй жизни. Только запомните поточнее, что нужно сделать.

Но все это, все эти фикции имеют определенную цель. Их цель — так возвысить этих людей над обычными, чтобы вы могли, самое большее, поклоняться им, но не могли даже мечтать, что то же самое может случиться и с вами.

То, что сделал Заратустра, следовало бы сделать каждому просветленному. Каждый просветленный должен вернуться в мир; это его долг миру: он в долгу перед человечеством; он родился как человек; и нельзя простить ему то, что он окружает себя мифами или позволяет другим людям создавать мифы вокруг себя, так что он превращается в нечто невозможное. Заратустра более человечен, более любящ, и цель его возвращения к человечеству легко понять. Он собрал столько мудрости, столько меда, он хочет поделиться этим — одарять. Он хочет вновь опустошить себя, ибо теперь он знает: чем больше он отдаст, тем больше существование будет вливать в него. Он может все время опустошать себя и все же иметь изобилие, чтобы поделиться.

Человек, который действительно любит человечество, человек, который утверждает жизнь, не осуждает, не отрицает — никого не может заставить чувствовать вину. Напротив, он помогает всем: «То, что есть у меня, скрыто также и в вас». Его закат — не что иное, как воодушевление для тех, кто готов, кто нуждается в руководстве, кто хочет узнать путь, кто хочет познать свое внутреннее сокровище.

Заратустру следует все глубже и глубже понимать на пользу приходящему человечеству. Он — самый благословенный.

... Так говорил Заратустра.

27 марта 1987 года.

Возлюбленный Ошо,

Пролог часть 2

Заратустра спустился с горы, не повстречав никого на своем пути. Но когда вошел он в лес, перед ним неожиданно предстал старец, оставивший священную хижину свою, чтобы поискать в лесу кореньев. И обратился старец к Заратустре с такими словами:

«Мне знаком этот странник: несколько лет тому назад проходил он здесь. Имя его Заратустра; но преобразился он.

Тогда ты свой пепел нес в горы: неужели ныне хочешь ты нести огонь свой в долины? Неужели не боишься кары, грозящей поджигателю?

Да, я узнаю Заратустру. Взор его чист, и нет на лице его отвращения. Не оттого ли и идет, он так, словно танцует?

Заратустра изменился, ребенком стал Заратустра и пробудился от сна. Чего же хочешь ты от спящих?

Словно в море, погрузился ты в одиночество, и море носило тебя. Увы! Тебе хочется снова выйти на берег? И опять самому таскать брненное тело свое?»

И отвечал Заратустра: «Я люблю людей».

«Но не потому ли, — сказал святой, — ушел я в лес и пустыню, удалившись от всех, что слишком любил людей?

Теперь я люблю Бога: людей я не люблю. Человек для меня слишком несовершенен. Любовь к нему убила бы меня».

Заратустра отвечал: «Разве говорил я что-то о любви? Я несу людям дар».

«Не давай им ничего, — сказал святой, — лучше возьми у них часть их ноши и неси вместе с ними — это будет для них лучше всего, если только это будет по вкусу и тебе самому!

И если хочешь ты давать им, дай не больше милостыни, да еще заставь просить ее!»

«Нет, — отвечал Заратустра, — я не подаю милостыни. Для этого я недостаточно беден».

Святой посмеялся над Заратустрой и сказал: «Так постарайся же, чтобы они приняли сокровища твои! Не доверяют они отшельникам и не верят, что приходим мы к ним ради того, чтобы дарить».

Слишком одиноко звучат шаги наши по их улицам. И если ночью, лежа в своих постелях, задолго до восхода солнца услышат они идущего человека, то спрашивают сами себя: «Куда это крадется вор?»

Так не ходи же к людям, оставайся в лесу! Иди лучше к зверям! Почему не хочешь ты быть, подобно мне, — медведем среди медведей, птицей среди птиц?»

«А что святой делает в лесу?» — спросил Заратустра.

И тот отвечал: «Я слагаю песни и пою их; слагая песни, я смеюсь, плачу и напеваю: так славлю я Бога».

Пением, плачем и смехом славлю я Бога, Господа моего. Что же несешь ты нам в дар?»

Услышав эти слова, Заратустра поклонился святому и сказал: «Что могу дать я вам! Лучше позвольте мне уйти поскорее отсюда, чтобы, ничего не отнять у вас!» И так расстались они друг с другом, старец и муж, смеясь, словно двое детей.

Но когда Заратустра остался один, так сказал он в сердце своем: «Возможно ли это? Этот святой старец в своем лесу еще ничего не слышал о том, что Бог умер!»

Заратустра ушел в горы в поисках уединения. В толпе вы можете почувствовать себя одиноким, но никогда не одним.

Одинокость — голод по другому. Вы лишены другого. Вы не достаточны в самом себе — вы пусты. Поэтому все хотят быть в толпе и опутывают себя всевозможными отношениями просто для того, чтобы обмануть себя, чтобы забыть о своем одиночестве. Но эта одинокость прорывается снова и снова. Никакие отношения не могут его скрыть. Все отношения так тонки и хрупки. В глубине себя вы отлично знаете, что, несмотря на толпу, вы — среди чужих. Вы чужой даже самому себе.

Заратустра и все мистики уходили в горы в поисках уединения. Уединение — это положительное чувство, это чувство своего собственного существа и чувство, что вы самодостаточны — вам никто не нужен.

Одиночество — это болезнь сердца.

Уединение — это исцеление.

Тот, кто познал уединение, навсегда превосходит одиночество. Один он или среди людей — он центрирован в себе. Он один в горах, он один в толпе, поскольку это — его реализация: уединение — наша природа. Одинокими мы пришли в этот мир и покинем его вновь одинокими.

Между двумя этими одиночествами, между рождением и смертью вы все равно одни; но вы не поняли красоты одиночества, и поэтому вы в заблуждении — в заблуждении одинокости.

Чтобы открыть уединение, нужно выйти из толпы. Мало-помалу, по мере того, как забывается мир, все осознание концентрируется на самом себе, и это — вспышка света. Человек впервые приходит к познанию красоты и благословения одиночества, огромной свободы и мудрости одиночества.

Когда Заратустра жил в горах, при нем обычно были змея и орел. На Востоке змея всегда символизировала мудрость. Величайшая мудрость — постоянно ускользать от прошлого, не цепляясь за него, подобно тому, как змея выскользывает из старой кожи и никогда не оглядывается назад. Она всегда движется от старого к новому.

Мудрость — не накопление прошлого; мудрость — это переживание постоянно обновляющейся жизни.

Мудрость не собирает пыль воспоминаний; она подобна чистому зеркалу, отражающему то, что есть — всегда свежее, всегда новое, всегда в настоящем.

Орел — символ свободы. Одиноким, летит он навстречу солнцу, высоко в безграничное небо, без страха. Мудрость и свобода — две стороны одной монеты.

Прожив в горах десять лет, Заратустра постиг экстаз одиночества, чистоту одиночества, независимость одиночества — и именно здесь он уникален среди других пробужденных: обнаружив это, они остались на своих высотах. Заратустра решил «закатиться», вернувшись в толпу.

Он должен принести человечеству весть: вы страдаете понапрасну, ваша зависимость бесполезна; вы создаете всевозможные тюрьмы для самих себя — чтобы чувствовать себя под защитой и в безопасности. Но единственная защита и единственная безопасность — в знании себя, ибо тогда даже смерть бессильна. Она не может уничтожить вас.

Заратустра спускается с гор, чтобы сказать людям: мудрость — не синоним знания; на деле, знания — противоположность мудрости. Мудрость в своей основе невинна. Знания — это эго, а мудрость — исчезновение эго. Знания наполняют вас информацией. Мудрость делает вас абсолютно пустым, но эта пустота — новый вид полноты. Это всеохватность.

Он идет к людям, чтобы сказать им: мудрость приносит свободу. Другой свободы нет;

политические, экономические, социальные — все остальные свободы поддельны. Единственная подлинная свобода — это свобода духа, который может превратиться в орла и без всякого страха лететь в неведомое и непознаваемое. Ибо он достиг этого состояния предельной сознательности, он хочет поделиться. Его уникальность в том, что он все еще любит род человеческий. Нет никакого осуждения спящих, слепых. Есть глубокое сострадание к ним. Он спускается, потому что любит жизнь. Он не против жизни.

Этот небольшой разговор со старым святым, живущим в лесу, очень значителен. В нем много такого, что можно не заметить, но мы постараемся посмотреть в него как можно глубже.

Заратустра спустился с горы, не повстречав никого на своем пути. Но когда он вошел в лес, перед ним неожиданно предстал старец, оставивший священную хижину свою, чтобы поискать в лесу кореньев. И обратился старец к Заратустре с такими словами:

«Мне знаком этот странник: несколько лет тому назад проходил он здесь. Имя его Заратустра; но преобразился он».

Старый святой смог увидеть перемену; хотя это тот же человек, это не та же энергия; это тот же человек, но совершенно другая индивидуальность. Он ушел в горы невежественным, но идет с гор как мудрейший из мудрецов. Он ушел туда спящим; он возвращается пробужденным. С ним произошла трансформация.

Когда он шел в горы, он был простым смертным, но он возвращается с гор, достигнув бессмертия. Теперь он полон радости, полон мира, благословляя все вокруг. Он переполнен любовью, состраданием.

«Тогда ты свой пепел нес в горы...» Ты был всего лишь трупом. И ты нес свой пепел в горы, *«...неужели ныне хочешь ты нести огонь свой в долины?»* Произошла такая радикальная трансформация — теперь, вместо пепла, он стал огнем. Он ушел темным, а теперь он пламенеет.

«Неужели не боишься кары, грозящей поджигателю?» Это важно отметить. Старый святой говорит: *«Неужели тебе не страшно возвращаться к слепым, имея глаза? Идти к мертвым, полному жизни? Идти к спящим, пробужденному?»*

Когда ты уходил от них, ты был одним из них. Теперь ты совершенно другой. Не кажется ли тебе, что ты рискуешь? Они накажут тебя. Они не простят тебя. Твое счастье слишком велико; они не смогут вынести его».

Это странный факт: мы можем стерпеть человеческое страдание, как бы глубоко оно ни было. Мы испытываем определенное удовольствие, когда другие несчастны, поскольку, когда они несчастны, мы выше их. Вы можете выразить сочувствие и порадоваться тому, что вы не так несчастны. Поэтому ни один несчастный человек никогда не был распят, отравлен, насмерть побит камнями.

Но быть счастливым среди несчастных опасно, потому что вы высоко, и они чувствуют себя задетыми. Вы можете понять, а они не могут. Это невыносимо. Они мертвы, а вы живы. Вы должны быть наказаны. Вы отбились от толпы. Вы не боитесь, что вас накажут?

«Да, я узнаю Заратустру. Взор его чист, и нет на лице его отвращения. Не оттого ли и идет он так, словно танцует?»

Глаза очень символичны. Они — часть вашего тела, но они также и окна вашей души. Когда ваша душа становится тихой, мирной, радостной, ваши глаза приобретают глубину, ясность, чистоту, невинность. Они становятся такими прозрачными, что вы можете заглянуть в самую душу человека.

«Взор его чист, и нет на лице его отвращения».

Посмотрите на людей: они испытывают отвращение к жизни в целом, и вы не можете винить их. Что у них есть? Вся их жизнь — не что иное, как затянувшаяся трагедия. Это болезнь, приводящая к смерти. Они продолжают дышать, они продолжают жить, они продолжают

надеяться. Но эти надежды вечно остаются надеждами. Их мечты никогда не сбываются.

По мере своего старения они видят, что их надежды все больше и больше рушатся. Естественно, они наполняются отвращением ко всей этой жизни. Ведь они не просили, чтобы их родили, они никогда не говорили, что им должно быть дано сердце, которое чувствует, которому нужно тепло, которому нужна любовь.

Они никогда не требовали, чтобы им дали душу, которая тоскует по предельным высотам радости и экстаза. Они неожиданно обнаруживают самих себя, и все, что дано им существованием, остается нереализованным. Они действительно сердиты.

У одного из самых глубоких писателей, Федора Достоевского, в его великом романе «Братья Карамазовы» есть один герой, который говорит: «У меня есть лишь одно отношение к Богу, и это — отвращение. Я зол; и если бы я мог встретиться с Ним, единственное, что я сделал бы — это получил бы у Него обратный билет и попросил Его найти способ избавить меня от жизни. Это жестокая шутка. Он дает нам столько желаний, столько страстей... и их невозможно удовлетворить. И нет никакой надежды». Каждый рождается с огромным энтузиазмом, а умирают все разочарованными.

Старый святой говорит: «Теперь я не вижу никакого отвращения, никакого страдания; вместо них я вижу экстаз: он идет, словно танцует...» Ты шел в горы, ты тащился кое-как, неся на плечах свой собственный труп, а теперь: «Не идет ли он так, словно танцует?» Произошла трансформация. Этот человек самореализовался. Этот человек испил от божественного источника.

«Заратустра изменился, ребенком стал Заратустра...» Это величайшая перемена в жизни — снова стать ребенком, *«...и пробудился от сна. Чего же хочешь ты от спящих?»*

Вопрос святого — вопрос всех святых в мире, всех будд, всех мистиков, всех пробужденных. Ты стал ребенком, ты пробудился: чего же ты хочешь теперь от спящих? Ты абсолютно чужд им. Они накажут тебя, они могут убить тебя. Само твое присутствие станет опасностью для их сна, опасностью для их несчастья, опасностью для их слепоты.

«Словно в море, погрузился ты в одиночество, и море носило тебя. Увы! Тебе хочется снова выйти на берег? И опять самому таскать брненное тело свое?» Ты забыл тот день, когда ты ушел в горы? Ты хочешь вновь стать таким, каким ты был? Зачем ты спускаешься, покидая свои солнечные вершины? Ты знаешь, что в долинах — одна тьма. Для чего ты идешь?

И отвечал Заратустра: «Я люблю людей». В этих трех словах заключается вся философия Заратустры: «Я люблю людей. Я люблю жизнь. Я не отрекся от мира. Я ушел в горы не как беглец, отрицающий жизнь. Я ушел в горы, чтобы найти себя, свое одиночество, свою свободу, свою мудрость. Я нашел.

Теперь мне больше не нужно оставаться на вершинах. Наоборот, я так полон, что нуждаюсь в людях, чтобы поделиться. Я хочу поделиться своей любовью, я хочу поделиться своей мудростью, я хочу разделить свою свободу. Я слишком перегружен — я переполнен».

«Но не потому ли, — сказал святой, — ушел я в лес и пустыню, удалившись от всех, что слишком любил людей?» Святой говорит: «Я тоже ушел в горы, в лес, потому что я тоже слишком любил людей; это стало рабством, это превратилось в зависимость, и это принесло мне лишь страдание и больше ничего».

Но здесь есть разница. Он любил людей «слишком», когда он был невежественным, когда он сам спал. Заратустра любит людей, будучи полностью пробужденным, просветленным. Любовь непробужденного — всего лишь вождление. Лишь пробужденному известна красота, духовность и божественность любви. Это больше не рабство.

Любовь пробужденного дает вам свободу.

Любовь непробужденного — это любовь нищего: он хочет, чтобы вы любили его, он хочет

получать все больше и больше любви.

Любовь пробужденного — как раз обратное. Это любовь императора. Он хочет давать вам — у него так много, такое изобилие. Он дарит, он делится, не желая никакой награды, не желая ничего получить взамен.

Святой сказал: «Теперь я люблю Бога: людей я не люблю». В этих словах полностью выражена позиция всех так называемых религий. Они создали разделение: если вы любите людей, вы не можете любить Бога. Ветхозаветный Бог говорит: «Я очень ревнив. Если вы любите меня, вы не можете любить никого другого».

Но это — позиция почти всех религий. Либо вы любите этот мир — тогда вы должны отречься от иного мира... Если вы любите человека, вы забыли Бога. Вы можете выбрать. Если вы любите Бога, вы должны взять назад свою любовь к людям. Фактически, вы должны возненавидеть людей, вы должны возненавидеть жизнь, вы должны возненавидеть все удовольствия жизни. Это религиозное представление очень монополистично. Бог желает любви всего вашего сердца целиком. Он не может терпеть никаких соперников.

«Теперь я люблю Бога: людей я не люблю. Человек для меня слишком несовершенен. Любовь к нему убила бы меня». В старом святом полностью выражено религиозное отношение — антижизненное, направленное против радости, против удовольствий. Почему вы не можете любить людей? - потому что люди слишком несовершенны. Бог совершенен.

«Любовь к людям убила бы меня». Реальность такова: любовь в своей чистоте, в своем духовном цветении не делает никаких различий. Она любит не потому, что вы достойны, она любит не потому, что вы совершенны, она любит не потому, что вы — Бог: настоящая любовь любит ради самой любви. Объект любви не важен. Вы так полны любовью, что вы постоянно делитесь с теми, кто несовершенен. И на самом деле они нуждаются больше. На самом деле те, кто недостойны, нуждаются больше. Тому, кто не заслуживает, любовь нужнее.

Совершенному Богу не нужна ваша любовь: совершенный Бог — всего лишь гипотеза, он существует только у вас в уме. Вы никогда не встречали его; в противном случае человек, который всегда ищет несовершенство, найдет несовершенство также и в Боге.

Задумывались ли вы об этом? Если бы Бог вдруг появился перед вами, неужели вы не смогли бы найти в Нем несовершенство? — вы *нашли бы* несовершенство и в Нем. Возможно, Он не так прекрасен, как вы воображали. Может быть, Он похож на китайца, возможно, он негр или даже негритянка! Возможно, Он слишком стар, слишком дряхл: в Нем нет свежести, одна только вонючая старость; Он ведь прожил целые века.

Существует такое множество гипотетических представлений о Боге. Кто-то верит, что у Него четыре руки. Вы думаете, что четыре руки — это красиво? А кто-то думает, что у Него тысяча рук. Очень правильно будет поместить человека с тысячей рук в музей, но любить Его... а если Он обнимет вас — тысячью рук? Если вам удастся высвободиться из Его объятий, вы никогда больше не подумаете о Боге.

Есть представления о Боге с тремя лицами. Интересно было бы посмотреть на Него, но человек с тремя лицами вряд ли покажется красивым. И кто знает, какие эти лица?

Совершенство Бога — в вашем уме, поскольку Бог - всего лишь проекция ума. И вам очень легко любить Бога, ведь никакого Бога нет, так что нет никаких проблем.

Любить женщину или мужчину... здесь *есть* проблемы. У вас разные вкусы; у вас разные склонности. Вы хотите пойти в кино, а ваша жена требует, чтобы вы *не* ходили в кино; у нее болит голова.

Однажды Генри Форда спросили:

— Вы становитесь все богаче и богаче; что вас побуждает?

Он сказал:

— По правде говоря, я хотел проверить, могу ли я заработать больше, чем моя жена может потратить; и я вынужден признать, что проиграл.

С другим человеком *всегда* проблемы. Вы хотите спать, а ваш муж храпит. Что вам делать с этим мужем, который спит и храпит вам прямо в ухо? И он тоже беспомощен. Храпение пытались предотвратить тысячами методами. Самое последнее изобретение — это мешочек с электрическим оснащением, подвешенный надо ртом мужа. В тот момент, когда он начинает храпеть, мешок тут же падает на его лицо, и он просыпается — как вы думаете, сможет ли он спать ночью или нет? — ведь как только он захрапит, мешок тут же падает на его нос и рот и закрывает их.

У тела вашей жены запах, которого вы не переносите...

С Богом все прекрасно, потому что вы не должны ни спать с Ним — пусть себе храпит, — ни жить с Ним; если Его тело воняет, пусть воняет. Это — чистая гипотеза вашего ума. Но быть связанным с реальным человеком — совершенно другое. Это — первое испытание вашей любви. Очень легко любить Бога; очень трудно любить человека.

Любить Бога ничего не стоит; для того, чтобы любить человека, необходимо огромное понимание.

Так что тот, кто ушел в лес, в горы и проецирует идею Бога, и любит этого Бога, выбрал очень легкую любовь. Его любовь не будет расти, потому что нет вызова.

Старый святой почти полностью высказывает сущность метода всех религий: «Любовь к людям убьет меня. Человек для меня слишком несовершенен». Это эгоизм. Он считает себя совершенным, а людей — слишком несовершенными. Конечно, совершенный человек может любить только совершенного Бога; но Бог — всего лишь ваша галлюцинация. Если вы настойчивы, вы, может быть, увидите Бога, которого представляете: это не что иное, как сон с открытыми глазами, это галлюцинация. Перед вами никого нет, но вы загипнотизированы своей собственной идеей.

Вот почему христианин видит Иисуса, буддист видит Будду, а индуист — Кришну. Христианин даже по ошибке никогда не увидит Будду или Кришну. Даже по ошибке Кришна никогда не придет к христианину, а Христос никогда не явится индуисту — потому что этих людей не существует. Они — часть вашего ума; вы создаете их. Библия говорит, что Бог создал человека по образу Своему. Я говорю вам: человек создал Бога по образу своему.

Заратустра отвечал: «Разве говорил я что-то о любви? Я несу людям дар».

Любовь — всегда дар; иначе она — абстрактная поэзия. «Разве говорил я что-то о любви? Я несу людям дар». Старый святой говорит очень важные слова: «Не давай им ничего, ибо они никогда не прощают тех, кто дает им что-нибудь».

Сократ дал людям чрезвычайно ценный метод поиска истины: сократический диалог. Но что сделали с ним люди? — отравили его.

В словах старого святого есть некая истина: «Не давай им ничего. Лучше возьми у них часть их ноши и носи вместе с ними — это будет для них лучше всего, если только это будет по вкусу и тебе самому».

Это свойство человеческой психологии: вы хотите быть дающим; вы не хотите быть принимающим. Но есть вещи, которые вы должны принять. Вы не можете дать их, поскольку не имеете их.

Что вы можете дать Гаутаме Будде, Иисусу Христу или Заратустре? Вы нищий, и, тем не менее, ваша психология такова: вы должны дать им что-то, и это принесет вам счастье. Возможно, они дают вам несметные сокровища, но вы никогда не простите их, потому что они — дающие, а вы - получатели. Вы нищий. Как вы можете простить того, кто сделал вас нищим?

У меня был приятель, который родился бедным, но его усыновила одна из самых богатых

семей в Индии. Он был очень щедрым человеком — он сделал всех своих родственников богатыми, обеспеченными людьми. Он все время давал друзьям, родственникам, даже чужим. Но однажды, когда мы вместе ехали в поезде, он признался мне:

— Я всегда хотел спросить у вас кое-что, но не мог набраться смелости открыться. Я обеспечил всех своих родственников, которые были бедняками, и теперь они богаты. Я давал своим друзьям, я давал даже чужим людям, которые просили денег; я никогда никому не говорил «нет» — у меня так много денег, что я могу все время отдавать их. Но все они сердиты на меня; все они настроены против меня.

Я сказал:

— Это очень просто: вы когда-нибудь давали им возможность дать что-нибудь *вам*? Он ответил:

— Мне ничего не нужно. Я сказал:

— В том-то и дело. Но мелочи... например, вы можете позвонить другу, которому вы дали деньги, фабрику, которого вы сделали богатым, и сказать: «Я проезжал мимо твоего дома и видел в твоём саду прекрасные розы. Не пришлешь ли ты мне несколько роз?» И отношение вашего друга к вам изменится.

Вы больны: вы можете позвонить кому-то и сказать: «Я лежу в постели, у меня лихорадка и страшно болит голова; я очень хочу видеть тебя рядом. Приезжай, возьми меня за руку и посиди со мной». Этого достаточно.

У вас много машин, но вы могли бы сказать одному из своих родственников: «Мне на один день нужна твоя машина». Вы можете не пользоваться ею. Просто подержите в гараже, и к вечеру верните. Но ваш родственник или друг подумает, что он тоже может дать вам кое-что. В нем тоже нуждаются.

Он сказал:

— Я попробую, хотя мне и не хочется. Я сделал из них то, что они есть. Почему я должен что-то просить? В моем саду есть розы. У меня есть своя машина, а их машины дал им я; и их дома им тоже дал я.

Я сказал:

— Это ваше дело. Именно ваше эго задевает их всех - что вы дающий, а они всегда принимают. Если вы хотите, чтобы их отношение к вам изменилось, вы должны что-нибудь принять. Дайте им эго на несколько мгновений насладиться даванием.

Он попробовал, и когда мы встретились в следующий раз, он сказал:

— Это сработало, происходят чудеса! Я никогда не видел... эти люди так счастливы со мной. Они разговаривают о моей щедрости. Теперь, когда я беру у них вещи, я стал щедрым; а раньше они всегда говорили: «Он просто эгоист; он дает нам не потому, что мы нуждаемся, он дает нам только для того, чтобы унижить нас!»

Старый святой прав: *«Не давай им ничего. Лучше возьми у них часть их ноши и неси вместе с ними — это будет для них лучше всего, если только это будет по вкусу и тебе самому! И если хочешь ты давать им, дай не больше милостыни, да еще заставь просить ее!»*

Его совет очень значителен и основан на глубокой психологической истине. Дай им только милостыню. Не давай им слишком много. Дай им столько, чтобы они захотели больше. Тогда они всегда будут махать перед тобой хвостом. Давай им только когда они просят, и они будут счастливы с тобой, потому что ты не делаешь их нищими. Они сами обнищали. Это не твоя вина; они не могут сердиться на тебя.

Но это не для такого человека, как Заратустра. *«Нет, - отвечал Заратустра, — я не подаю милостыню. Для этого я недостаточно беден».* Великие слова: *Для этого я недостаточно беден.* Заставить кого-нибудь выпрашивать и давать так мало, чтобы создать в них желание

большого — значит показать свою бедность. Для этого я недостаточно беден.

Во мне есть изобилие: изобилие любви, изобилие мира, изобилие истины, изобилие мудрости, изобилие свободы, и все это нельзя раздавать по частям. Это можно отдать только целиком. Вы не можете разрезать истину на куски. Вы не можете разрезать любовь на части. Или вы даете, или вы не даете. Но если вы даете, вы должны отдавать от всего сердца, тотально. Даже если они распинают вас, это не важно; если вы раздражаете и надоедаете им, это не важно.

Святой посмеялся над Заратустрой и сказал: «Так постарайся же, чтобы они приняли сокровища твои!» — ибо они всегда отвергали их. В глубине они желают сокровищ, но когда кто-то приходит, чтобы отдать им, они отвергают их. В отречении есть удовольствие: почему вы отвергаете Будду, Махавиру или Иисуса? Отвергая, вы показываете им: «Возможно, у вас есть сокровище, но мы не настолько бедны, чтобы принять его. Возможно, вы богаты, обладая им. А мы богаты, богаче вас, отвергая его».

Совет старика основан на глубокой мудрости. *«Так постарайся же, чтобы они приняли сокровища твои! Не доверяют они отшельникам и не верят, что приходим мы к ним ради того, чтобы дарить.»*

Слишком одиноко звучат шаги наши по их улицам. И если ночью, лежа в своих постелях, задолго до восхода солнца услышат они идущего человека, то спрашивают сами себя: "Куда это крадется вор?" Так не ходи же к людям, оставайся в лесу! Иди лучше к зверям!»

Мне по душе этот совет старого святого, потому что звери невинны: они не станут отвергать вас, они не станут раздражаться на вас, и они не будут распинать вас.

Я бы добавил: иди к зверям, иди к деревьям — они более чувствительны. Человек стал почти бесчувственным, и чем выше ценность, тем он нечувствительнее. Он понимает лишь язык денег, власти, престижа. Он забыл язык любви, язык радости, язык танца.

«Почему не хочешь ты быть, подобно мне, — медведем среди медведей, птицей среди птиц?»

«А что святой делает в лесу?» — спросил Заратустра.

И тот отвечал: «Я слагаю песни и пою их; слагая песни, я смеюсь, плачу и напеваю: так славлю я Бога.»

Пением, плачем и смехом славлю я Бога, Господа моего. Что же несешь ты нам в дар?»

Услышав эти слова, Заратустра поклонился святому и сказал: «Что могу дать я вам? Лучше позвольте мне уйти поскорее отсюда, чтобы ничего не отнять у вас!» И так расстались они друг с другом, старец и муж, смеясь, словно двое детей.»

Заратустра сказал: «Что могу я тебе дать? Ты поешь, ты слагаешь песни, ты радостен. Ты совершенно счастлив в своем уединении. Что я могу тебе дать? Позволь мне уйти, я боюсь взять у тебя что-нибудь — а я уже слишком нагружен песнями и счастьем. Мы оба отягощены. Ты выбрал жить медведем среди медведей; жить птицей среди птиц; жить деревом среди деревьев. Я выбрал вернуться к людям и жить как человек. У меня нет ничего, чтобы дать тебе. У тебя это уже есть». Они поняли друг друга, старик и Заратустра, и, смеясь, как два мальчишки, разошлись по сторонам.

Но когда Заратустра остался один, так сказал он в сердце своем: «Возможно ли это? Этот святой старец в своем лесу еще ничего не слышал о том, что Бог умер!»

Это следует понять любому, кто находится в поисках истины, в поисках религиозности, в поисках духовного роста: Бог — просто гипотеза. Это всего лишь способ выражения — Бог умер, — Бог никогда не жил. Просто для того, чтобы удовлетворить человеческое любопытство, хитроумные изобрели идею Бога. Это не откровение, это просто воображение, и оно навязано многовековым воспитанием.

Но в своем сердце он сказал: возможно ли, чтобы такой прекрасный старец, который слагает песни и поет, который живет с птицами, деревьями и животными, еще не слышал в своем лесу, что Бог умер? — что он все еще говорит о любви к Богу?

Я полностью согласен с Фридрихом Ницше и Заратустрой. Отличается лишь мой способ выражения. Я хочу сказать, что Бог никогда не жил; никогда не было никакого Бога. Бог — это изобретение страха, жадности или разочарованности.

Бог — изобретение тех, кто не смог научиться искусству жизни. Из-за того, что они не могли танцевать, они начали осуждать танец. На самом деле, они сами были калеками, потому что не могли жить. Для жизни нужна бдительность, разумность, терпение, терпимость. Поскольку им не удалось создать в себе эти качества, они создали представление о том, что жизнь — нечто нехорошее: от нее нужно отречься. Но вы не можете отречься от чего-то до тех пор, пока нет ничего большего, что вы получите через свое отречение. Поэтому Бог — проекция величайшей жадности: отрекитесь от мира, и вы можете получить Бога. Отрекитесь от мира, и вы можете получить рай.

Это изобретения изгоев, калек, недоразвитых; тех, кто не смог научиться искусству любви, искусству жизни, кто не умеет петь, кто не умеет танцевать. Естественно, тот, кто не умеет танцевать, будет осуждать танец. Тот, кто не умеет петь, будет осуждать пение. Это защитное средство, чтобы скрыть свое уродство, скрыть свое невежество.

Бог — создание неразумных, а не мудрых. Это творение рабов, а не тех, кто любит свободу. Заратустра невероятно любит жизнь и все, что в ней есть. Он — единственный мистик с таким невероятным жизнеутверждением. Какое может быть отречение: жизнь — это дар существования. Научитесь наслаждаться ею! Получайте от нее удовольствие! Танцуйте с деревьями, танцуйте со звездами. Любите без ревности. Живите без соперничества. Примите любого без рассуждений. И тогда не нужен никакой Бог. И тогда не нужен никакой рай.

Мы можем преобразить эту самую землю в божественное существование. Сама наша жизнь может стать выражением божественности.

Я полностью за божественность, потому что божественность — это качество, которому вы можете научиться, вы можете расти. Бог — всего лишь мертвая идея. Чем быстрее она будет отброшена, тем лучше, поскольку это напрасная трата вашего времени.

Миллионы людей на всей земле молятся, не зная, что их молитвы некому слушать. Миллионы поклоняются каменным статуям. Если они не могут любить живых людей, разве могут они любить каменные статуи? Но каменные статуи удобны. Они не могут доставить вам никаких неприятностей. Вы можете делать все, что хотите: вы можете лить на них воду или молоко, вы можете жертвовать им гнилые кокосы — они даже не будут возражать. Каменной статуе вы можете говорить на любом языке все, что угодно, правильное или неправильное — не имеет значения.

Любовь требует, чтобы другой был жив, чтобы он жил. Но тогда вы должны научиться искусству.

Это большая глупость — что ни в одном университете мира людей не учат искусству жизни, искусству любви, искусству медитации. И я считаю, что все остальное гораздо ниже, чем любовь, жизнь, медитация, смех. Вы можете быть великим хирургом, великим инженером, вы можете быть великим ученым — и, тем не менее, вам понадобится чувство юмора, вам понадобится искусство любви, вы не проживете без искусства жизни, в жизни вам потребуются все эти великие ценности.

Но вы будете удивлены: я учу только этому — любви, жизни, смеху, и как основе всего этого, медитации — однако индийское правительство не желает признать эту школу образовательным учреждением. Они признали бы ее образовательным учреждением, если бы я

учил географии, истории, химии, физике — предметам светской жизни.

Я не говорю, что им не нужно учиться, но образование не должно сводиться только к этому. Они должны быть низшим родом образования, и каждый университет должен иметь факультет высшего образования, где вы учитесь реальным ценностям жизни... потому что география не может сделать вас лучше, история не может научить вас лучше любить, а химия не сделает вас медитативным.

Все, чему вас учат в университете, не может дать вам чувства юмора. Вы не умеете смеяться, вы не можете танцевать, вы не можете петь. Ваша жизнь стала почти пустыней.

Заратустра хочет, чтобы ваша жизнь стала садом, в котором поют птицы, цветут цветы, танцуют деревья, куда с радостью приходит солнце. Заратустра полностью за жизнь, и в этом причина того, что у него немного последователей. У отравителей и разрушителей миллионы сторонников. А единственный в своем роде учитель и уникальный мистик, все послание которого — любовь и жизнь, имеет самую маленькую религию в мире.

Религия Заратустры должны быть единственной религией. Все остальные религии следует похоронить на кладбищах, ибо нет никакого Бога, кроме жизни, и никакой молитвы, кроме любви.

... Так говорил Заратустра.

ПРОЛОГ ЧАСТЬ 3

27 марта 1987 года.

Возлюбленный Ошо,

Пролог часть 3

Придя в ближайший город, что располагался за лесом, Заратустра увидел толпу людей, собравшихся на базарной площади, ибо было им обещано зрелище — канатный плясун. И обратился Заратустра к народу с такими словами:

«Я учу вас о Сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно преодолеть. Что сделали вы, дабы преодолеть его? Доныне все существа создавали нечто, что выше их; вы же хотите стать отливом этой великой волны и скорее вернуться к зверям, чем преодолеть человека?

Что такое обезьяна по сравнению с человеком? Посмешище, либо мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для Сверхчеловека — посмешищем либо мучительным позором.

Вы совершили путь от червя до человека, но многое еще в вас — от червя. Когда-то были вы обезьянами, и даже теперь человек больше обезьяна, нежели иная из обезьян.

Даже мудрейший из вас есть нечто двусмысленное и неопределенно-двуполое, нечто среднее между тем, что растет из земли, и обманчивым призраком. Но разве велью я вам быть тем либо другим?

Слушайте, я учу вас о Сверхчеловеке!

Сверхчеловек — смысл земли. Пусть же и воля ваша скажет: Да будет Сверхчеловек смыслом земли!

Заклинаю вас, братья мои, оставайтесь верны земле и не верьте тем, кто говорит вам о неземных надеждах! Они — отравители; неважно, знают ли они сами об этом...

Прежде величайшим преступлением была хула на Бога, но Бог умер, и эти преступления умерли вместе с ним. Теперь же самое ужасное преступление - хулить землю и чтить непостижимое выше смысла земли!

...Так говорил Заратустра.

Каждое высказывание Заратустры несет в себе так много смысла, что почти невозможно выявить все значения, раскрыть все тайны, скрытые в нем. И это еще труднее оттого, что он абсолютно против всех традиций, всего ортодоксального, всего прошлого. Обычно наши высказывания можно толковать в свете прошлого. Они содержат прошлое. Это выводы из прошлого.

С Заратустрой положение совершенно противоположное. Его утверждения несут будущее, и это будущее необъятно, это будущее многомерно. О прошлом мы можем говорить определенно, потому что оно мертво.

О будущем же мы можем говорить только предположительно — о возможностях, потенциалах — потому что будущее открыто. Оно еще должно прийти, и его невозможно предсказать — в этом его красота, в этой неизвестности - его величие. Заглядывая в будущее, вы можете ощутить лишь глубокое благоговение, интерес, любопытство. В каждом уголке спрятано столько сокровищ, но пока вы не придете туда, невозможно сказать о них что-либо.

Гаутама Будда прост — так же, как Иисус и Махавира; все они — результат прошлого. Заратустра — это провозвестие будущего. Нужно запомнить: он — самый непредсказуемый мистик во всей человеческой истории.

Придя в ближайший город, что располагался за лесом, Заратустра увидел толпу людей, собравшихся на базарной площади, ибо было им обещано зрелище — канатный плясун.

Человек настолько несчастен, что он хочет забыть свое несчастье в любом представлении, каким бы глупым ни казалось оно тому, у кого есть хоть немного понимания. Все наши игры — ребячество, но миллионы людей так захвачены ими, как будто они дадут им новую жизнь, преобразят их бытие, как будто они избавят их от несчастий, унесут темную ночь их души.

Если объявить, что будет выступать канатоходец, тысячи людей соберутся просто для того, чтобы посмотреть, как кто-то ходит по канату — как будто в жизни этих людей нет ничего важнее; как будто они не знают, что им делать со временем, которое подарило им существование.

Заратустра повстречал это сборище. Конечно, там не было людей, достойных Заратустры и его послания, но это — единственный род людей на всей земле, других нет. Поэтому, *Заратустра так обратился к народу...* не волнуясь, достойны они или нет, способны ли они хотя бы понять, что он говорит, или нет.

Он подобен дождевому облаку, он так обременен мудростью, что хочет пролиться дождем где угодно. Он хочет опустошить себя. Богатство его радости, его тишины, его блаженства стало таким тяжелым, что ему нужен кто-то, чтобы поделиться. Вопрос не в том, заслуживает он этого или нет. Конечно, это было не то общество, чтобы слушать его; но облако проливает дождь даже на камни, скалы, бесплодную землю. Облако не различает; все, что его беспокоит — это облегчить свою ношу.

Первые слова, которые он произносит, содержат всю его философию, всю его религию:

Я учу вас о Сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно преодолеть. Что сделали вы, чтобы преодолеть его? Никто не говорил так заостренно, так ясно, что человек должен превзойти себя; что он должен выйти за свои пределы; что человек есть нечто, что должно преодолеть. Вы не должны успокаиваться, оставаясь просто человеком. Вы должны идти за пределы всего человеческого. Все, что внутри вас, принадлежит человеку.

Быть сверхчеловеком означает отбросить ум, отбросить идеологии, отбросить инстинкты, отбросить здравый смысл, полностью уйти за пределы всех своих представлений о человеке. Сверхчеловек — его учение; и это его прозрение происходит из очень естественного явления.

Доныне все существа создавали нечто, что выше их... Такова теория эволюции: каждое существо создавало нечто, что превосходило его. Обезьяна создала человека. Вы не можете даже представить, что они — ваши предки: так велико расстояние, так огромна трансценденция.

Ученые говорят, что жизнь началась в океанах, с рыб. От рыбы до человека каждое существо рождало нечто, что превосходит его. Но, дойдя до человека, вся эволюция неожиданно остановилась. Человек рождает просто другого человека.

А вы хотите стать отливом этой великой волны и скорее вернуться к зверям, чем преодолеть человека?

Что такое обезьяна по сравнению с человеком? Посмешище либо мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для Сверхчеловека — посмешищем, либо мучительным позором.

Вы совершили путь от червя до человека, но многое еще в вас — от червя.

В действительности, вся эволюция от рыбы до человека до сих пор находится внутри вас. Она оставила следы в вашем сознании. За девять месяцев в материнской утробе каждый ребенок проходит все стадии, через которые прошло человечество — от рыбы до человека.

В нас есть все наклонности, подтверждающие это, и даже если вы не находите, что Дарвин прав в биологическом смысле, психологически его нельзя опровергнуть. В вашем уме все еще жива обезьяна; ваше поведение все еще ниже человеческого; ваша человечность — лишь на

поверхности: всего лишь маленькая царапина — и вы обнаружите гориллу. Всего лишь маленькое унижение, и вы готовы убивать или быть убитым. В вас живет насильственность всех животных; в вас живы все инстинкты всех животных.

Когда-то вы были обезьянами, и даже теперь человек больше обезьяна, нежели иная из обезьян. Ведь обезьяны не устраивают мировых войн — они простые существа. Они не нагромождают ядерное оружие, чтобы совершить глобальное самоубийство. Человеческая насильственность кажется безграничной.

Даже мудрейший из вас есть нечто двусмысленное и неопределенно-двуполюсное, нечто среднее между тем, что растет из земли, и обманчивым призраком. Но разве веля я вам быть тем, либо другим?

Даже мудрейший из вас в минуты слабости ведет себя как дурак, идиот. Этот идиот не так далеко; он просто прячется позади вас; малейший предлог — и он выходит вперед и берет над вами верх. Вы — хозяин лишь на поверхности; это так легко разрушить.

Даже мудрейший из вас противоречив, не гармоничен; это не органическое единство, не оркестр. У каждого внутри столько голосов — большая толпа. Вы не наблюдали за внутренней толпой? Сколько людей живет в вас? Сколько у вас лиц? Может быть, вы даже не считали; может быть, их слишком много, чтобы сосчитать.

Когда суфийский мистик, отрекаясь от мира, своей семьи и друзей, уходил к своему мастеру, его семья, друзья и вся деревня пришли проводить его. Быть может, они больше не увидятся — он уходил в долгое паломничество на поиски мастера. В их глазах стояли слезы. Он хотел утешить их и сказал:

— Теперь возвращайтесь. Вот река, граница нашего города. Теперь позвольте мне остаться одному. Не задерживайте меня.

Он пришел в горы, и, когда он входил в хижину своего мастера, тот взглянул на него и сказал:

— Ты можешь войти, но один.

Он посмотрел по сторонам; никого не было. Он сказал:

— Я и так один.

Мастер сказал:

— Не смотри по сторонам. Взгляни внутрь. Я вижу толпу — толпу твоих друзей, родственников, твою семью, соседей — их глаза полны слез. Оставь их снаружи. Пока ты не один, не входи, так как я имею дело только с индивидуальностями, а не с толпами, собраниями.

Этот человек закрыл глаза — и удивился. Все те люди, которых он оставил далеко позади, все еще присутствовали в его уме — воспоминания, образы. Он вышел, и три месяца ему пришлось оставаться снаружи, сидя возле двери, у которой люди обычно оставляли обувь. Поскольку делать ему было нечего, он чистил эту обувь, пока люди встречались с мастером.

Но его желания и стремления были искренними. Три месяца он чистил ботинки посетителей, и толпа мало-помалу исчезла. И однажды мастер вышел, взял его за руку и пригласил войти. Мастер сказал:

— Не нужно больше ждать снаружи. Теперь ты один, и можно начать нашу работу.

«Даже мудрейший, — говорит Заратустра, — есть не что иное, как толпа: не один голос, но такая разноголосица, базар; они противоречат друг другу, никакой гармонии, никакого созвучия».

Слушайте, я учу вас о Сверхчеловеке!

Сверхчеловек — смысл земли. Пусть же и воля ваша скажет: Да будет Сверхчеловек смыслом земли!

Заклинаю вас, братья мои, оставайтесь верны земле...

Что он подразумевает под сверхчеловеком? — точно то же, что и я имею в виду под новым человеком. Я отбросил слово «сверх» по определенной причине. Его можно понять неправильно; его уже поняли неправильно. Оно несет идею о том, что человек, который станет вашим преемником, будет выше вас. Это унижительно. И, возможно, по этой причине сверхчеловека все еще нет — ведь кому захочется быть ниже? Если сверхчеловек сделает вас посмешищем, — возможно, это основная причина, почему человек не только не пытается превзойти свои пределы, но делает все, чтобы помешать, кому бы то ни было превзойти себя.

Может быть, человек распял Христа по определенной причине: Иисус был оскорблением для человечества. Человек отравил Сократа — возможно, он не знал точно, почему; но я понимаю, что само присутствие Сократа позорит его — высота Сократа, ясность, разумность; любое превосходство невыносимо.

Толпа не могла это потерпеть: Сократа нужно было уничтожить. Он заставлял миллионы людей чувствовать себя ниже — не то, чтобы он хотел, чтобы вы чувствовали себя ниже: он хотел, чтобы вы стали такими же высокими, как он. Но это в самой природе вещей: он не хочет, чтобы вы чувствовали себя ниже, а вы желаете быть выше. Реальность же такова: там, где есть Сократ, или Иисус, или Мансур, вы внезапно чувствуете себя пигмеями.

Заратустра прав: Что такое обезьяна по сравнению с человеком? Посмешище, либо мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для Сверхчеловека — посмешищем, либо мучительным позором.

В моем понимании, это — причина того, что человек не слушал всех тех, кто мог бы помочь его существованию стать более значительным, более радостным, более истинным, подлинным, более поэтичным и прекрасным.

Я вполне намеренно отказался от слова «сверхчеловек». Я называю будущего человека «новым человеком». В этом нет оттенка превосходства; это не унижает вас. Это просто объявляет о прибытии нового. Слова — это не просто слова: они производят на вас впечатление.

Так же, как Заратустра, я говорю вам: Я учу вас новому человеку.

Мой новый человек в точности такой же, как сверхчеловек Заратустры, но я не буду называть его сверхчеловеком. Это неверное слово, и оно стало большим препятствием, во многих отношениях, для прогресса человечества.

Адольф Гитлер почерпнул свою идею о сверхчеловеке у Фридриха Ницше, у Заратустры. Адольф Гитлер был не слишком разумным человеком, он не отличался большим пониманием. Адольф Гитлер был почти умственно отсталым, ненормальным. Но слово «сверхчеловек» в руках Адольфа Гитлера превратилось во вторую мировую войну — оно убило миллионы людей.

Заратустра не мог даже подумать, и Фридриху Ницше не могло прийти в голову, что их философия может оказаться в руках сумасшедшего; и конечно, невозможно было представить, что он будет толковать ее согласно своему пониманию. Для него сверхчеловек — это сверхвоин, сверхсолдат, стальной человек. Он объявил, что нордические немцы - это раса приближающегося сверхчеловека; что они должны править миром. Фактически, это привилегия сверхчеловека — править всеми, кто ниже.

Странная судьба у слова «сверхчеловек»! В руках сумасшедшего оно превратилось в нечто такое, что Заратустре не могло даже присниться.

Германской расе принадлежала привилегия управления всем миром по той простой причине, что она была выше всех; она должна была стать утробой для сверхчеловека. Сверхчеловек был солью земли, сверхчеловек был смыслом земли.

Тем же самым словом «сверхчеловек» пользовался в Индии Шри Ауробиндо, и его значение полностью изменилось. В руках Шри Ауробиндо сверхчеловек становится бессмертным человеком, физически бессмертным. Человеку всегда говорили, что духовно он бессмертен. Шри

Ауробиндо дал свое толкование: «Я работаю, чтобы найти правильную дисциплину, правильную методологию, трансформирующую вас в физическое бессмертие». И люди, которые больше всего боялись смерти, стали его учениками.

Как дерево познается по плодам его, мастера можно узнать по его ученикам.

Я был знаком со многими последователями Шри Ауробиндо, и один мой друг был в ашраме Шри Ауробиндо, когда тот умер. Я спорил с ним, что это просто чушь, что физическое бессмертие невозможно. Для того чтобы стать физически бессмертным, вам пришлось бы полностью изменить программу клеток тела; а в теле семь миллионов клеток, полностью запрограммированных. Даже ученые не могут найти способ изменить их программу.

Если мы сможем изменить их программу, тогда, возможно, положение могло бы измениться. Например, если вам хочется бессмертия, человек должен остановиться в определенном возрасте и не должен развиваться дальше - он должен навсегда остаться молодым и никогда не стареть. Если он стареет, то следующий шаг — это могила.

Я говорил своему другу: «Вот увидишь: Шри Ауробиндо стар, и скоро он умрет. Но это замечательное доказательство: ведь если он не умирает, по крайней мере, в то время, пока он продолжает жить, его идея не может быть опровергнута. А если он умрет, то с кем вы будете спорить? С мертвым телом, о котором вы обычно говорили, что оно физически бессмертно? Но мертвому все равно, его больше нет».

В один прекрасный день Шри Ауробиндо умер, и мой друг прислал мне телеграмму: «Не верьте газетам. Он не умер. Он глубоко ушел в самадхи. Он так глубоко ушел в себя, что ему не нужно дыхание, не нужно сердцебиение. Он ушел, чтобы найти последние штрихи своей методологии, которая сделает людей бессмертными».

Они хранили тело три дня — они ждали, пели, молились и надеялись, что он не умер, но через три дня тело начало вонять. Тогда они испугались, что держать тело дальше опасно. Люди могли разнести вест, что тело воняет, что этот человек умер.

Эти верующие были настолько слепы, что они тут же поместили тело в мраморную могилу, и они все еще продолжали верить, что и в могиле он упорно работает над секретной формулой. Мать, которая была на попечении его ашрама, действительно жила почти сто лет. Это было доказательством. Даже в этом возрасте она играла в теннис и плавала, но однажды она тоже умерла.

Мой друг пришел, очень разочарованный. Я сказал:

— В чем проблема? Твоя вера не абсолютна; ведь теперь вместо одного человека двое — мужчина и женщина — отправились в могилу, чтобы найти секрет физического бессмертия. И естественно, женщине тоже нужно знать — кто знает, а вдруг есть разные секреты для мужчин и женщин? Так что не из-за чего расстраиваться.

Он сказал:

— Ты делаешь из меня посмешище. Ты всегда был против, а теперь ты говоришь, что мне нужно возвращаться, что эти двое обманывали.

Я сказал:

— Они не обманывали тебя: ты сам обманывал себя, что это правда, и ты обманывался из-за своего страха смерти.

Я знаю много последователей, которые теперь разочаровались, потому что они пришли, чтобы стать сверхлюдьми; а сверхчеловек в философии Шри Ауробиндо означает «физически бессмертный», бог в теле. Словам можно придать любое значение. Я отбросил это слово, поскольку и Адольф Гитлер, и Шри Ауробиндо исказили его совершенно.

Я пользуюсь очень нейтральным термином: новый человек. Таково было подлинное значение слов Заратустры: человек не должен останавливаться там, где он есть. У него гораздо

больше возможностей для роста, он не зашел в тупик — впереди долгое путешествие. Мне хотелось бы сильно изменить это: новый человек — смысл земли.

«Пусть же и воля ваша скажет: Да будет новый человек смыслом земли!» Что такое новый человек? — Человек, который отбросил все условности, навязанные ему прошлым; который отбросил все заимствованные знания; который находится в поиске собственной истины, собственной сущности. Его религия индивидуальна, это более не организация, не толпа, она больше не коллективна. Его религия — не синоним общественной морали. Его религию можно свести к одному слову — медитация: состояние не-ума, в котором он может испытать сущностное ядро своего бытия, бессмертное, вечное.

Когда вы входите в свою собственную субъективность, открываются тысячи возможностей. На вас изливаются абсолютно новые переживания, вам такое даже не снилось. У вас нет для них ни слов, ни образов: экстаз, блаженство, мир, который превосходит ваше понимание, живая тишина — не тишина могилы, но тишина сада. Тишина, которая одновременно и песня. Тишина, в которой есть музыка, беззвучная музыка, и любовь, разливающаяся во всех направлениях, никому не адресованная.

Подобно фонтану, вы имеете так много, и все ваши источники приносят вашему существу все больше и больше любви — нет другого пути, кроме как делиться ею, не заботясь о том, достанется она тому, кто заслуживает ее или не заслуживает, достанется она святым или грешникам, без всякого различия. Рождается сострадание, ибо теперь вы знаете, что вы — часть целого; разрушая кого-то, вы разрушаете нечто в себе, убивая кого-то, вы убиваете свою собственную часть.

Новый человек не будет выше или праведнее вас, он будет совершенно другим — это не вопрос сравнения.

Вы — только зерно.

Новый человек будет цветком.

Это будет ваше величие, а не унижение. Вы — только потенциал; это будет вашей актуализацией. Вы в спячке — это будет танцем и жизнью. Это будет ваше исполнение. Это будет полностью отлично от вас и, тем не менее, это будет самой вашей сущностью. Это будет вашей славой; это будет вашим благоуханием.

Новый человек может принести новое человечество, новый мир, новую землю.

Заратустра говорит: «Заклинаю вас, братья мои...»

В его уме нет вопроса о превосходстве. Гаутама Будда не может обратиться к вам «мои братья». И Мухаммед не обратится к вам со словами «братья мои», и Махавира не сможет назвать вас «братья мои», и Иисус. Они так святы и праведны — так высоки. Как они могут назвать вас своими братьями?

Мне вспомнилась моя первая встреча с Морарджи Десаи, с которой началась наша многолетняя «любовь». Мы оба были приглашены Ачарьей Тулси, джайнским монахом, на большую конференцию. В то время Морарджи Десаи был министром финансов Индии, под руководством пандита Джавахарлала Неру, премьер-министра.

Прежде чем обратиться к огромной толпе, которая собралась — наверное, пятьдесят-шестьдесят тысяч — Ачарья Тулси хотел отдельно встретиться с гостями. Тридцать человек были приглашены из всех концов Индии.

Ачарья Тулси сидел на высоком подиуме, а все гости сидели на земле. Морарджи Десаи сидел рядом со мной. И когда он подходил и садился возле меня, я мог почувствовать волны гнева. Я не мог понять, из-за чего он злится — в чем проблема? — но вскоре выяснилось, что проблема была. Как только все гости пришли, прежде чем Ачарья Тулси смог произнести слово, Морарджи Десаи сказал:

— Прежде чем обсуждать что-либо, я хочу задать два вопроса. Первый вопрос: когда я вошел...

На Востоке мы по традиции приветствуем друг друга, складывая руки. Это приветствие с глубоким смыслом; оно означает: я кланяюсь Богу в тебе. Оно не столь мирское, как рукопожатие; я называю рукопожатие мирским потому, что оно происходит из страха. Вы должны пожать друг другу руки для того, чтобы показать, что в правой руке вы не держите никакого оружия, чтобы уверить другого в своих дружественных намерениях. Это просто страховка, гарантия безопасности. Когда вы складываете руки вместе и склоняете голову — это признание вашего достоинства.

Морарджи Десаи сказал:

— «Я сделал *намаете*, — так это называется, — но вы не ответили. Наоборот, вы подняли одну руку, что означает: «Я благословляю вас». Я не ваш ученик, и мне не нужны ничьи благословения. Я ваш гость; вы оскорбили меня. И второе: почему вы сидите на высоком подиуме? Это не собрание, к которому вы собираетесь обратиться. Это — просто дружеское знакомство с гостями. Вам следовало бы сидеть с нами. Я хочу получить ответ на два эти вопроса. Только после этого можно обсуждать что-либо».

Воцарилась глубокая тишина. Стало очень неловко. И Ачарья Тулси нечего было ответить, хотя, если бы у него было хоть немножко понимания, ответ был бы так прост — он мог бы сложить руки: но джайнскому монаху не разрешается это делать. Он не может уважать обычных людей; он святой. Вы можете коснуться его ног. Он не может уважать вас как равного. В противном случае ответ был бы очень простым: он мог бы спуститься с подиума и сесть с нами. Не нужно было ничего говорить, просто сойти с подиума, сесть с нами, сложить руки, и вопрос Морарджи Десаи был бы разрешен.

Такова глупость ваших самых великих религиозных вождей. Ачарья Тулси — крупный религиозный лидер джайнской секты.

Чувствуя, что положение стало очень неловким, я спросил Ачарью Тулси:

— Хотя вопрос задали не мне — вопрос был задан вам, но у вас, по-видимому, нет ответа — у меня он есть. Если хотите, я могу ответить Морарджи Десаи.

Он был счастлив, что кто-то может разрядить атмосферу, созданную Морарджи Десаи; и я сказал Морарджи Десаи:

— Вы спрашивали не меня. Если вы готовы меня выслушать, я могу ответить, но мне нужно также и ваше разрешение.

Он сказал:

— Это не имеет значения. Я жду ответа. Я с радостью выслушаю кого угодно. Я сказал ему:

— Морарджи Десаи, остальные двадцать девять гостей пришли раньше вас. Все были в одинаковом положении, но никто не поднял этот вопрос. Я хочу знать, почему вы задали этот вопрос. Определенно, задето ваше эго; иначе, что плохого в благословении? Он эгоист; он не может сложить руки в знак уважения к вам. Вы не можете принять его благословение; оно оскорбляет вас. Вы оба эгоисты — и посмотрите-ка на крышу! — Там сидел огромный паук... Я сказал:

— Этот паук сидит выше Ачарьи Тулси. Если просто сидение на высоком помосте делает более святым, то этот паук здесь, по-видимому, самый величайший святой. Ачарья Тулси упрям и глуп; иначе он сошел бы вниз. Даже сейчас не поздно, он может сойти. Вы оба — из одной команды.

Если бы вы тоже сидели на подиуме, вы никогда не задали бы такого вопроса. Я прекрасно знаю, что вы сидите на возвышении, в то время как много людей сидит на земле. Вы никогда не спрашивали: «Почему я сижу на подиуме?» Вопрос не в том, что Ачарья Тулси сидит на

подиуме, вопрос на самом деле вот в чем: почему вы тоже не сидите на подиуме? И ни у него нет смелости, чтобы спуститься вниз, ни у вас — чтобы подняться.

Я сказал:

— Ну что ж, мы можем начать беседу, оставив в стороне этих двоих. Если они не хотят принимать участие, дверь открыта.

С тех пор он зол на меня. Когда он был премьер-министром, он около трех раз в неделю звонил главному министру Махараштры, рано утром, в шесть часов, и говорил: «Сделайте что-нибудь — надо прекратить деятельность Бхагвана; надо как-то уничтожить его ашрам. Создайте легальные проблемы — сделайте все, что в ваших силах».

Об этом мне сообщил сам главный министр: «Что я могу поделать? Три-четыре раза в неделю, в шесть утра, я слышу телефон. Я знаю, что это — о вас и вашем ашраме. Интересно, спит он или всю ночь ходит и думает о вас и вашем ашраме... Кажется, если бы ваш ашрам был бы уничтожен, в Индии не было бы никаких проблем; вы - единственная проблема».

Он создавал проблемы, какие только мог. Он больше не премьер-министр, но бюрократия продолжает все, что он начал — во множестве судов, многообразными способами.

Заратустра в этом отношении очень необычен. Он обращается: «Заклинаю вас, братья мои...» Именно это он говорил старому святому, спускаясь в мир: «Я иду к людям, я люблю людей. Я снова хочу стать человеком. Я не хочу навсегда оставаться монахом. Было хорошо побыть одному. Это был великий опыт — побыть десять лет в тишине, но теперь моя чаша переполнена, и я хочу поделиться — я спускаюсь, чтобы снова быть человеком».

Заклинаю вас, братья мои, оставайтесь верны земле. Какие многозначительные слова. Запомните их, потому что все религии учат прямо противоположному: предайте землю, отрекитесь от земли, отрекитесь от мира. Быть в миру — значит быть грешником; отвергая его, становишься святым.

Заратустра говорит: *Оставайтесь верны земле и не верьте тем, кто говорит вам о неземных надеждах!* — о небесах, о рае и о всевозможных наслаждениях, которые станут доступны, если вы отрекаетесь от земли. Единственное условие — это отречься от земли с ее наслаждениями; и там, далеко в небе, вас ждут ангелы с распростертыми объятиями.

Все религии уготовали для святых в раю разнообразнейшие удовольствия. Те же самые наслаждения, что осуждаются здесь, сделаны доступными в райских обителях. Невозможно вообразить, насколько это алогично, ненормально.

Мусульманство запрещает алкоголь — и обещает, что те, кто отказываются от алкоголя, будут иметь в раю реки вина. Это не бутылки: вы можете плавать в нем, вы можете тонуть в нем, вы можете пить. Нет никаких запретов; не нужны никакие разрешения; вы не должны платить никаких денег.

Доступны прекрасные женщины, они вечно юны. Они так долго были молодыми, что это пугает: их юность так стара; она не может быть свежей, она будет вонять. На миллионы лет они застряли в шестнадцатилетнем возрасте, они не взрослеют.

Здесь женщина осуждается всеми религиями как источник греха, как источник рабства. А в мире ином та же самая женщина разрешена, — и то же самое истинно в отношении всех удовольствий. Заратустра абсолютно прав. Не верьте тем, кто говорит вам о неземных надеждах; они отравители, знают они об этом или нет.

Я счастлив всем сердцем от одной только мысли, что двадцать пять веков назад человек смог сказать, что они отравители — все священники, все так называемые религиозные люди. Они только отравили человечество. Они уничтожили человеческие радости, его смех, его танец — они всех искалечили.

Прежде величайшим преступлением была хула на Бога, но Бог умер, и эти преступления

умерли вместе с ним. Теперь же самое ужасное преступление — хулить землю и чтить непостижимое выше смысла земли! Есть лишь одна хула, по мнению Заратустры, и это — хула на землю и земные радости, земные удовольствия.

Он — один из самых реалистичных, прагматичных и практичных философов, которого когда-либо знал мир. Он любит землю, он любит все земное. Он сделал землю священной, и он единственный — единственный в своем роде.

Я полностью согласен с Заратустрой, потому что я тоже знаю — пока вы не способны наслаждаться этим моментом - здесь и сейчас - вы не сможете, никогда, наслаждаться чем бы то ни было и где бы то ни было; ибо другой момент родится из этого момента. Другой мир — если есть какой-нибудь другой мир — будет расширением этого мира, продолжением. Если здесь что-то хорошо, это будет хорошо и там; а если здесь что-то плохо, это будет плохо везде, во всей вселенной. Это простой, логический, рациональный подход к жизни.

Берегитесь отравителей. Проблема в том, что они — ваши лидеры: в политике, религии, в обществе, образовании; везде отравители — ваши лидеры. Берегитесь их. Берегитесь своих вождей. Они слепы, и они ведут других слепцов. Они привели весь мир к этому опасному положению; они почти довели весь мир к точке глобального самоубийства. Это целиком заслуга ваших религиозных, политических и философских лидеров.

Еще не поздно. Если от чего-то нужно отречься, отрекитесь от отравителей.

Все, кто против земли — против вас, ибо вы — сыны и дочери земли. Земля — ваша мать точно так же, как для деревьев и птиц; и все, что живет на этой земле — ваша семья.

Сделать весь мир большой семьей, океаном любви - единственная религия, которую я могу представить. Все остальное, о чем говорят, как о религии — лицемерие.

... Так говорил Заратустра.

ПРОЛОГ ЧАСТЬ 4

28 марта 1987 года.

Возлюбленный Ошо,

Пролог часть 4

В чем, то высокое, что можете вы пережить? Это — час великого презрения: час, когда счастье ваше становится для вас таким же отвратительным, как разум ваш и добродетель.

Час, когда вы говорите: «Что есть счастье мое? Оно — бедность, и грязь, и жалкое самодовольство. Но оно должно быть таким, чтобы служить оправданием и самому бытию!»

Час, когда вы говорите: «В чем мой разум? Добивается ли он знания, как лев пищи своей? Мой разум — бедность, и грязь, и жалкое самодовольство!»

Час, когда вы говорите: «В чем добродетель моя? Она еще не заставила меня безумствовать. Как устал я от добра и зла своего! Все это — бедность, и грязь, и жалкое самодовольство!»...

Час, когда вы говорите: «В чем сострадание мое? Разве оно не крест, к которому пригвозждают того, кто любит людей? Но мое сострадание — не распятие!»

Говорили вы так? Кричали так? О, если бы я уже слышал все это от вас!

Не грехи ваши — то самодовольство ваше вопиет к небу, ничтожество грехов ваших вопиет к небу!

Где же та молния, что лизнет вас языком своим? Где, то безумие, которое должно внушить вам?

Внемлите, я учу вас о Сверхчеловеке: он — та молния, он — то безумие!...

Человек — это канат, протянутый между животным и Сверхчеловеком, это канат над пропастью.

Опасно прохождение, опасна остановка в пути, опасен взгляд, обращенный назад, опасен страх.

Величие человека в том, что он мост, а не цель; и любви в нем достойно лишь то, что он — переход и уничтожение.

Я люблю того, кто не умеет жить иначе, кроме как во имя собственной гибели, ибо он идет по мосту.

Я люблю того, кто несет в себе великое презрение, ибо он — великий почитатель и стрела, томящаяся по другому берегу.

Я люблю того, кто не ищет в небесах, за звездами, основания для того, чтобы погибнуть и принести себя в жертву; того, кто приносит себя в жертву земле, чтобы когда-нибудь стала она землей Сверхчеловека.

Я люблю того, кто живет ради познания и стремится познавать во имя того, чтобы жил некогда Сверхчеловек. Ибо так хочет он гибели своей. ...

Я люблю того, кто любит добродетель свою: ибо добродетель есть воля к гибели и стрела желания другого берега...

Я люблю того, кто не стремится иметь слишком много добродетелей. Одна добродетель сильнее двух, ибо тогда она становится тем узлом, на котором держится судьба...

Я люблю того, кто стыдится, когда счастье сопутствует ему в игре, и вопрошает себя: «Неужели я нечестный игрок?» — ибо жаждет он все потерять.

Я люблю того, кто бросает золотые слова впереди дел своих и всегда исполняет больше,

чем обещал: ибо жаждет он гибели.

Я люблю того, кто оправдывает грядущее поколение, и избавляет людей от прошлого, ибо жаждет он гибели от ныне живущих.

Я люблю того, кто наказует Бога своего, потому что любит его: ибо от гнева Господа своего должен он погибнуть.

Я люблю того, чья душа глубока даже в ранах ее; кого может погубить малейшее испытание: охотно идет он по мосту...

Я люблю всех, кто подобен тяжелым каплям, падающим одна за другой из темной тучи, нависшей над человечеством: они предвещают приближение молнии и гибнут, как провозвестники.

Смотрите, я — провозвестник молнии, я — тяжелая капля из грозовой тучи; а имя той молнии — Сверхчеловек.

... Так говорил Заратустра.

Заратустра продолжает говорить с собранием, которое сплошь состоит из слепых, глухих и бессердечных. Но его любовь и его сострадание таковы, что он не требует, чтобы они были достойны, понимать его.

Мне вспоминается Бодхидхарма, человек такой же высоты сознания, как и Заратустра. Он сидел перед стеной, лицом к стене, спиной к посетителям, девять лет. Приходили люди, но он говорил в стену; люди задавали вопросы, но он отвечал стене.

Китайский император Ву, был очень озадачен. Он спросил: «Почему ты повернулся лицом к стене? Это совершенно неслыханно. Ты разговариваешь с людьми; изволь повернуться к ним». На глазах Бодхидхармы были слезы, и, тем не менее, он смотрел на стену, говоря: «Много лет я разговаривал с множеством людей, повернувшись к ним, но всегда обнаруживал, что говорю в стену. Они слушают, но они не слышат. Кажется, что они понимают, но они все искажают».

И людей, подобных Заратустре или Бодхидхарме, неизбежно искажают, поскольку они абсолютно бескомпромиссны к вашей лжи, к вашим верованиям. Их истина разобьет вас вдребезги. Чтобы защититься, вы или не слушаете то, что они говорят, или толкуете это таким образом, чтобы это не беспокоило вас. Вы будете крайне удивлены: современные исследования показали, что почти девяносто восемь процентов выбрасывается цензурой — до вас доходит лишь два процента.

Заратустра говорит чрезвычайно значительные слова, которые могут стать основанием нового человечества, но его нужно понимать. Его нужно слушать не только умом, но также и существом. Пока каждая клеточка вашего тела не затрепещет тем, что он говорит, вы не поймете его.

Не будьте зависимы от ума: ум всегда создает непонимание скорее, чем понимание, поскольку в уме уже есть свои предрассудки. Он привязан к своим предубеждениям. Он допускает лишь то, что подтверждает его предрассудки; иначе он ничего не впускает. И даже если случайно он допускает что-то, он интерпретирует это, выхолащивает, уничтожает его огонь, отнимает жизненность. Это становится просто гипотезой, теряет свою реальность, оно не может преобразить вас.

Только истина, которая достигла вашего сердца живой, танцующей, способна вывести вас за пределы нынешнего состояния сознания. В этих словах рассыпаны тысячи бриллиантов, но чтобы оценить их, нужно быть ювелиром.

Есть старая басня Эзопа: крестьянин, возвращаясь со своим ослом домой, находит на обочине, может быть, самый большой алмаз в мире; но у бедняги нет ни малейшего представления о том, что это — алмаз. Он слышал это слово, но никогда не видел алмаза. И все же он так прекрасно сияет в солнечных лучах, что крестьянин думает: какой красивый камень; а

я ведь никогда ничего не дарил моему бедному ослу. Он будет очень рад. И он повесил камень на шею ослу.

Итак, они пошли дальше. Ювелир, который проезжал верхом на лошади, был потрясен: он никогда не видел такого огромного алмаза, да еще привязанного на шею ослу. Он остановил лошадь и спросил у хозяина осла:

— Сколько ты хочешь за него? Крестьянин ответил:

— Это просто камень; наверное, рупии хватит. Но такова жадность: ювелир, зная, что он стоит миллионы рупий, сказал:

— Ты слишком много просишь за простой камень. Я дам тебе восемь аннов, полрупии.

Крестьянин подумал минутку и сказал:

— Тогда пусть мой осел радуется ему. Я не продам его.

Как это иногда бывает, по редчайшему совпадению, другой ювелир проезжал там в своей колеснице, и его чуть не хватил удар, когда он увидел... Он спросил хозяина:

— Сколько ты хочешь?

Теперь хозяин стал чуточку внимательнее: камень-то, кажется, драгоценный. Он сказал:

— Меня устроят две рупии.

Таково воображение бедняка; две рупии — большие деньги.

Первый ювелир ехал очень медленно, потихоньку, надеясь, что крестьянин подумает: восемь аннов, половина рупии — очень много за простой камень. Он согласится, просто ему нужно немного времени. Но когда он увидел, что там остановилась повозка, он бросился туда же и спросил крестьянина:

— Ты ведь помнишь, что я первый спрашивал о цене этого камня? Я готов дать тебе рупию.

Другой ювелир сказал:

— Я даю ему две рупии.

И начался торг; владелец просто слушал. Они называли цифры, которые он не мог уразуметь. Наконец крестьянин сказал:

— Не теряйте время зря; я решил не продавать его. Я не понимаю ваших цифр, но одно ясно: я должен пойти на базар и побольше узнать об этом камне. Этот камень необычен, это определенно; я очень признателен вам обоим.

Первый человек сказал:

— Но ты глуп. Мы готовы выложить лакхи рупий. Крестьянин рассмеялся и сказал своему ослу:

— Ты слышал? Кто дурак? Я продавал его за рупию, и я не осознавал, что это нечто столь драгоценное. Потом он сказал ювелиру:

— Я бедный человек, а ты — ювелир; ты точно знаешь его ценность, и, тем не менее, ты не соглашался дать мне всего одну рупию. Кто из нас дурак? Я не знал того, что он имеет какую-то ценность, но ты прекрасно знал, и все же хотел сберечь полрупии.

Оба ювелира устали. Они сказали:

— Не будем ссориться. Мы купим его вместе. Он сказал:

— Слишком поздно. Я понял, так что пойду на базар и спрошу всех ювелиров. Сперва я должен выяснить, сколько стоит этот камень, а потом я подумаю, продать мне его или пусть мой осел радуется ему.

Люди, подобные Заратустре, в каждом своем слове дают вам сокровища невероятной ценности. Но это зависит от вашего понимания, разумности, бдительности; в противном случае вы будете слушать их так же, как любой другой разговор. Помните: одни и те же слова имеют разную ценность, когда они исходят из разных уст. Когда говорит невежественный человек, он может пользоваться теми же словами, но они пусты: в них нет никакой ценности. Когда говорит

человек, подобный Заратустре, те же самые слова внезапно становятся такими ценными: ибо человек, стоящий за этим словом — значение этого слова. Его опыт — содержание этого слова.

В чем, то высокое, что можете вы пережить? Почти невозможно вообразить ответ Заратустры. Он говорит: *Это — час великого презрения* — презрения к своему невежеству, презрения к своей ненависти, презрения к своей ревности, презрения к своей обыденной жизни, презрения ко всем животным инстинктам внутри вас. Коротко говоря, презрение к себе — это величайший опыт, который вы можете пережить. И лишь тот, кто вышел за пределы человеческого — это человек, презревший все, что составляет человека.

Все это прогнило: ваши верования прогнили; ваши идеологии мертвы; ваши религии — не что иное, как тюрьма; ваши философии — всего лишь воздушные замки.

Что у вас есть? Ваша жизнь не произвела, не создала ничего, что могло бы сделать вселенную более прекрасной, более ценной. Вы просто топчете землю, напрасно занимаете место, без необходимости останавливаете других, которые могли бы стать творцами, могли стать Заратустрой.

Это больно слышать в первый раз: что величайшее, что вы можете пережить — это час великого презрения, час, когда даже счастье ваше становится вам отвратительным. В чем ваше счастье?.. такое обыденное, такое заурядное, такое обычное: в нем нет ничего *великого*. Но никто не думает, из чего состоит его счастье. Для кого-то счастье — хорошая пища, для кого-то счастье — сексуальность, для кого-то счастье — накопление денег, для кого-то счастье - слава, для кого-то счастье — власть.

Джеиш на днях рассказывал мне, что один его друг писал книгу об Индире Ганди и несколько месяцев наблюдал за ее жизнью, задавал ей вопросы. Однажды, когда они были одни, он задал ей простой вопрос; когда он услышал ответ, он был потрясен, и вы тоже будете потрясены.

Вот его вопрос:

— Мы обсуждали значительные проблемы — философские, политические, социальные, религиозные, проблемы образования — и сегодня я хочу, чтобы Вы сказали мне простую вещь. Какое у вас хобби?

Должно быть, в жизни Индиры Ганди это был момент невероятной честности и искренности. От политиков нельзя ожидать искренности, но бывают отдельные моменты. Человек устает от неискренности, устает от нечестности, устает от лицемерия. Она была одна, она забыла о том, что она — политик, и ответила:

— Единственное мое хобби — власть.

Но она тут же поняла, что проговорила. Она взмолилась:

— Это не для записи, мы просто болтаем: не помещайте это в книгу, которую пишете, — политик вернулся.

Для кого-то счастье — власть: власть над людьми, господство, разрушение. Каковы составляющие вашего счастья? Если вы посмотрите разумно, вы исполнитесь презрения. А ваш разум... Каждый считает себя разумным существом. Но задумывались ли вы когда-нибудь, столько у вас суеверий, которые являются доказательством *отсутствия* разума, а не присутствия?

Разумный человек не может верить в Бога. Вы верите в Бога? Разумный человек не может верить в рай и ад. А вы верите? Разумный человек не может быть христианином, индуистом, мусульманином или буддистом, поскольку все это — разновидности суеверий. Их различие не опирается на какие-либо веские доказательства. Их различия настолько глупы, что, будь у вас разум, вы не смогли бы поверить, что миллионы людей живут с этими суевериями, веря, что они рациональны.

В моем университете был факультет йоги, потому что вице-канцлер очень интересовался йогой. Он считал себя очень разумным, намного опережающим свое время, потому что он первым ввел факультет йоги в университете. Ни в одном другом университете мира не было факультета йоги. Он хвастался им.

Однажды я не смог устоять перед искушением и сказал:

— Ну хватит. Я слышал, как вы хвалитесь этим отделением йоги, и вы считаете, что сослужили человечеству огромную службу. Так вот, я хочу рациональных доказательств. Всевозможное коверкание тела — как оно может помочь духовному росту человека? Какая здесь связь? И если духовный рост происходит путем этих искривлений, то глава факультета йоги, который знает все йогические упражнения, ведущие к совершенству, должен быть гигантом, подобным Гаутаме Будде или Махавире. Но он глупый человек. Это доказательство того, что все эти асаны не помогают духовному росту; возможно даже, что они останавливают духовный рост.

И у меня есть основания считать, что это так. Если часами стоять на голове, это разрушит ваши хрупкие мозговые клетки, потому что слишком много крови прильет к голове. А в вашей маленькой голове миллионы клеток, таких крохотных и хрупких. У животных разум не мог развиваться по той простой причине, что у них голова и тело находятся на одной горизонтальной линии. Через их голову проходит слишком много крови, и это не позволяет развиваться тонкой системе мозга. Поскольку человек стоит на ногах, кровь должна двигаться к голове против притяжения, так что доходит очень небольшое количество. Этого достаточно для питания клеток. Это не мощный поток, это как раз нужное количество.

Я спросил его:

— Когда вы ложитесь спать, вы принимаете таблетки, не так ли?

Он сказал:

— Я пользуюсь таблетками, но какое они имеют отношение к йоге? Я сказал:

— Некоторая связь имеется. Они предохраняют вашу голову от потока, который нахлынет, когда вы принимаете горизонтальное положение. Вы не можете спать без таблеток по той простой причине, что поток такой силы заставляет вас бодрствовать. Ваш ум не может отдыхать.

Я сказал:

— Прекратите хвастать; иначе я начну говорить в университете против этого. А я ведь знаю человека, которого вы считаете духовным учителем и который возглавляет факультет.

Я узнал его случайно. Я ехал поездом в Нью-Дели; на узловой станции наш вагон отцепили от первого поезда и прицепили к другому, который следовал в Нью-Дели. Мы оба ехали. Я был в вагоне, а он попал в вагон на узловой станции. Я вышел из купе, поскольку поезд должен был стоять целый час, так что я мог принять душ, позавтракать и немного прогуляться.

И что же я увидел, когда возвратился в свое купе? Он свернул мою постель, постелил свою и притворился, будто крепко спит. Поезд был переполнен, негде было даже присесть. Но поскольку я ехал с того самого места, откуда поезд отправлялся...

Я сказал: «Вот это здорово». Я встряхнул его, но он даже не открыл глаз. Я сказал ему:

— Запомните: трудно разбудить человека лишь в том случае, если он бодрствует. Если он спит, это нетрудно. Скоро вы пожалеете.

Я вынес весь его багаж из купе на платформу. Тем не менее, он продолжал... считая, что я не могу быть так жесток к нему. Мы были профессорами одного университета. Но я сказал ему:

— Вы поступили некрасиво. Вам следовало бы попросить у меня разрешения, прежде чем убирать мою постель. Посмотрим, долго ли вы будете спать — ведь осталось всего десять минут, а потом поезд тронется, и весь ваш багаж останется на платформе.

Тогда он начал ерзать и, когда раздался первый свисток, он вскочил. Я сказал:

— Куда делся ваш глубокий сон? Я думал, вы в самадхи! Он сказал:

— Это хулиганство с вашей стороны! Я ответил:

— Вы начали эту игру; а я верю, что, как аукнется, так и откликнется.

Но он не собирался выходить. Он из окна позвал носильщика и попросил его внести багаж в вагон. Но я сказал носильщику:

— Я заплачу тебе вдвое больше. Только оставь этот багаж на платформе. Носильщик сказал:

— С радостью, если вы платите больше.

И наконец, третий свисток, поезд тронулся, и этот йогин выпрыгнул, чтобы взять свой багаж. Тем временем я сложил его постель, бросил ее на пол и глубоко уснул. Он очень рассердился и, хотя я спал глубоким сном, начал мне выговаривать:

— Это нехорошо.

Я сказал:

— Послушайте, я крепко сплю. Не ожидал, что вы будете разговаривать со спящим человеком. Вы получили свой урок!

Я сказал вице-канцлеру:

— И этого глупца вы считаете святым, духовным человеком — а он даже не умен.

Поскольку по очень странному совпадению, этот поезд... В Индии все возможно — свет горит только на платформе, а когда поезд отходит, свет исчезнет, электричество отключается. Преподаватель йоги сидел на своем багаже, потому что другого места не было. В темноте я стукнул его разок по голове, и он спросил:

— Кто меня бьет?

И когда свет загорелся, он снова поинтересовался. Я сказал:

— Зачем кому-нибудь бить вас, если вы не сделали ничего плохого? Он сказал:

— Но я просто сидел на своих чемоданах.

— Посмотрим: путь еще длинный, и вся ночь впереди.

На верхней полке сидела женщина. Когда свет снова погас, я начал тянуть ее за сари. Она, конечно, завизжала:

— Кто там стягивает с меня сари? Я сказал:

— Никто. Это мужчина, который сидит напротив вас. Я дал ему в руки сари, а он был таким идиотом, что взял его. Он сказал:

— Что это?

Мы подъехали к станции, и весь вагон ополчился на него: «Вышвырнем этого человека. Он притворяется святым, а сам тянет сари с бедной женщины». Я сказал:

— Теперь вы знаете, что вы, должно быть, сделали что-то плохое; вот почему кто-то стукнул вас.

Он пошел в душ, и я сказал двоим людям, которые сидели рядом с ним:

— Этого человека надо как-то вышвырнуть, потому что это абсолютно противоречит индийской культуре. На Западе это нормально, но в Индии нельзя потерпеть монаха, который притворяется целибатом и стаскивает с женщины сари.

Поэтому они спросили:

— Что нужно делать? Я сказал:

— Сделайте вот что: когда он сядет, сожмите его с двух сторон.

Они сказали:

— Это хорошая мысль.

В темноте йогин начал кричать:

— Эти двое сжимают меня с обеих сторон!

И в этот самый момент я снова стукнул его, и он сказал:

— Простите меня, я поменяю купе.

Когда на следующей станции зажегся свет, он спросил людей, сидевших рядом с ним:

— Зачем вы давили на меня? Они ответили:

— Странно; наверное, у вас большое воображение. Зачем нам сжимать вас? А он добавил:

— Кто-то снова стукнул меня по голове. Я сказал:

— Ваша йога довела вас до галлюцинаций. Он сказал:

— Я хочу уйти отсюда. Я хочу поменять купе. Я сказал:

— Вы не можете. Он спросил:

— Почему?

— Все купе согласно в том, что вы должны быть наказаны на всю ночь. *Вы можете уйти, но мы не позволим вам взять свой багаж.*

И конечно, он не мог оставить свой багаж, так что всю ночь ему пришлось терпеть всякие выходки, а наутро, выходя на вокзале в Нью-Дели, я сказал ему:

— Вы начали эту игру. Если бы вы не притворялись... если бы вы сказали мне, что устали и хотите отдохнуть, я мог бы убрать свою постель — но вы сбросили ее. А я не верю, что, если вы делаете в этой жизни что-то плохое, вы будете наказаны в другой жизни. Моя вера — деньги на бочку! Вы наказаны достаточно. Никогда больше так не делайте.

Он сказал:

— Никогда. Я прошу только об одном одолжении: не говорите об этом в университете. Я сказал:

— Этого я сделать не могу. Я никогда ничего не обещаю. А эта ночь была такой веселой, что мне действительно не терпится пойти в университет и рассказать о ней вице-канцлеру и всем этим идиотам, которые учатся у вас йогическим упражнениям.

Ни один йогин за прошедшие века ничего не создал, ничего не открыл, не обнаружил никаких талантов. Только взгляните, что представляет собой ваш разум, и вы почувствуете к нему презрение. Он полон слепых верований, недоказанных гипотез, неиспытанной веры. Вы придерживаетесь своей религии, своей философии без всяких доказательств, без всяких аргументов; и вы называете это разумом? Это нечто, к чему вы должны чувствовать великое презрение. И к своей добродетели — тоже.

В чем ваша добродетель? Почти каждый считает себя добродетельным. Вы добродетельны потому, что дали нищему милостыню? А вы задумывались когда-нибудь, во-первых, почему существуют нищие? Вы эксплуатируете и создаете нищих, а потом вы отдаете ничтожную долю — и вы становитесь человеком великой добродетели.

В чем ваша добродетель? У вас нет ничего реального, что можно отдать; у вас нет любви, у вас нет радости, в вас нет никакого счастья: что вы можете дать? Все, что у вас есть — это деньги, и эти деньги пропитаны кровью этих самых людей. Это странная игра: сначала сделать их нищими, потом давать им милостыню, — и вы добродетельны. Пожертвуйте что-нибудь сиротскому приюту — и вы добродетельны. И наиболее вероятно, что в этом приюте живут *ваши* дети, рожденные проститутками. *Вы* произвели на свет этих сирот. Вы выступаете против проституции - если вы спросите людей, вы не найдете ни одного человека, который благоволит проституции — тогда почему существуют проститутки? Кто к ним ходит?

Бедные люди ходить к ним не могут — у них нет денег. Только богатые люди и люди среднего класса могут позволить себе пойти туда. Люди среднего класса приходится ходить к проституткам. Люди богатых классов не ходят. Они создали новый род проститутков: девушки по вызову. Вы просто набираете их номер, и они к вашим услугам. И все эти люди — против проститутков.

Во всем мире ваших священников ловили на сексуальной эксплуатации маленьких детей, на сексуальных злоупотреблениях. Многие из них попали в тюрьму. И это не значит, что те, кто не

попался, не делают чего-нибудь в этом роде. Большинство ваших монахов, *саддху*, монахинь, *саддхви* — или гомосексуалисты, или лесбиянки, и они выступают против секса, говорят о целибате, но это только разговоры.

В чем ваша добродетель? Вы почувствуете к ней великое презрение. Это лицемерие. Это не добродетель. Заратустра очень суров.

В чем, то высокое, что можете вы пережить? Это — час великого презрения: час, когда счастье ваше становится для вас таким же отвратительным, как разум ваш и добродетель.

Час, когда вы говорите: «Что есть счастье мое? Оно - бедность, и грязь, и жалкое самодовольство». Просто взгляните поближе, в чем ваше счастье? Какие обстоятельства делают вас счастливыми? И вы почувствуете к ним великое презрение.

Но оно должно быть таким, чтобы служить оправданием и самому бытию! Заратустра говорит: «Мое счастье — не жалкое самодовольство, грязь и бедность. Родник моего счастья — в моем существе. Оно оправдывает существование». Ваше счастье рождается не в вас. Вы выиграла в лотерее — и счастливы. Что это доказывает? Только вашу бедность. Только бедняк может быть счастлив от выигрыша в лотерее.

Все, что приходит извне и делает вас счастливыми, делает вас также и рабом, делает вас зависимым. Что это за счастье, которое уничтожает вашу свободу, разрушает вас?

У Льва Толстого есть прекрасный рассказ. Бедный портной каждый месяц покупал лотерейный билет. Он делал это двадцать лет подряд, но ему ни разу не повезло. Его семье, друзьям это надоело, и они говорили ему:

— Зачем ты тратишь деньги? Ты так беден, а за билет надо платить. Это превратилось почти в религиозный обряд!

Но однажды случилось чудо. К лавке портного подкатил черный лимузин, и из него вышел человек с большой сумкой — портной выиграл в лотерее! Он не мог в это поверить, но поверить пришлось, когда ему вручили деньги.

Он был счастлив. Он запер дверь лавки и выбросил ключ в колодец — зачем ему теперь это? У него столько денег, он может всю жизнь прожить в свое удовольствие, наслаждаясь всем, что есть в этом мире. Но он не подозревал, как быстро уходят деньги — на проститутку, алкоголь, игру. Он прошел через всевозможные приключения, которых даже не мог вообразить. Он потерял здоровье, а через два года деньги кончились.

Он вернулся в свою лавку. Люди говорили:

— Что случилось? Ты так постарел! Он сказал:

— Эта проклятая лотерея разрушила мое здоровье, привела меня в места, которые не следовало бы посещать. Но что поделать, когда есть деньги? Это постоянное искушение. Все потеряно; пожалуйста, помогите мне найти мой ключ.

Какой-то юноша полез в колодец за ключом; ключ был найден, он отпер свою лавку и начал работать.

Но, тем не менее, по старой привычке он продолжал каждый месяц покупать лотерейный билет. Люди спрашивали:

— Зачем ты это делаешь? Это не принесло тебе никакого счастья, а только горе. Он сказал:

— Я знаю, и я знаю, что это может случиться снова; и я не хочу, чтобы это случилось еще раз. Они говорили:

— Странно — тогда зачем ты покупаешь билеты?

Он отвечал:

— Если я не куплю билет, я весь месяц чувствую, что чего-то не хватает. Это старая привычка. Я наркоман, так что не мешайте мне покупать билет. Вы знаете, что двадцать лет ничего не происходило, и я не думаю, что проживу еще двадцать лет. Эти два года совершенно

разрушили меня.

Но когда происходят чудеса, они приходят чередой. На следующий год вновь приехал черный лимузин, и он сказал:

— О Боже! Теперь я пропал. Люди говорили:

— Ты можешь не делать все это.

Он снова запер дверь, бросил ключ в колодец и сказал:

— Больше не понадобится его доставать, поскольку я не думаю, что смогу выжить. Первый выигрыш почти прикончил меня — на семьдесят пять процентов; а этот покончит с остальными двадцатью пятью.

Такова человеческая бессознательность. Снова тот же раунд с проститутками, алкоголем, игрой... В чем ваше счастье? Разве это благословение?

Несколько дней назад мне сообщили, что в Америке почти миллион людей страдает от головной боли, когда они занимаются любовью, и следующие два дня голова тоже болит. Но самое странное то, что они продолжают все то же самое снова и снова, прекрасно зная, что голова будет болеть и им придется страдать два дня. Они не получают от секса удовольствия, они не могут, для них это - бедствие; но их ведет глупость, ненормальность, бессознательность. Спустя два-три дня после того, как прошла головная боль, они снова начинают чувствовать желание - они уже забыли. Может быть, они надеются, что это больше не повторится. Вся их жизнь доказывает, что это происходит снова и снова.

В чем ваше счастье? Пока ваше счастье не исходит из вас, как цветок рождается из внутренних соков дерева... Если ваше счастье — это цветок вашего бытия, оно оправдывает существование. Все ваше так называемое счастье власти, денег и престижа — просто головная боль.

Час, когда вы говорите: «В чем мой разум? Добивается ли он знания, как лев пищи своей? Мой разум — бедность, и грязь, и жалкое самодовольство!» Подлинный, разумный человек всегда ищет истину. Разум — это жажда истины. Алчет ли ваш разум истины? Жаждет ли ваш разум истины? Готовы ли вы всем пожертвовать, чтобы найти истину? Как лев ходит в поисках пищи, разум ходит в поисках истины, в поисках мудрости. Любой другой разум — не что иное, как грязь, бедность и жалкое самодовольство.

Час, когда вы говорите: «В чем добродетель моя? Она еще не заставила меня безумствовать!»

Добродетельный человек не может пойти на компромисс с ложью общества. Добродетельный человек разрушит причины, а не следствия. Он не будет удовлетворен и успокоен, пожертвовав нескольким организациям.

Анандо видел в Бомбее банкира, который содержал общество милосердия — освобожденное от налогов. Это общество обеспечивало едой бродячих собак, так что он разъезжал в своей машине с кормом для собак. Эти бродячие собаки обитают в бедных районах Бомбея, где живут голодные мальчики и девочки — а он кормил собак! Он считал себя очень добродетельным, очень милосердным человеком. Что это за добродетель? И он очень гордился тем, что он единственный, кто заботится о бродячих собаках.

Человечество умирает. Половина этой страны умрет от голода к концу этого столетия; но он чрезвычайно счастлив, что заботится о бродячих собаках. Там стоят мальчики-бедняки со своими большими животами и тонкими ручками и ножками, голодные, надеясь, что им что-нибудь достанется. Но его добродетель, его милосердие на них не распространяется. Он нашел прекрасный способ чувствовать себя сострадательным, религиозным человеком.

Тот же самый человек готов принять любую взятку. На самом деле, вся эта добродетельность — всего лишь крохотная часть тех взяток, что он собрал. Получить взятку - не

проблема: ведь он абсолютно все устроил в мире ином, накормив собак.

Не является ли ваша добродетель прикрытием для всех грехов, всех недобродетельных поступков, бесчеловечного обращения с людьми?

Час, когда вы говорите: «В чем сострадание мое? Разве оно не крест, к которому приговорают того, кто любит людей? Но мое сострадание — не распятие!»

Иисуса Христа распяли, но ни одного из его Пап за две тысячи лет не распяли, а они — его представители. Да, у них на шее висят золотые кресты на золотых цепях. Какая великолепная способность к самообману! Ваша шея должна быть на кресте, а не крест, да еще золотой, — висеть на шее.

Иисусу было всего тридцать три года, он был молодой человек и сын плотника, ему было привычно носить большие бревна и деревья из леса в отцовскую лавку. Ему дали такой большой и тяжелый крест, что он три раза падал, пока дошел до места назначения. Этот крест был не золотой. Вокруг него были солдаты, которые бичевали его, когда он падал: «Вставай! Бери крест на плечи и иди».

Если ваше милосердие, ваше сострадание — всего лишь удобная идея, вы должны презирать его.

Папе принадлежит банк; Иисус был нищим. Папский банк поймали на отмывании грязных денег — миллионы долларов — в этом был весь их бизнес, и эти миллионы черных долларов получены от продажи героина и других наркотиков. Папа все время произносит проповеди против наркотиков, а весь Ватикан содержится на деньги, полученные от торговли наркотиками.

Итальянское правительство выдало ордер на арест директора Папского банка. Но они не могут войти в Ватикан, потому что этот район в восемь квадратных миль считается независимым государством. Он находится посреди Рима. Человек, возглавлявший банк, был епископом. Вместо того чтобы выдать его полиции, его повесили. Теперь он стал архиепископом; и Папа прячет его. Итальянская полиция не может войти в Ватикан, и этот бизнес продолжается.

Папа постоянно проповедует по всему миру, что религиозные люди не должны участвовать в политике, и он же посылает сто миллионов долларов в Польшу на борьбу с коммунистами. Если это не политика, то, что же? Человек — такой обманщик; он обманывает не только других, он обманывает себя.

Заратустра прав: если вы всмотритесь в качества, которыми гордитесь, вы почувствуете презрение, и это величайшее, что может случиться с человеком, потому что только после этого презрения вы сделаете какое-то усилие, чтобы пойти за пределы человека, к сверхчеловеку.

Говорили вы так? Кричали так? О, если бы я уже слышал все это от вас! В глубине души, каким бы умным и хитрым вы ни были, вы осознаете, что ваша добродетель фальшива, ваша религия — формальность, ваша мораль — общественная условность, ваша честность — просто фасад.

Не грехи ваши, — это великие слова, — не грехи ваши — то, самодовольство ваше вопиет к небу, ничтожество грехов ваших вопиет к небу! Он говорит, что сверхчеловек будет тотален в каждом своем действии. Тотальность будет его радостью и его наградой. Проблема — не в том, что вы называете грехом, но в вашей умеренности. Вы грешите, но вполсердца. Вы не можете даже согрешить тотально. Вы не можете быть искренними даже в грехе.

Заратустра против того, что вы слышали из учения Конфуция: золотой середины. Конфуций — больше социальный и политический мыслитель: никогда не вдавайтесь в крайности, всегда оставайтесь в середине. Но придерживаясь середины, вы никогда не сможете прожить что-либо во всей полноте. Вот прозрение Заратустры: если вы сможете прожить свою греховную жизнь тотально, грех исчезнет. Именно ваша умеренность является причиной того, что вся ваша жизнь

— постоянное промедление. Именно ваше лицемерие не позволяет вам изжить ее, потому что само по себе переживание будет таким, что вы не сможете его повторить. Но поскольку вы живете вполсердца, незавершенное переживание все время побуждает вас завершить его. Каждый неоконченный опыт имеет тенденцию к завершению.

Не грехи ваши — то, самодовольство ваше вопиет к небу, ничтожество грехов ваших вопиет к небу!

Был запрет на алкоголь, но все бюрократы, все высокопоставленные чиновники, все так называемые политические лидеры пили без всяких проблем. У них власть, запрет — для других; никто не может им помешать. Это — ничтожество. Каждый политический лидер эксплуатирует свою страну. Он обещает стране совершить великие дела. Эти обещания никогда не выполняются.

С одной стороны, он все время набивает в свою сокровищницу как можно больше денег. Те, кто дает деньги, поощряются лицензиями, разрешениями на строительство новых фабрик. Тех, кто не дает денег, арестовывают, их дома обыскивают, и достаточно малейшей лазейки, чтобы издеваться над ними.

Человеческая низость поразительна: одна из премьер-министров Индии, Индира Ганди, сажала в тюрьму таких людей, как Джай Пракаш и тысячи других. Тюрьма и убила его, потому что он не мог получить нужного лечения. У него отказали почки, и его выпустили только тогда, когда стало ясно, что никакое лечение уже невозможно. Но на его похороны пришла Индира Ганди, пришел Раджив Ганди, пришел Санджай Ганди. Похороны были почти официальными. Присутствовали все крупные лидеры, военачальники и генералы: а они были настоящими убийцами этого человека.

Когда Морарджи Десаи пришел к власти — во времена Индиры Ганди он сидел в тюрьме — он всеми силами стремился засадить в тюрьму Индиру. Они что, дети? Есть ли в них хоть какое-то понимание и мудрость? И сейчас, даже сегодня, продолжается та же политика. Кирлоскар, один из индийских промышленников, был арестован и пять дней просидел в тюрьме. А причина — то, что он родственник Морарджи Десаи. Его дочь замужем за сыном Морарджи Десаи.

Фабрика и все конторы Рамакришны Баджаджа подверглись налету, потому что он не уплатил в избирательный фонд Раджива Ганди. Он был сторонником Джая Пракаша и против Индиры Ганди. Теперь над этими людьми издеваются. Конечно, они всегда находят какой-нибудь легальный повод, чтобы издеваться над людьми. Но низость — настоящий грех. Нужно очиститься от всякой низости, и это станет преображением.

Где же та молния, что лизнет вас языком своим? Где, то безумие, которое должно внушить вам?

Для того чтобы преобразить это уродливое человечество, нужно быть таким экстремистом, что люди назовут тебя сумасшедшим. Они назвали безумным Гаутаму Будду, они назвали безумным Иисуса, они назвали безумным Сократа. Всякого, кто не разделяет ненормальности толпы, кто выходит за ее пределы, толпа осуждает как сумасшедшего. Но это безумие — единственный способ очиститься.

Внемлите, я учу вас о Сверхчеловеке: он — та молния, он - то безумие!..

Человек — это канат, протянутый между животным и Сверхчеловеком, это канат над пропастью. Человек — не существо, но процесс; не существо, но становление. Собака рождается собакой и умирает собакой. Но это не абсолютная данность для человека.

Гаутама Будда рожден человеком и умирает как Бог. Но чтобы достичь этого состояния, нужно быть молнией, сжигающей в вас все гнилое, и нужно быть достаточно сумасшедшим, чтобы выйти за пределы всего лицемерия, всех условностей, всего внешнего, что человек создал для того, чтобы оставаться на месте без всякого роста.

Человек — это канат, протянутый между животным и Сверхчеловеком, это канат над пропастью.

Опасно прохождение, опасна остановка в пути, опасен взгляд, обращенный назад, опасен страх.

Величие человека в том, что он — мост, а не цель; достойно любви в человеке то, что он — прохождение и закат.

Человек не статичен: он меняется, и именно этим он прекрасен. Человек не мертв, но жив — именно это в нем достойно любви. Он должен пройти от животного к Сверхчеловеку. Он также должен набраться мужества, чтобы спуститься со своих сверхчеловеческих вершин, чтобы принести эту весть, эту радость и танец всем тем, кто остался позади, кто остановился и не движется, кто не меняется.

Я люблю того, кто не умеет жить иначе, кроме как во имя собственной гибели, ибо он идет по мосту.

Это одно из величайших прозрений Заратустры: если вы достигли точки просветления, точки пробуждения, вы не должны там оставаться. Это слишком эгоистично — вы должны вернуться. Ведь там — миллионы людей; может быть, их жажда дремлет, может быть, они не осознают своего голода. Вы должны провоцировать их, вы должны бросить им вызов, вы должны вести их и показывать им путь: как им перейти через мост, как им измениться от животного до сверхчеловека.

Я люблю того, кто несет в себе великое презрение, ибо он, — великий почитатель и стрела, томящаяся по другому берегу. Эти слова нужно запечатлеть на золоте: *Я люблю того, кто несет в себе великое презрение, ибо он — великий почитатель и стрела, томящаяся по другому берегу.* Человек, который не стремится изо всех сил к запредельному, не стремится подняться на Эверест сознания, недостойн называться человеком.

Я люблю того, кто не ищет в небесах, за звездами, основания для того, чтобы погибнуть и принести себя в жертву; но того, кто приносит себя в жертву земле, чтобы когда-нибудь стала она землей Сверхчеловека. Все религии учили вас жертвовать собой, чтобы достичь царства Божьего. Заратустра говорит: «Принесите себя в жертву земле, чтобы земля когда-нибудь стала землей Сверхчеловека». Станьте провозвестником наступающего утра. Приготовьте путь сверхчеловеку.

Я люблю того, кто живет ради познания и стремится познавать во имя того, чтобы жил некогда Сверхчеловек. Ибо так хочет он гибели своей. Человек, который хочет рождения сверхчеловека, определенно хочет, чтобы человек исчез: человек должен исчезнуть в сверхчеловеке.

Я люблю того, кто любит добродетель свою: ибо добродетель есть воля к гибели и стрела желания другого берега...

Я люблю того, кто не стремится иметь слишком много добродетелей. Одна добродетель сильнее двух, ибо тогда она становится тем узлом, на котором держится судьба.

Нужно быть однонаправленным, единой стрелой, в которой собрана вся ваша энергия. Лишь тогда вы сможете перейти опасную пропасть между животным и сверхчеловеком. Не нужно много добродетелей.

Заратустра говорит: я признаю лишь одну добродетель: стремление к преобразению, стремление к запредельному. Стремление не оставаться человеком, но превзойти человека, стать Богом.

Я люблю того, кто стыдится, когда счастье сопутствует ему в игре, и вопрошает себя: «Неужели я нечестный игрок?» — ибо жаждет он все потерять. Удачливость — не великая добродетель; невелика добродетель, быть удачливым человеком, ведь для успеха требуются

всевозможные низости, всевозможные обманы, всевозможные ложные обещания. Для успеха нужно насилие. Удачливый человек — не любящий человек, не сострадательный человек.

Истинно сострадательный человек, по-настоящему любящий человек готов раствориться, чтобы могло возникнуть нечто великое. Он готов стать удобрением, на котором вырастут розы.

Я люблю того, кто бросает золотые слова впереди дел своих и всегда исполняет больше, чем обещал: ибо жаждет он гибели.

Я люблю того, кто оправдывает грядущее поколение, а прошедшее — избавляет, ибо жаждет он гибели от ныне живущих.

Я люблю того, кто наказует Бога своего, потому что любит его: ибо от гнева Господа своего должен он погибнуть.

Я люблю того, чья душа глубока даже в ранах ее; кого может погубить малейшее испытание: охотно идет он по мосту.

Он не боится смерти, ибо знает: пока зерно не умрет, растение не будет расти. Пока зерно не умрет, не будет цветов. Он готов умереть. В своем мужестве он способен радостно идти по мосту, который опасен.

Путешествие преображения опасно. Вы исчезнете, и в существование придет нечто новое. Вы приносите себя в жертву ради того, чтобы пришло новое, но эта жертва - великое блаженство, ибо вы творец — вы стали утробой для нового, для великого.

Я люблю всех, кто подобен тяжелым каплям, падающим одна за другой из темной тучи, нависшей над человечеством: они предвещают приближение молнии и гибнут, как провозвестники.

Смотрите, я — провозвестник молнии, я — тяжелая капля из грозовой тучи; а имя той молнии — Сверхчеловек.

Заратустра говорит, что пророк возвещает будущее, все ставит на карту ради будущего, умирает ради будущего, чтобы эта планета могла стать раем; так что этому человечеству не обязательно быть низким, не обязательно быть и дальше наполненным тем, что подлежит осуждению; чтобы это человечество стало чистым и невинным.

Это подобно тому, как перед самым дождем появляются облака — они просто возвещают начало дождя и молнии.

Заратустра говорит: «Я — провозвестник молнии. Я хочу, чтобы вы осознали: скоро появится сверхчеловек. Приготовьтесь принять его. Единственный способ встретить его — готовность пожертвовать собой».

Эта молния зовется сверхчеловеком, ибо эта молния - начало нового времени года, нового сезона.

Земля зазеленеет, мертвые деревья оживут, голые ветки покроются листвой, и все вокруг зацветет.

Я говорил вам, что называю сверхчеловека новым человеком, потому что в слове «сверхчеловек» есть оттенок превосходства. В существовании нет ничего высшего и ничего низшего — все уникально и различно. Новый человек будет уникален и самобытен. Новый человек не будет серьезным, новый человек не будет напряженным и беспокойным, он будет исполнен радости. Новый человек будет способен танцевать, петь и играть как маленький ребенок.

Новый человек — надежда всего человечества.

... Так говорил Заратустра.

28 марта 1987 года.

Возлюбленный Ошо,

Пролог часть 5

Произнеся эти слова, Заратустра снова взглянул на толпу и умолк. «Вот стоят они и смеются, — говорил он в сердце своем, — они не понимают меня: не для их слуха, речи мои.

Неужели надо сначала лишить их ушей, чтобы научить их слушать глазами? Неужели надо греметь, подобно литаврам, и трещать, словно проповедники покаяния? Или, быть может, верят они только заикающемуся?

Есть у них нечто, чем гордятся они. Как же именуют они предмет гордости своей? Они называют его «культурой», которая, по их словам, отличает их от пастухов.

Поэтому не любят они принимать на свой счет слово «презрение». Тогда стану я взывать к их гордости.

Я буду говорить им о самом презренном, а самый презренный — это последний человек».

И обратился Заратустра к народу с такими словами:

«Настало время человеку поставить себе цель. Пора ему посадить росток высшей надежды своей.

Пока еще изобильна и щедра земля его: но придет время, и станет она скудной и бессильной, и ни одно высокое дерево уже не вырастет на ней.

Горе! Приближается время, когда человек уже не сможет пустить стрелу желания своего выше себя, и тетива лука его разучится звенеть.

Я говорю вам: надо иметь в себе хаос, чтобы родить танцующую звезду. Я говорю вам: в вас пока еще есть хаос.

Горе! Приближается время, когда человек не сможет более родить ни одной звезды. Горе! Приближается время презреннейшего человека, который не в силах уже презирать самого себя.

Смотрите! Я покажу вам последнего человека.

«Что такое любовь? Что такое созидание? Что такое страсть? Что такое звезда?» — так вопрошает последний человек и моргает глазами.

Земля стала маленькой, и на ней копошится последний человек, который все делает таким же ничтожным, как он сам. Его род неистребим, как земляные блохи: последний человек живет дольше всех.

«Счастье найдено нами», — говорят последние люди, и моргают.

Они покинули страны, где было холодно, ибо нуждались в тепле. Они еще любят ближнего и жмутся друг к другу — потому только, что им нужно тепло.

Болезнь и недоверчивость считаются у них грехом, ибо ходят они осмотрительно. Только безумец может наткнуться на камни и на людей!

Время от времени — немножко яду: он навевает приятные сны. И побольше яду напоследок, чтобы было приятнее умереть.

Они еще трудятся, ибо труд для них — развлечение. Но они заботятся о том, чтобы развлечение это не утомляло их.

Не будет уже ни бедных, ни богатых: и то, и другое слишком хлопотно. И кто из них захочет повелевать? Кто повиноваться? То и другое слишком хлопотно.

Нет пастыря, есть одно лишь стадо! У всех одинаковые желания, все равны; тот, кто

мыслит иначе, добровольно идет в сумасшедший дом.

«Прежде весь мир был безумным», — говорят самые проникательные из них, и моргают.

Все они умны, они все знают о том, что было: так что насмешкам их нет конца. Они еще ссорятся, но быстро мирятся — сильные ссоры нарушили бы их пищеварение.

У них есть свое маленькое удовольствие для дня и свое маленькое удовольствие для ночи; но здоровье - выше всего.

«Мы открыли счастье», — говорят последние люди, и моргают».

...Так говорил Заратустра.

Эти слова Заратустры всегда глубоко поражают меня по той простой причине, что кажутся мне моими собственными; как будто говорю я, а не Заратустра — поскольку все, что он говорит — это также и мой опыт.

Я говорил почти три десятка лет. Я начинал с великой надежды на все человечество. Мало-помалу человечество уничтожило ее. Теперь я надеюсь только на небольшую часть человечества: я называю их «мои люди».

Говорить с миллионами людей оказалось таким болезненным переживанием, настолько неожиданным и шокирующим — ведь люди имеют уши, но они не слышат. Самое большее, они слушают. Они слушают поневоле, потому что у них есть уши. Но для того, чтобы услышать, нужно нечто большее — безмолвный ум за ушами, восприимчивый ум, неинтерпретирующий, нерассуждающий.

Тогда слушание становится слышанием. Не имеет значения, должны ли вы согласиться с тем, что слышите, или не согласиться. Когда ветер дует среди сосен, соглашаетесь вы или не соглашаетесь? — вы просто слышите. Когда вода стекает с гор, танцуя и распевая, вам слышен шум воды - согласны вы с ним или нет?

То же самое и с внутренним опытом; от вас не ожидается согласие или несогласие. Если вы просто слушаете с молчаливым умом, истинное немедленно распознается; и немедленно распознается неистинное. Это распознавание не имеет ничего общего с умом; это понимание исходит из самого вашего существа.

Вы знаете истину; вы забыли ее.

Когда вы слышите, внезапно приходит воспоминание; просыпается то, что спало. Внезапно возникает связь.

Дело не в согласии, дело в открывании внутри себя той же истины, что вы слышали. А если внутри вас ничто не шевельнулось, ничто не пробудилось — это значит, что в том, что вы слышали, не содержится ничего — в этом нет жизни, это неистинно.

Это даст вам представление о том, что есть два вида испытания истины: один — только логический, когда ум соглашается с доказательствами. Это обязательно будет очень поверхностно, потому что другое доказательство, лучше и острее, может разрушить первое, и согласие исчезнет; то, что вы сочли истинным, больше не истинно.

Второй полностью отличается. Это — не логическое, интеллектуальное, рациональное согласие. Это — взаимосвязь, взаимопонимание между двумя сущностями. Внезапно в вас рождается понимание: «Это также и моя истина. Я не осознавал ее, — это другое дело, — но теперь меня спровоцировали, мне бросили вызов». Тогда это — не согласие со мной, это — ваша собственная истина. Никакие аргументы не могут ее разрушить, потому что она не подтверждалась никакими аргументами. Никакая логика не может повредить ей, потому что не логика была причиной ее нахождения.

Когда я говорил с миллионами, становилось все яснее и яснее, что я говорю в стену: никто не слышал. Самое большее, несколько человек слушали, но большинство из них были настолько полны своими предубеждениями, своими бездоказательными мыслями, у них имелось столько

верований без всяких оснований в существующем, что все, что вы им говорите, теряется в массе верований, идей, религий, философий. Когда они рассказывают о вас, они говорят что-то совершенно другое. То, что вы говорили, подвергается такому искажению, из этого столько выбрасывается и столько к нему прибавляется; оно приобретает совершенно новый оттенок, новое значение, которое вовсе не имелось в виду. Так что они либо не слышат совсем, либо, даже если им удастся послушать, это создает только непонимание, это не находит понимания.

Для того чтобы слышать, необходимо умение быть безмолвным, находиться в этом мгновении, отложить в сторону ум со всем его мусором — проложить путь тому, что вы слушаете. Если это правильно, ваше сердце забьет в колокола; если это неправильно, внутри вас ничего не произойдет. Это другой тип познания: через сердце, а не через ум. Это единственно правильный путь, которым можно прийти к пониманию. Именно поэтому все эти слова — абсолютно мои, и я не чувствую, что они были сказаны двадцать пять веков назад.

Произнеся эти слова, Заратустра снова взглянул на толпу и умолк. Его молчание — знак печали; оно показывает безнадежность человека; оно говорит о неразумии толпы.

«Вот стоят они и смеются, — говорил он в сердце своем, — они не понимают меня: не для их слуха речи мои.

Неужели надо сначала лишить их ушей, чтобы научить их слушать глазами?

В действительности, именно это всегда и делали Мастера: отсекали вам уши, разбивали ваш ум, чтобы вы могли слушать глазами — чтобы вы могли понимать сердцем.

Великий философ пришел поспорить с Гаутамай Буддой об истине. На Востоке это было традицией; философы ходили по стране, вызывая других философов на спор. Это были прекрасные дни, в известном смысле; это были дни настоящей свободы мысли. Любая философия, всякое возможное представление о существовании уважались, обсуждались — и без антагонизма. Спор был просто способом познания; это делалось с великой любовью, очень дружелюбно. Тот, кто проигрывал в споре, естественно становился учеником победителя.

Этот философ, Мулункпутта, победил очень много философов по всей стране. Его величайшим желанием было победить Гаутаму Будду, поскольку это был самый бесспорный авторитет тех дней. Он пришел с пятью сотнями учеников, и эти пятьсот учеников были философами, которых он победил. Он бросил Гаутаме Будде вызов:

— Я хочу спорить об истине. Гаутама Будда сказал ему:

— С радостью; но прежде нужно кое-что уладить. Первое: знаешь ли ты истину; в противном случае, как ты собираешься спорить о ней?

Люди были настолько искренними, что Мулункпутта сказал:

— Я не знаю истины; я искатель. Будда сказал:

— Я тоже был искателем. Теперь меня больше нет — есть только истина. И все же ты хочешь спорить об истине — с самой истиной? И как ты будешь спорить? Я чувствую к тебе сострадание. Вот что я предлагаю: сяди рядом со мной два года в безмолвии — просто пей мое присутствие, чувствуй мое присутствие, впитывай мое присутствие. За два года ты не произнесешь ни слова, а через два года можешь начать свой спор.

Это было странное условие: два года он должен просидеть молча. Но он был настоящим искателем; не просто мыслителем, но одним из тех, кто хочет познать истину - не как логическое заключение, но как сущностную реализацию.

Он согласился. И в этот самый момент ученик Будды, Махакашьяпа, сидевший под деревом, начал смеяться как сумасшедший. Мулункпутта не мог этого понять. Он сказал Гаутаме Будде:

— Что с этим человеком? Он вдруг, без всякой причины, начал смеяться. Будда сказал:

— Спроси сам.

Махакашьяпа сказал Мулункпутте:

— Если ты действительно хочешь спросить, спрашивай сейчас. Через два года ты найдешь ответ. Кто будет задавать вопросы? Ты исчезнешь. Этот человек опасен. Я тоже пришел поспорить с ним, и он сыграл со мной ту же шутку. Просидев два года рядом с ним, я исчез. Теперь я — истина, но дискуссия невозможна. Я рассмеялся, потому что подумал: снова он со своими штучками; этот бедняга просидит два года, думая, что через два года состоится грандиозная дискуссия. Тем не менее, я говорю тебе: если ты хочешь поспорить, спорь сейчас.

Но Мулункпутта согласился с Буддой и сказал:

— Гаутама Будда говорит справедливо. Я ничего не знаю об истине; как я могу ее обсуждать? Позвольте мне посидеть два года. Я потратил пятьдесят лет, скитаясь по всей стране, беседуя с тысячами людей, споря и споря; и что у меня в руках? — они пусты. Я потерял пятьдесят лет; я могу рискнуть еще двумя годами. И само присутствие Гаутамы Будды, его тишина, его безмятежность, его аромат... тонкая аура вокруг него, которая почти осязаема, вселяет в меня уверенность, что он не может меня обманывать, что он не может никого обмануть.

Два года он ждал в тишине; но за два года он исчез. Его ум стал настолько тихим, что он забыл даже вести счет месяцам, дням, неделям. Прошло два года, но он даже не заметил. Будде пришлось самому сказать:

— Мулункпутта, ты забыл наш договор? Два года прошли. Именно в этот день, два года назад, ты пришел ко мне. Теперь я готов спорить, как мы и договаривались; задавай свой вопрос.

Слезы радости выступили в его глазах вместо вопроса, он склонил голову к ногам Гаутамы Будды и сказал:

— Пожалуйста, прости меня. Махакашьяпа был прав. Во мне развилась такая связь с тобой, что теперь ни мне не нужно ничего спрашивать, ни тебе — отвечать. Я знаю твою сокровенную сущность. Я увидел твой свет, увидел твою любовь, я испытал твою истину. Самое удивительное то, что, когда я пережил все это, во мне внезапно расцвел тот же самый опыт.

Твоя истина была просто поводом; она затронула во мне нечто, и я осознал свою собственную истину — и они одинаковы. Пожалуйста, прости меня. Я был невежественным эгоистом, имея намерение обсуждать с тобой истину - об истине нельзя спорить, но ее можно пережить в безмолвии.

Неужели надо сначала лишить их ушей, чтобы они научились слушать глазами? Неужели надо греть, подобно литаврам, и трещать, словно проповедники покаяния? Или, быть может, верят они только заикающемуся?

Есть у них нечто, чем гордятся они. Как же именуют они предмет гордости своей? Они называют его «культурой», которая, по их словам, отличает их от пастухов.

В этом мире все гордятся одним: своей культурой. Меня запрещали в таком множестве стран, столько правительств, столько церквей, но причина всегда была одна - что я опасен для их культуры. В двадцати одной стране был принят закон, запрещающий мне ступать на их территорию. Причина? — то, что я могу разрушить их культуру, их мораль, их религию. Какая идиотская идея: с одной стороны, они заявляют, что их культуре четыре тысяч лет — а в Индии провозглашают, что их культуре девяносто тысяч лет; они создавали культуру девяносто тысяч лет — и один-единственный человек может разрушить ее.

Меня выслали из стран, куда я приезжал всего на три-четыре недели как турист. В Грецию я приехал всего на четыре недели. Прошло две недели, и я ни разу не выходил из дома не. Я был так счастлив, быть просто наедине с самим собой; моя комната была для меня целой вселенной. Однако архиепископ старейшей христианской церкви в мире, Греческой ортодоксальной церкви, угрожал правительству, угрожал мне, грозил моему хозяину, в доме которого я остановился, на маленьком острове... Он грозился сжечь мой дом, если я немедленно не покину

Грецию — что я и все люди, жившие со мной, будут сожжены заживо.

А причина? — я опасен для их культуры. Турист, которому осталось всего две недели срока, который не собирается выходить из своего дома, способен уничтожить культуру, которая создавалась две тысячи лет. Стоит ли спасать такую культуру? Чем это не мусор? Всего лишь легкий толчок, и карточный замок полностью рассыплется. Вы создавали его две тысячи лет, и вы боитесь двух недель.

Все в мире гордятся своей культурой. Но что такое ваша культура? Заратустра прав: *Они называют это «культурой», которая, по их словам, отличает их от пастухов.* Это не нечто великое; это просто изобретение человеческого эго. Может быть, вы говорите на разных языках, возможно, вы носите разную одежду, возможно, у вас разная архитектура, возможно, у вас разная музыка — но здесь нечем гордиться: даже кочевники, скитающиеся в пустынях, имеют свою собственную культуру, и они так же гордятся ею, как и все другие.

Когда Марко Поло посетил Китай, он записал в своем дневнике, что китайцев нельзя назвать людьми; они кажутся видом недочеловеков. По какой причине? Мелочь... Китайцы едят змей. На самом деле, если отрезать змее голову, то это — просто овощ, потому что яд расположен только во рту, в небольшой железке. Стоит только отрубить рот, и вы получите чистый овощ. И в Китае это считается деликатесом. Но Марко Поло не мог в это поверить — человек ест змей. Конечно, они — недочеловеки.

А что китайцы думали о Марко Поло? Они слышали о Западе, но он был первым западным человеком, который приехал в Китай. Сохранились книги того времени — их и сейчас можно прочесть — которые свидетельствуют, что в Китае была высокая культура, так что западные страны были далеко позади.

В Китае был печатный станок, в Китае были бумажные деньги — это одно из самых позднейших достижений в мире. Только высокоразвитое общество можно убедить, что сотни золотых или серебряных рупий — ненужная тяжесть. В этом нет необходимости. Вы можете носить в кармане банкноту в тысячу рупий; она ничего не весит. Правительство обещает, что, когда вы захотите, вы можете пойти в сокровищницу и получить тысячу золотых рупий. Это долговое обязательство; его легче носить, легче менять. Вы можете носить при себе тысячи рупий, но не в золотых или серебряных монетах.

Когда китайцы увидели Марко Поло, их писатели сообщали о нем: «Мы слышали, что человек произошел от обезьяны — теперь мы в этом убедились. Марко Поло — настоящая обезьяна».

Каждая культура гордится собой, но любая культура есть не что иное, как определенный стиль жизни, выработанный толпой, и любая культура уничтожает индивидуальность. Она заставляет всех быть одинаковыми; иметь одинаковую систему верований; иметь одного Бога; ходить в один и тот же храм; чтить одно священное писание; подчиняться одинаковой морали; одинаковый этикет, одинаковые манеры — она стирает уникальность индивидуальности. Она делает из индивидуальности зубчик в колесе. Поэтому то, что называется культурой — это убийца индивидуальности, это разнообразные способы убийства индивидуальности. Здесь нечем гордиться.

Мир, в котором индивидуальность не уничтожается, но поддерживается в своей уникальности, будет миром по Заратустре, миром сверхчеловека. Сверхчеловек не может быть частью толпы. Сверхчеловек может быть только самим собой, в своей абсолютной естественности, бескомпромиссности, исполненный уважения к другим, но, не позволяя никому унижать себя.

Заратустра думал в своем сердце: *Поэтому не любят они принимать на свой счет слово «презрение». Тогда стану я взывать к их гордости.*

До сих пор он говорил, что в человеке, каков он есть, нет ничего достойного почитания. Единственно великое - это превзойти это человечество и этот род людей, полный соперничества, полный насилия, наполненный войной, полный зависти, полный жестокости. Этот человек достоин презрения; этот человек не достоин чести.

Но он подумал: «Если я продолжу говорить, они вообще не поймут меня. Я должен отбросить слово "презрение", потому что они очень гордятся собой, хотя в них нет ничего, чем можно гордиться. Внутри - сплошное уродство; но они лицемеры, они не показывают это уродство, они все время прячут его — это их культура. Мне следует взывать к их гордости. Возможно, они смогут услышать».

Он нашел средство. Он продолжает говорить то же самое, он по-прежнему обозначает тот же путь, но раз уж люди настолько глупы, почему бы не воспользоваться их гордостью. По крайней мере, они способны это понять и готовы слушать.

Я буду говорить им о самом презренном, а самый презренный — это последний человек. Вы не самые презренные люди, а последние люди. Это слово красиво звучит - *последний человек*. Но если вы вдумаетесь, *последний человек* означает: все, что есть в вас безобразного, достигло своего полного расцвета; что вы не можете быть безобразнее этого последнего человека — вы только начало движения к последнему человеку.

И обратился Заратустра к народу с такими словами: «Настало время человеку поставить себе цель». Людям нравятся подобные вещи — их ум ориентирован на цели.

Каждого воспитывают так, что он превращается в гонщика: достичь большего в любой области, где ты находишься, достичь вершины.

Настало время человеку поставить себе цель. Пора ему посадить росток высшей надежды своей. Может быть, эти слова услышат. Он говорит на языке человеческой гордости: цель, надежда. Именно так все и живут, ради некой цели: один хочет быть самым известным человеком в мире; другой хочет стать самым богатым. Он хочет стать самым могущественным. В каждом есть Александр Великий, по-разному.

Пока еще изобильна и щедра земля его: но придет время, и станет она скудной и бессильной, и ни одно высокое дерево уже не вырастет на ней. Поэтому не теряйте времени: поставьте себе цель; проясните свои надежды; сконцентрируйте всю свою энергию на этой цели с абсолютной надеждой, ибо земля еще богата — скоро это станет невозможно. Она станет слабой и скудной, и тогда ни одно высокое дерево уже не вырастет на ней. А именно этого хотят все — стать высоким деревом, уходящим к звездам.

Горе! Приближается время, когда человек уже не сможет пустить стрелу желания своего выше себя.. И теперь, окольным путем, он приходит к своей мысли: *Горе! Приближается время, когда человек уже не сможет пустить стрелу желания своего выше себя..* Он снова говорит: «Превзойдите человечность», но он поменял слова — *и тетива лука его разучится звенеть!*

Я говорю вам: надо иметь в себе хаос, чтобы родить танцующую звезду. Я говорю вам: в вас пока еще есть хаос.

Он говорит в точности то же самое: он необычайно разумный человек...

Если вы не очень бдительны, вы подумаете, что он говорит совершенно другое; лишь слова его отличаются, а смысл тот же самый.

Я говорю вам: в вас пока еще есть хаос. Вместо того чтобы сказать, что вы — хаос, презренный, он говорит, что только из хаоса рождаются звезды. *Нужно иметь в себе хаос, чтобы родить танцующую звезду.* Только будьте хаосом, утробой, чтобы родить танцующую звезду. Человек должен быть всего лишь утробой для того, что он назвал сверхчеловеком, чтобы родился сверхчеловек. Человек должен быть лишь стрелой, а мишень — это сверхчеловек.

Горе! Приближается время, когда человек не сможет более родить ни одной звезды. Горе! Приближается время презреннейшего человека, который не в силах уже презирать самого себя. Заратустра невероятно мудр. Если вам непонятен его язык, он будет говорить на вашем, но заставит вас почувствовать свой смысл.

Приближается время презреннейшего человека, который не в силах уже презирать самого себя.

Смотрите! Я покажу вам последнего человека.

«Что такое любовь? Что такое созидание? Что такое страсть? Что такое звезда?» — так вопрошает последний человек и моргает глазами.

Последний человек — это смерть рода человеческого. Теперь уже не стоит вопрос, ни о какой любви, ни о каком творчестве, нет вопроса о рождении звезд. Последний человек забыл самый язык трансценденции. Он будет думать, что он — цель всего существования; он будет думать, что он прибыл, путешествие окончено.

Заратустра говорит: «Эта идея — "я прибыл" — самоубийственна. Жизнь — это паломничество». Фактически, у нее нет никакой цели. Вы вечно прибываете, прибываете и прибываете, но вы никогда не придете. Все цели просто поддерживают ваше движение, рост. Все цели подобны горизонту, который, кажется, так близок, всего в нескольких милях. Вам кажется, вы можете догнать его, но вы никогда не догоните его, потому что он — всего лишь иллюзия.

Земля и небо нигде не встречаются. В тот момент, когда вы достигаете точки, где был горизонт, горизонт отодвинется далеко вперед. Расстояние между вами и горизонтом всегда остается одинаковым, оно неизменно. В этом красота жизни — она все время растет, и этому нет конца; она всегда жива и не знает никакой смерти — она вечна.

Но эта вечность возможна, только если человеческое стремление всегда направлено за пределы себя, так что он всегда думает: как превзойти себя? Как дальше уйти от животного и приблизиться к Богу, если Он есть. Вот почему Заратустра сказал: «Человек — это канат, натянутый между животным и Сверхчеловеком. Он — мост, и вы не должны строить свой дом на мосту — мост существует для перехода».

У одного из великих императоров Индии, Акбара, была грандиозная мечта, оставшаяся неисполненной. Но мечтать хорошо, даже если ваши мечты не исполняются. На самом деле, только мелкие мечты могут исполниться; чем значительнее мечта, тем меньше возможность ее исполнения.

Он хотел выстроить для Индии новую столицу, самый прекрасный город в мире, уникальный во всех отношениях. Он хотел, чтобы весь город был произведением искусства; не просто один дворец, но целый город дворцов. Он начал возводить его, будучи совсем молодым.

Пятьдесят лет тысячи рабочих, архитекторов, камнетесов работали в этом городе.

Он до сих пор стоит, неоконченный; его название Фатех-пур Зикри. Это город-призрак — там никто никогда не жил, потому что он не был достроен. Акбар умер, а его преемники посчитали, что это слишком дорогая мечта. Акбар почти полностью опустошил свою сокровищницу, а они не пожелали это делать.

Вы входите в город через мост, который проходит над красивой рекой, и Акбар хотел, чтобы людей, входящих в город, встречало какое-нибудь прекрасное изречение. Там был только один вход. Он приказал своим людям посмотреть в книги, в писания всех религий, и, наконец, они нашли слова Заратустры: «Человек — всего лишь мост; не должно строить на нем дом; это то, что нужно перейти». Это первые слова, которыми Фатех-пур Зикри приветствует вас.

Последний человек спрашивает: «Что такое любовь?» Он знает, что такое деньги, он знает, что такое власть, он знает, что такое респектабельность, но он не знает что такое любовь.

Он спрашивает: «Что такое созидание?» Он знает технологии, он знает науку, он знает ядерное оружие, ему известно, как уничтожить все человечество — но он не знает, что такое созидание. Так вопрошает последний человек и моргает глазами.

Земля стала маленькой, и на ней копошится последний человек, который все делает таким же ничтожным, как он сам. Его род неистребим, как земляные блохи: последний человек живет дольше всех. Почему последний человек живет дольше всех? Потому что он забыл, что есть нечто гораздо большее, чем просто жить. Он остановился; он перестал расти; он перестал мечтать; он перестал надеяться; у него нет будущего, он уже труп — вот почему он живет дольше всех.

Очевидно, что мертвец не может снова умереть. Последний человек — это смерть человека, вот почему он живет дольше всех. Он — просто труп, лишенный любви, без музыки, без песен, без танцев, без творчества. Идти некуда; он просто застрял на месте. Есть только могила, и воскресение невозможно. Если этот человек, этот род человеческий, не услышит Заратустру, то все, что он говорил двадцать пять веков назад, вскоре исполнится. *Земля стала маленькой...* Человек обрел необычайное могущество в том, что касается разрушения.

На самом деле, люди только произносят слова вроде «любовь», но они не знают значения. Они никогда не любили. Их сердца никогда не знали весны, которая зовется любовью. Им известен брак; они знают, как производить детей, но любовь — не техника воспроизведения детей. Животные умеют делать это без всякой любви; человек тоже делает это без всякой любви. Ибо познать любовь... недостаточно просто родиться, любви нужно учиться, это искусство. Человек не наследует ее, как животные. Она не биологична. Сексу вам не нужно учиться; он похож на торговое соглашение. Но любовь — нечто сродни медитации, нечто подобное молитве. Вовсе не обязательно, что вы узнаете их. Вы можете прожить без любви, без медитации, без молитвы, и можете умереть, так и не попробовав ничего из этих переживаний.

Человек стал невероятно продуктивен в технологии и науке; но созидание исчезает. Кому нужно творчество? Это дорого, на это уходит много времени. Если машины можно выпускать с конвейера... На автомобильном заводе Форда каждую минуту производится одна машина; эти машины просто двигаются по конвейеру, одна за одной, все в точности одинаковые — кому нужна уникальность?

Творческий человек больше не ценится на рынке. Ценится человек производительный, и разница между ними огромна. Человек производительный — просто ремесленник; человек творческий — гений.

«Счастье найдено нами» — говорят последние люди, и моргают. В чем их счастье? Им принадлежат все деньги, вся власть, положение — разве это счастье?

Они покинули страны, где было холодно, ибо нуждались в тепле. Они еще любят ближнего и жмутся друг к другу - потому только, что им нужно тепло. Но это не любовь.

Болезнь и недоверчивость считаются у них грехом, ибо ходят они осмотрительно. Только безумец может наткаться на камни и на людей! В тот день, когда человек перестает совершать ошибки, он также перестает учиться.

Только машины не ошибаются; в этом смысле они совершенны.

Последний человек будет просто роботом. Он все будет делать эффективно, не натываясь на камни и на людей; не совершая ошибок, никогда. Но такой человек утратил все человеческое.

Именно путем ошибок вы открываете новые области жизни; именно благодаря ошибкам вы становитесь зрелыми; именно через ошибки приходит мудрость; именно на ошибках развивается человечество. Но если мы перестанем ошибаться, то знайте: пришел последний человек — он будет роботом. Он будет жить дольше всех, но жить без любви, без песни, без танца — его жизнь будет хуже смерти.

Время от времени — немножко яду: он навеивает приятные сны. Последний человек открывает наркотики... они уже открыты.

Время от времени — немножко яду: он навеивает приятные сны. И побольше яду напоследок, чтобы было приятнее умереть.

Они еще трудятся, ибо труд для них — развлечение. Но они заботятся о том, чтобы развлечение это не утомляло их.

Это уже становится проблемой. Эти слова Заратустры настолько справедливы для нашего века, что его прозрение будущего кажется невероятным. Человек заменяется машинами. Машины делают все больше и больше работы. Величайшие философы мира озабочены тем, что вскоре машины будут выполнять всю работу. Что тогда будет делать человек? Опасно оставлять миллионы людей без всякой работы.

Обычно люди думают: когда я уйду на пенсию, я отдохну, расслаблюсь и буду наслаждаться. Но когда они действительно уходят на пенсию, они обнаруживают, что отдых невозможен, невозможно расслабиться, поскольку они всю жизнь прожили без отдыха, в беспокойстве, напряжении, страдании. И теперь, вдруг, просто из-за того, что они вышли на пенсию, их тело не может изменить свои старые привычки, шестидесятилетние привычки.

Не случайно стариков раздражают и выводят из себя мелочи. Детям очень трудно ужиться со стариками, новому поколению — ужиться со старшим поколением. Разрыв не только во времени, не только в знаниях; расхождение в том, что старику нечего делать; а всю свою жизнь он был занят не тем, так другим. Теперь он повсюду ищет, чем бы заняться, а заняться ему нечем.

Вся та энергия, которая уходила в работу, становится для него проблемой, грузом. Он хочет освободиться от нее, она становится злостью, она превращается в раздражение, она становится осуждением всех и вся. И крупные мыслители мира придерживаются мнения, что мы должны обеспечить стариков какой-нибудь работой, просто для развлечения. Она может не приносить пользы. Возможно, одна часть стариков делает что-нибудь, а другая группа назавтра разрушает. Это просто для развлечения.

А старость удлиняется; в Европе не редкость люди, которым восемьдесят, девяносто, сто и сто двадцать лет. В Советском Союзе, особенно на Кавказе, есть люди, которые перешагнули стопятидесятилетний рубеж. И есть несколько сот таких, кто достиг даже возраста в сто восемьдесят. Они по-прежнему работают в поле, на виноградниках, в саду — они требуют работы. Вы не можете в шестьдесят лет отправить на пенсию человека, который проживет до ста восьмидесяти лет. Он прожил всего треть своей жизни; впереди еще две трети, они пусты. Вы должны дать ему какую-нибудь работу.

Некоторые экономисты даже предлагают платить больше тем людям, которые согласны оставаться без работы, за их готовность не работать; им нужно платить больше, чем тем, кто требует трудоустройства, потому что вы не можете иметь и то и другое — занятость и большую оплату. Вы можете выбрать. Ведь какой-то бедняга будет страдать от пустой жизни — ему нужна компенсация. В прошлом экономисты не могли даже вообразить, что безработным будут платить больше, чем работающим.

Вся работа вскоре достанется машинам, поскольку они выполняют ее лучше, эффективнее, быстрее. Там, где требовалась тысяча людей, может справиться всего одна машина. То, для чего требовалось десять тысяч человек, полностью может сделать один компьютер. Но что будет с этой тысячей или десятью тысячами людей? Заратустра говорит, что эти люди предпочтут умереть.

Во всем мире, в развитых странах, существует движение, в котором старики требуют конституционного права на самоубийство — и нельзя сказать, что они неправы. Они говорят:

«Мы прожили достаточно, и влачить свое существование дальше — ненужное мучение. Мы хотим отдохнуть в могиле. Мы все повидали, мы все испытали. Нам больше не на что надеяться, не о чем мечтать, нечего желать. Завтрашний день для нас пуст и страшен — лучше умереть».

Поэтому существует такое движение, и я поддерживаю его: движение за легкую смерть. Каждое правительство должно обеспечить в любой больнице людей, которые хотят умереть, такой возможностью. Например, можно установить предел. Если кто-то хочет умереть после восьмидесяти лет, вы должны обеспечить его в больнице прекрасными условиями, чтобы он мог отдохнуть, пригласить своих друзей, встретиться с друзьями, старыми коллегами, послушать хорошую музыку, прозу или поэзию, посмотреть лучшие фильмы, потому что это последний месяц его жизни.

Зачем понапрасну мучить людей? Просто сделайте инъекцию, которая погружает во все более и более глубокий сон, в конце концов, превращающийся в смерть. Я абсолютно уверен, правительства должны пойти навстречу и медицина должна им уступить, потому что это кажется таким гуманным: если кто-то достаточно пожил — его дети состарились, его детям по шестьдесят, они пенсионеры - пришло время.

Вы не вольны родиться, но, по крайней мере, вам должна быть дарована свобода умереть, выбрать дату и время. Это должно стать одним из основных прав человека.

Не будет уже ни бедных, ни богатых: и то, и другое слишком хлопотно. И кто из них захочет повелевать? Кто повиноваться? То и другое слишком хлопотно. Для последнего человека все становится слишком хлопотно. Он хочет только умереть.

Нет пастыря, есть одно лишь стадо! У всех одинаковые желания... И как раз это происходит, все хотят одного и того же; вы можете убедиться, так и есть. Внезапно возникает мода на определенную прическу, и вы видите, что тысячи людей ходят с одинаковой прической. Вдруг в моду входит определенная одежда, и тысячи людей ходят в одинаковой одежде. Дизайнеры постоянно работают над созданием новых моделей, потому что заводам нужно что-то выпускать; иначе они могут разориться. Как тогда платить рабочим? Новое мыло, новые сигареты... в них нет ничего нового. Возможно, новая упаковка, другой цвет — но это становится модным. Было подсчитано, что каждая новая мода держится в среднем три года. Через три года людям начинает надоедать, им хочется чего-нибудь нового.

Это не счастье. Это безнадежные поиски счастья, но в неверном направлении.

...все равны: тот, кто мыслит иначе, добровольно идет в сумасшедший дом.

Если вы просто думаете чуть-чуть иначе, чем люди, они начинают вас подозревать: что-то не так; вы сумасшедший. Будьте частью толпы, и вас сочтут нормальным. Толпа может быть ненормальной, не в этом дело. Просто будьте частью толпы, ведите себя так же, как они. Исключения не разрешаются. Индивидуальность не допускается. Индивидуумов сажают в сумасшедшие дома. Таков последний человек.

«Прежде, весь мир был безумным» — говорят самые проникательные из них, и моргают.

Все они умны, они все знают о том, что было: так что насмешкам их нет конца. Они еще ссорятся, но быстро мирятся — сильные ссоры нарушили бы их пищеварение.

У них есть свое маленькое удовольствие для дня и свое маленькое удовольствие для ночи; но здоровье — выше всего.

Здоровье должно быть естественным. Оно должно быть незаметным. Вот самое старое определение здоровья: когда вы вообще не замечаете своего тела. Вы осознаете свою голову только тогда, когда она болит; иначе, зачем помнить о голове? Вы замечаете свой живот только тогда, когда он болит или вы беременны; иначе, зачем помнить о животе?

Только болезнь делает вас внимательным. Но во всем мире уделяется так много внимания здоровью: здоровая пища, здоровое лечение, натуральные продукты. Все это означает, что мы

отчаянно ищем что-нибудь, что сделает нас счастливыми. В своем благоденствии мы несчастны, мы несчастны со своим образованием, мы несчастны в мире, заполненном всевозможными приспособлениями и игрушками.

«Мы открыли счастье», — говорят последние люди, и моргают.

Согласно Заратустре, последний человек — это полный расцвет всего уродливого, что есть в вас, и нужно страшиться этого последнего человека. Он приближается; он приближается очень уверенно. Он совсем рядом.

Последнего человека может остановить только одно: если мы сможем создать нового человека, человека, глубоко укорененного в медитации; человека, который переместился из головы в сердце; человека, который предпочитает логике любовь; человека, которого не интересует внешнее богатство, но чрезвычайно интересуют внутренние сокровища нашего бытия — коротко говоря, человека полностью пробужденного, просветленного, человека, осознающего божественность существования и настолько исполненного радости, что он хочет ею поделиться.

Если мы не создадим нового человека, придет последний человек. Последний человек — это смерть человечества. Новый человек может предотвратить эту смерть. Новый человек может дать вам новую жизнь, новое пространство для движения, новое измерение, новое направление. Это будет движение внутрь. Тысячи лет мы двигались вовне. Мы слишком далеко ушли от самих себя.

Пришло время, когда мы должны вернуться домой и посмотреть внутрь своего существа, потому что внутри нашего собственного существа находится все, что мы ищем снаружи. Мы не найдем это снаружи, его там нет. Оно здесь.

... Так говорил Заратустра.

29 марта 1987 года.

Возлюбленный Ошо,

Пролог часть 6

Закончив свою речь о последнем человеке, Заратустра убедился, что люди не поняли его, потому что здесь его прервали крики толпы: «Дай же нам этого последнего человека! Не нужен нам твой Сверхчеловек!»

Пока он размышлял об этом, канатный плясун взялся за свое дело: он появился из-за маленькой дверки и пошел по канату, натянутому между двумя башнями над базарной площадью, полной людей.

Когда одолел он уже полпути, дверка снова отворилась, и какой-то малый, одетый, как паяц, во все пестрое, выскочил из нее и быстро пошел по канату вслед за первым, выкрикивая оскорбления. Он перепрыгнул через канатного плясуна, который потерял равновесие и упал, приземлившись прямо у ног Заратустры.

Заратустра долго сидел с умирающим — уже наступил вечер и народ разбрелся.

Наступила ночь, и человек умер. Заратустра решил покинуть город; он взвалил труп на спину и отправился в путь. Он встретился с паяцем, который поведал ему, что весь город возненавидел Заратустру и хорошо, что он уходит. Повстречались ему и могильщики; долго насмехались они над тем, что он уносит труп.

Найдя пищу у старика, живущего у дороги, и утолив свой голод, Заратустра очутился в дремучем лесу и, наконец, уснул, сняв с себя своего мертвого попутчика. Через несколько часов он проснулся. ...

И так сказал он в сердце своем:

«Свет истины озарил меня: мне нужны попутчики, и притом живые, а не мертвые — не мертвецы, которых несу я, куда хочу.

В живых попутчиках нуждаюсь я, в тех, что пойдут за мной, ибо хотят они следовать себе; потому и пойдут они за мной туда, куда хочу я.

Свет истины, озарил меня: не к народу должен обращаться я, но к попутчикам! Заратустра не станет пастухом и собакой для стада!

Сманить многих из стада — вот для чего пришел я. Негодовать будут на меня народ и стадо: разбойником станут звать пастухи Заратустру.

Я сказал «пастухи», они же зовут себя добрыми и праведными. Пастухами назвал я их, они же зовут себя верующими в истинную веру.

Взгляните же на этих добрых и праведных! Кого больше всех ненавидят они? Разбивающего скрижали их ценностей, разрушающего и преступающего, но он и есть созидатель. ...

Последователей ищет созидатель, а не людей толпы, не мертвецов, не верующих. Тех, кто станет создать вместе с ним, ищет он: тех, кто напишет новые ценности на новых скрижалях.

Последователей ищет созидатель и тех, кто соберет жатву вместе с ним, ибо у него все созрело для жатвы. Недостает только сотни серпов: потому вырывает он колосья и гневается.

Последователей ищет созидатель, таких, которые умеют точить серпы свои.

Разрушителями назовут их и презирающими добро и зло. Но это — жнецы и празднующие на пиру...

Не стану я ни пастухом, ни могильщиком. И никогда уже не обращусь к народу: в последний раз взывал я к мертвому.

С созидателями, собирающими жатву и празднующими хочу соединиться я: покажу им радугу и все ступени, ведущие к Сверхчеловеку...

...Так начался закат Заратустры

Заратустра не единственный, кто разочаровался в человеке, каков он есть. Едва ли не каждый из тех, кто проник в свою собственную сущность, познал реальность, пережил красоту сознательности, разочаровывался в людях.

Это долгая-долгая история: люди глухи и почти мертвы. Они продолжают жить потому, что у них недостаточно смелости для самоубийства. Они продолжают дышать потому, что это не в их власти — они не могут перестать дышать; в остальном, масса, населяющая мир — всего лишь мертвый груз для планеты.

Эти массы ничего не внесли в рост сознательности, рост человеческой души. Они ничего не сделали для создания на земле Божьего храма — хотя они построили тысячи храмов, синагог, церквей и мечетей. Но они возвели их не как жилища для религии радости; они превратили их в цитадели антижизненных проповедников — цитадели трусов и эскапистов. Они создали организованные религии, чтобы помешать... чтобы религия исчезла из мира, потому что религия может существовать только индивидуально, она не может быть коллективной.

У вас есть какие-нибудь организации для любви? - христианской, буддийской, мусульманской? Любовь индивидуальна; и так же — молитва, поскольку молитва есть не что иное, как любовь в самой чистой форме. Любовь направлена к другой индивидуальности; молитва направлена к целому существованию.

Это был самый ловкий и хитрый путь уничтожить религию — организовать ее, дать религии священство, дать религии фиксированное священное писание. Жизнь никогда не бывает фиксированной, она все время движется; а вы продолжаете придерживаться мертвого писания, полностью потерявшего связь с реальностью. Вы продолжаете слушать священников — а они говорят не из своего личного опыта, они просто попугаи, повторяющие то, что им передано по традиции. Религия всегда свежа и нова. Сделать ее старой, древней — значит убить ее. Это нужно понять очень отчетливо — только тогда Заратустра сможет достичь вашего сердца.

Закончив свою речь о последнем человеке, Заратустра убедился, что люди не поняли его...

Один мой друг, старый человек, но он чрезвычайно любил меня... В Индии было всего два человека, которых называли *Махатмами*, «великими душами» — одним из них был Махатма Ганди, а другим — этот старик, Махатма Багванди. Однажды он сказал мне: «Если тебя поняли, можешь быть уверен — должно быть, ты говоришь неправду. Если тебя не понимают — вполне возможно, что ты произнес нечто истинное». Странная участь: людское непонимание становится определением истины. Но он был прав. Люди веками жили во лжи. Поэтому, когда кто-то постигает истину, он обречен на непонимание.

... потому что здесь его прервали крики толпы: «Дай же нам этого последнего человека!»

Он говорил о последнем человеке, чтобы обвинить человечество. Это был очень философский способ — сказать человеку: «Если ты будешь развиваться в этом же направлении, ты станешь последним человеком, а последний человек — самое презренное, что только может быть. И время пришло: вместо того, чтобы превращаться в последнего человека, ты должен направить свой путь к сверхчеловеку».

Сверхчеловек — не ваше продолжение. Последний человек — просто итог всего вашего невежества, вашей завистливости, гнева, ненависти. Все, что есть в вас безобразного, приходит к

своей кульминации — и это последний человек. Последний человек — ваше продолжение. Он осуждает последнего человека, чтобы заставить вас осознать: еще есть время, чтобы помешать последнему человеку.

Сверхчеловек — не ваше продолжение: должен быть разрыв. Вы, со всеми вашими уродливыми желаниями, исчезаете и даете место новому человеку, новому человечеству. Но люди, как всегда, не поняли Заратустру. Теперь они требуют: «Дай нам этого последнего человека».

Они думают, что этот последний человек — наивысшее развитие человека.

Последний человек — это наибольшая деградация, тяжелейшая духовная болезнь человека, это *конченый* человек - потому что он утратит всякий интерес к творчеству, любви, молитве.

Последний человек зашел в тупик, хотя у него и будет ощущение, что он достиг цели и обрел счастье. Но его счастье будет еще более ничтожным, чем ваше несчастье. Он — это вы в гротескной форме. Идея Заратустры в том, чтобы не осуждать вас прямо, потому что это задевает ваше эго, и вы перестаете слушать. Он подумал: лучше осудить вас в гротескной форме, чтобы вы могли ясно увидеть, куда вы идете, куда вы направляетесь — вы направляетесь в могилу. Но для того, чтобы задеть вашу гордость, он использует прекрасное слово: последний человек. Но люди все равно не поняли его.

Сначала они не поняли его из-за того, что он пользовался словом «презрение» в отношении человечества. Он заменил это слово; оно было противно их гордости. Он пользуется словом, которое не бьет напрямую, но его подход остается прежним; люди же по-прежнему остаются в своем невежестве...

Теперь они требуют у него последнего человека: *«Дай же нам этого последнего человека!»* Они говорят, что он может забрать своего сверхчеловека: «Не нужен нам твой сверхчеловек; мы хотим последнего человека».

Пока он размышлял об этом, канатный плясун взялся за свое дело: он появился из-за маленькой двери и пошел по канату, натянутому между двумя башнями над базарной площадью, полной людей.

Когда одолел он уже полпути, дверка снова отворилась, какой-то малый, одетый, как паяц, во все пестрое, выскочил из нее и быстро пошел по канату вслед за первым, выкрикивая оскорбления. Он перепрыгнул через канатного плясуна, который потерял равновесие и упал, приземлившись прямо у ног Заратустры.

Заратустра долго сидел с умирающим — уже наступил вечер и народ разбрелся. Наступила ночь, и человек умер. Заратустра решил покинуть город; он взвалил труп на спину и отправился в путь. Он встретился с паяцем, который поведал ему, что весь город возненавидел Заратустру и хорошо, что он уходит. Повстречались ему и могильщики; долго насмехались они над тем, что он уносит труп.

Он не причинил людям никакого зла; но правда всегда была для людей поводом к тому, чтобы возненавидеть вас. Никто не хочет знать истину, ибо она разбивает их ложь - а их жизнь целиком состоит из лжи; она основана на лжи.

Каждый ребенок с молоком матери впитывает всевозможную ложь. Естественно, человек, исповедующий истину, будет ненавидим. Он — нарушитель спокойствия. Вам так удобно в вашей лжи, и вдруг приходит он и зарождает в вас сомнения, нарушает вашу веру. Вы теряете прежнюю уверенность — естественно, вы возненавидите этого человека.

П. Д. Успенский, один из лучших учеников Георгия Гурджиева, который сделал Гурджиева известным во всем мире — без него Гурджиев мог бы умереть в полной неизвестности... быть может, его знало бы лишь несколько человек. Он написал книгу «В поисках чудесного» и посвятил ее Георгию Гурджиеву. Это посвящение прекрасно. Это книга об учении Гурджиева; ее

подзаголовок: «Фрагменты неизвестного учения». В посвящении он написал: «Георгию Гурджиеву, который нарушил мой сон».

Но очень трудно не возненавидеть этих людей, что нарушают ваш сон, вашу удобную ложь, вашу комфортабельную ложь, ваши утешения.

Паяц и могильщики смеются над ним. Они всегда насмехались. То, что они не могут понять... они не могут принять даже сам факт, что они не поняли, потому что это показывает их невежество. Насмехаясь, они делают вид, что они все понимают. Вы просто глупец, произнося вещи, которые противоречат традиции, противоречат ортодоксальному, общепринятому. Вы просто глупец, говоря людям вещи, которые нарушают их удобную жизнь... Что это — удобная жизнь или удобная смерть? То, что нарушают люди, подобные Заратустре — сон это, или это ваша смерть? — Ибо сон есть смерть в миниатюре. Человек истины хочет не только того, чтобы сон ваш был потревожен, но чтобы вы были потревожены в вашей смерти. Только тревога может вас разбудить.

Но люди любят удобство. Какая разница, истина или ложь? Очень немногие люди заинтересованы познать истину ценой потери прежнего комфорта. И нельзя их осуждать, потому что они не знают, что комфорт не является счастьем, что удобство — не экстаз, что как-нибудь влачить существование от колыбели до могилы — не жизнь.

Найдя пищу у старика, живущего у дороги, и утолив свой голод, Заратустра очутился в дремучем лесу и, наконец, уснул, сняв с себя своего мертвого попутчика. Через несколько часов он проснулся...

И так говорил он в сердце своем:

«Свет истины озарил меня: мне нужны попутчики, и притом живые, а не мертвые — не мертвецы, которых несу я, куда хочу.

В живых попутчиках нуждаюсь я, в тех, что пойдут за мной, ибо хотят они следовать себе; потому и пойдут они за мной туда, куда хочу я.

Свет истины озарил меня: не к народу должен обращаться я, но к попутчикам!»

Вчера вечером я говорил вам, что Заратустра очень близок моему сердцу по той простой причине, что его опыт в точности совпадает с моим. Мне тоже не нужны никакие последователи; мне не нужны никакие верующие, мне не нужна толпа. Я отбросил идею заботы о человечестве — они не собираются слушать. Это безнадежная задача. И терять время с теми, кто даже не может понять - это глупо, потому что это же время можно отдать тем немногим, что могут стать попутчиками, что могут стать товарищами.

Почему он думает, что ему нужны попутчики — не верующие, но друзья, притом живые? Потому, что мир полон мертвецов. Большинство людей умирает задолго до своей фактической смерти. Люди умирают в районе тридцати лет, хотя фактически они могут умереть около восьмидесяти. Пятьдесят лет они кажутся живыми, но в них нет жизни, в них нет песни, нет танца. Они не знают, зачем живут.

Кто они? — Они никогда не задаются этим вопросом. Зачем они здесь, откуда они пришли, куда они идут — они скажут вам: «Не задавайте этих вопросов, ведь они нарушают наш покой. И какая разница, откуда мы пришли и куда идем?» Их не заботят поиски смысла жизни, смысла собственного существования. Их не интересуют ни собственные корни, ни собственные цветы.

У хиппи есть одна очень важная поговорка: никогда не верь человеку старше тридцати, потому что большинство людей в тридцать лет умирают. В этом есть доля истины. Очень редко найдешь человека, который жив до времени своей фактической смерти. Это возможно лишь, если вы все время растете, если вы все время в поисках, если вы постоянно любите, если вы поете, танцуете; если вы никогда не теряете интерес, если существование всегда любопытно вам и вы смотрите глазами невинного ребенка, настолько любопытными, что все вокруг для вас —

тайна. Тогда вы проживете до самого конца жизни; и вы не просто проживете до самого конца этой жизни — такой человек не знает смерти.

Смерть приходит только к мертвецам.

Если человек жил, был полон сока, юн, его последний вздох — лишь смерть тела. Его сознание, которое было таким живым, продолжает танцевать в другой форме, на более высоком уровне, он не знает смерти; смерть для него - освобождение из тюрьмы. Он был заточен в тесное тело, которое болело и старело, а теперь он свободен от него и двигается в новое, свежее тело. И если эта жизнь достигает своего наивысшего выражения, он больше никогда не будет заключен в теле, он станет частью вселенской жизни - бесформенной, бесконечной и вечной. Это наш настоящий дом: вечное бессмертие, вселенское существование.

Но миллионы людей заботятся лишь об обыденном. Таких большинство, подавляющее большинство; и это большинство помогает им оставаться мертвыми, поскольку они видят, что все такие же. Именно по этой причине им не нравятся чужеземцы, им не нравятся чужаки, подобные Заратустре. Они выделяются из толпы. Они вызывают подозрение. Они заставляют вас усомниться в собственной жизни, относительно вашего поведения, в том, что вы делаете. Но большинство делает то же самое; это мощная поддержка: то, что вы делаете, должно быть правильно, потому что, то же самое делает весь мир.

Но вся эволюция, которая произошла — она не так велика, и если произошла какая-то эволюция сознания, то честь этого принадлежит немногим странникам, подобным Заратустре, нескольким чужакам, рискнувшим подвергнуть свою жизнь ненависти, презрению, непониманию, осмеянию. Именно эти люди являются солью земли — без них человечество могло бы остаться частью животного царства. Небольшая разница, отличающая вас от животных — заслуга этих чужаков, которых вы щедро наградили, распиная их, забивая камнями, отравляя...

.. мне нужны попутчики, и притом живые, а не мертвые — не мертвецы, которых несу я, куда хочу.

Кто такие верующие? Они могут верить одной религии или другой, — они не попутчики. Действительно, христианин скажет, что это кощунство — чувствовать себя другом Иисуса. Иисус — Бог; а они — ничтожные люди. Индуист не способен считать себя товарищем Кришны или Рамы. Он может им молиться, но он не может с ними танцевать.

Почему Заратустра заботится о попутчиках? Потому что ни один человек его масштаба, его уровня сознания не захочет унизить вас до слепых последователей, слепых поклонников — это просто отвратительно. Ему нужны друзья, попутчики в поисках истины.

В живых попутчиках нуждаюсь я, в тех, что пойдут за мной... они последуют за мной не потому, что следование даст им истину *...пойдут за мной, ибо они хотят следовать себе.* Это очень важные слова: они не слепо идут за мной, они следуют с ясным пониманием, что это — путь следовать себе.

Вот вы здесь. Здесь нет последователей, все — попутчики. Вы вместе не потому, что верите в определенную теологию, религию, философию, но потому, что все вы заинтересованы в поисках истины. Это единственное звено, связующее вас; в остальном все вы индивидуальны.

Нет никакого контракта, нет никакого спасителя; все находятся в поиске, и вместе искать легче. Все становится проще. Возможно, кто-то что-то нашел, и он может поделиться этим со всеми, а кто-то может найти что-то другое... а в существовании столько сокровищ, что все вы можете найти сокровища и поделиться ими друг с другом - вот что такое товарищество.

Все религии стали зависеть от верующих. Заратустра дает новое озарение: верующие опасны. Они — не искатели, поиск их не интересует; они просто верят в кого-то, кто притворяется спасителем. *Он* найдет истину; они только должны верить в него. Истину так не ищут. Каждый должен искать сам.

Да, искатели могут объединиться, но это объединение чисто дружеское. Никто не старается переделать вас в соответствии с определенными идеалами. Вас принимают таким, какой вы есть, вас любят таким, какой вы есть; все товарищи поддерживают вас своей дружбой, своей нежностью. Все вы прибавляете друг другу мужества. В одиночку вы можете потерять решимость, потому что поиск идет в области неведомого, а в конце поиски приводят в область непознаваемого. Хорошо, если есть товарищи. Будут темные ночи.

Мне вспомнилась очень известная персидская песня, в которой есть такие строки: «Ночь темна, пой погромче, танцуй чуть-чуть безумнее; неизвестно, когда придет рассвет». Но когда вас так много, вы можете помочь своей силой даже тому, кто слабее. Вы можете петь громче и танцевать неистовее, ибо кто знает, сколько продлится темная ночь? Кто знает, когда придет рассвет?

Тех, кто захочет пойти туда, куда хочу я. Это не следование. Заратустра говорит: «Я искатель истины, и я хочу найти товарищей, которые тоже хотят искать, дерзать». У суфиев есть небольшая секта, их называют «Искатели»: это ее название. Все они — попутчики. Ибо в этом неизвестном мире, в этом таинственном существовании лучше иметь попутчиков. Вы можете потеряться, но товарищам, быть может, удастся разыскать вас.

Свет истины озарил меня: не к народу должен обращаться Заратустра — он бросил надежду преобразить человечество — но к попутчикам.

Двадцать пять веков спустя, я пришел к такому же заключению: что я буду говорить только с саньясинами — так я называю попутчиков, — что я не буду обращаться к народу. Это напрасная трата времени. Время драгоценно и очень ограничено, и я предпочитаю посвятить всю свою энергию тем, кто готов отправиться в поиск; кто собрался не для того, чтобы посмотреть на канатного плясуна, кто собрался не для развлечения.

Один мой друг видел Кришнамурти всего за три дня до смерти. Он рассказывал мне, что Кришнамурти был очень печален и говорил только одно: «Я трудился изо всех сил, чтобы добраться до людей, но вместо того, чтобы преобразить их, я просто растратил свою энергию, подобно реке, потерявшей в пустыне. Люди, которые слушали меня, сочли, что это не более чем занятное развлечение. Само слово *развлечение* причиняет мне боль — вся моя жизнь была клоунадой».

И, кажется, так оно и было. Он умер, но на всей земле совершенно ничего не изменилось. Человек, прожил девяносто лет и служил человечеству с двадцатипятилетнего возраста — а кажется, что он мертв уже многие века. Никто о нем не думает, никого не заботит, что он заслуживает, по крайней мере, немного уважения. Он был одним из величайших гигантов этого столетия, но в комитете по Нобелевским премиям никогда не обсуждалось его имя — потому что он не был политиком.

В начале он тоже пытался достучаться до людей. Но ему противостояли церкви, религии, его осудили все священники; мало-помалу он отбросил идею о человечестве.

У него было несколько человек в разных городах мира. В Индии он обычно посещал только Нью-Дели, Бомбей, Варанаси и Долину Риши, где была одна из его школ — всего четыре места; и столько же было во всем мире. В этих местах практически одни и те же люди слушали его тридцать, сорок, пятьдесят лет... Все-таки это очень печально, что люди, непрерывно слушавшие его пятьдесят лет, ничуть не изменились. Ему не удалось найти попутчиков. Он сделал все, что мог. Но человечество становится все более и более непробиваемым, все более и более сонным, одурманенным наркотиками, мертвым. Людей становится все труднее разбудить.

Заратустра не станет пастухом и собакой для стада! Уже за пять веков до Иисуса Христа у Заратустры было гораздо более истинное прозрение. Иисус постоянно говорил: «Я пастырь, а все вы — мои овцы». Это унижительно. Это не очень-то достойно уст Иисуса, но он все время

повторяет это.

Он сбежал из Иудеи. Никакого воскресения не было, поскольку он вообще не умирал. Иудейское распятие — самая мучительная казнь, потому что человек умирает очень медленно, капля за каплей. Здоровый человек, по меньшей мере, сорок восемь часов провисит на кресте, прежде чем умрет. А Иисусу было всего тридцать три года — он был здоров и молод; и через шесть часов его тело должны были снять.

Существовал сговор между одним богатым последователем Христа и римским прокуратором, Понтием Пилатом: Иисуса должны были распять в пятницу — и сделать это как можно позже, потому что на закате евреи прекращают все работы. Начинается шаббат, их священный день, и когда он начался, больше ничего нельзя делать. Поэтому они медлили. Они старались выиграть время. Его распяли в полдень, а к вечеру его должны были снять, потому что теперь его нельзя было распять вновь.

Он был жив, хотя и впал в кому, поскольку потерял очень много крови. Римский солдат охранял могилу, и все было устроено так, чтобы забрать его оттуда. Ему нужно было несколько дней для лечения — но его необходимо было вывезти из Иудеи, чтобы он стал недосягаем для иудейских властей.

В молодости он был в Индии. В буддийском монастыре в Ладакхе есть записи, что он посетил Ладакх и пробыл в монастыре несколько месяцев, постигая буддизм. Когда ему пришлось покинуть Иудею, он снова подумал о Кашмире. До ста двадцати лет он жил в Кашмире, в небольшой деревушке. Я вспомнил об этом потому, что деревня до сих пор называется «пастушьей деревней»: Пахалгам — это кашмирский перевод названия «деревня пастуха». Его могила до сих пор там, с еврейскими надписями. На могиле написано не «Иисус», а «Иешуа» — это его настоящее имя, данное ему родителями. Иешуа — еврейское имя. Оно превратилось в имя «Иисус», когда Евангелия были переведены на греческий.

Греки подарили вам две вещи: они превратили имя Иешуа в «Иисус» и еще поменяли — им пришлось изменить... когда вы переводите с одного языка на другой, изменения неизбежны — они поменяли слово «мессия» на слово «Христос». Сам Иисус Христос и не ведал, что весь мир будет знать его как Иисуса Христа. Он знал, что имя его Иешуа и он — Божий посланник, мессия. «Христос» — греческое слово, обозначающее мессию.

Иисус никогда не считал себя христианином. Он не мог так считать. Он не знал даже иврита — он был необразован. Он говорил по-арамейски — это примитивная форма иврита, которой пользуются деревенские жители.

Никто из его последователей никогда не говорил ему: «Разве это правильно, что ты называешь себя пастырем и превращаешь нас из людей в овец?» Однако в некотором смысле он был прав: толпа людей — не что иное, как стадо овец.

Лев живет один. У Кабира есть такие слова: «Львы и святые никогда не ходят стадом. Они самодостаточны».

Только бараны — полные страха, боящиеся одиночества - живут стадом, ходят стадом. Вы когда-нибудь видели, как идет стадо баранов? Между двумя баранами не остается никакого пространства, они трутся друг о друга. Так тепло и уютно, и это дает им некоторую защиту. Каждый баран думает: «Я не один. Со мной тысячи других».

За пятьсот лет до Иисуса Заратустра говорит: *Заратустра не станет пастухом и собакой для стада!* Он хочет быть только товарищем, другом. *Сманить многих из стада — вот для чего пришел я.* Он и пришел с гор для того, чтобы сманить многих из стада, из людской толпы — *вот для чего пришел я.* *Негодовать будут на меня народ и стадо* — а как же! Я знаю это по своему опыту. Весь мир зол на меня, и в их гнев есть некоторая логика. Я забрал несколько смелых людей из их стада, из их паствы.

Немецкое правительство негодует больше всех. Их парламент даже обсуждал этот вопрос: стоит немецкому юноше или девушке поехать к этому опасному человеку, как с ними что-то происходит — они возвращаются совершенно другими. «Во-первых, многие из них вообще не возвращаются. А во-вторых, если они возвращаются, они больше не принадлежат *нашему* обществу. Они перестают быть христианами, они перестают быть немцами».

Негодовать будут на меня народ и стадо: разбойником станут звать пастухи Заратустры. Он абсолютно прав. Всего несколько дней назад мне сообщили, что американское правительство, в конце концов, согласилось поместить мое имя в список преступников, разыскиваемых Интерполом — международной полицией. Теперь я один из тех, кто в розыске.

Я не прячусь — это сделано просто для того, чтобы восстановить против меня все правительства. Я не совершил никакого преступления, но любое правительство, увидев мое имя среди «преступников в розыске» — а это международные преступники — немедленно остановит меня, если я когда-либо захочу приехать в их страну. Интерпол ничего не может сделать — потому что я ничего не сделал. Но мое имя в списке поможет американскому правительству убедить другие правительства: этот человек — международный преступник.

Если помогать людям, превращаться из овец во львов — преступление, то я преступник. Если помочь людям стать просто людьми — не христианами, не иудеями, не индустрами — преступление, то я международный преступник. И все религии согласятся, потому что никто не хочет, чтобы забирали овец из их паствы. Я разбойник.

Ни одна страна не хочет, чтобы национальностью пренебрегали. Я против национальности, ибо это одно из наихудших бедствий в мире. Я хочу мира без наций. Национальность — не нечто похвальное; это причина всех войн, всех кровопролитий. Естественно, все нации согласятся, что я — международный преступник.

Прозрение Заратустры поразительно: *Я сказал «пастухи», они же зовут себя добрыми и праведными. Пастухами назвал я их, они же зовут себя верующими в истинную веру.*

Взгляните же на этих добрых и праведных! Кого больше всех ненавидят они? Разбивающего скрижали их ценностей, разрушающего и преступающего, но он и есть создающий...

Британский парламент решил, что я не могу вступить на территорию Англии, потому что не верю ни в какие законы. Американское правительство сообщило всем другим, что я — разрушитель законов.

Но эти законы — причина того, что тысячи людей сидят за решеткой. Их следовало бы поместить в больницы, в психиатрические клиники; им нужно лечение, им нужна любовь, ласка. Именно общество несет ответственность за то, что оно сделало их убийцами, насильниками или ворами — но никто не наказывает общество. Наказаны жертвы. Разве человек стал бы насильником, если бы общество не было так одержимо сексом и его подавлением?

Именно религии и общество выступают против секса, и они же являются причиной всевозможных извращений. Насильник — одно из извращений. Этому человеку нужна помощь психиатра, а не наказание тюрьмой, поскольку в тюрьме он станет еще более извращенным.

Америка как раз признала, что тридцать процентов заключенных в тюрьмах — гомосексуалисты; а когда правительство что-то признает — умножай на три. Если они говорят «тридцать процентов», это значит все девяносто. Не меньше. И они настаивают, что в тюрьмах не должно быть гомосексуализма; в противном случае режим должен быть более строгим. А заключенные протестуют: «Это не ваше дело».

Если два человека желают общения, а вы не допускаете в мужские камеры женщин... У женщин своя тюрьма, у мужчин — своя. Дайте мужчинам и женщинам сидеть в одной тюрьме, и гомосексуализм исчезнет. Но чтобы заставить людей... а однажды они выйдут из тюрьмы; после

десяти лет подавления сексуальности они выйдут из-под контроля. Они будут насиловать — и тогда закон вновь бросит их в тюрьму. А именно тюрьма создала насильника. Это порочный круг.

Вы думаете, это преступники делают закон необходимым? Или закону нужны преступники; а иначе все тюрьмы, все адвокаты, все прокуроры останутся без работы? Они нужны друг другу. Дело налажено отлично. Преступники нужны судьям, чтобы те были судьями; знаменитым адвокатам, знатокам законов, чтобы те получали большие деньги; преступники нужны, чтобы содержать тюремщиков и огромный штат управляющих заключенными.

Этот порочный круг нужно разорвать; нужно устранить причину. А если, тем не менее, кого-то застали на месте преступления, для которого нет уважительной причины, нет никакой необходимости отдавать его под суд. Он нуждается в психиатрическом лечении. Что-то не так — либо в его химии, либо в его биологии, либо в уме — это можно вылечить.

Возможно, у насильника больше сексуальных гормонов, чем у обычных людей; это предположение психологов. Все, что нужно — это удалить избыточные гормоны или ввести антитела, которые могут аннулировать лишние гормоны в его теле. Когда он совершает насилие, он делает это почти вынужденно; он не может устоять, он не управляет собой.

Да, я не слепой приверженец закона. Законы были установлены в прошлом. Мы должны жить в настоящем. И нам придется жить в будущем. И есть такое количество глупых законов, которые заставляют людей совершать преступления.

В Индии есть определенные ограничения. Если вы получаете прибыль, которая превышает ограничение, вы должны платить стопроцентный налог. Так зачем же вам много работать, чтобы получить прибыль, сто процентов которой уйдет правительству как налог? Если у вас есть способности получать такие прибыли, естественно, вы не будете записывать их в свои книги. Именно правительство толкает человека на преступление. Не может быть никакого основания для стопроцентного налога. На самом деле, правительство должно бы награждать человека, который получает такую большую прибыль, вместо того, чтобы наказывать его.

Моя логика очень ясна. Если человек получает определенное количество прибыли, ему нужно дать стопроцентную премию. Это станет стимулом для других людей. В бедной стране нужны большие прибыли, нужна высокая производительность.

И это не только законы. Есть обычаи общества, которые действуют почти как законы. Вы не можете пойти против этих обычаев. Даже сегодня в индийском обществе самой низкой и бедной касте, *шудрам*, неприкасаемым, не позволяется читать религиозные писания. Это расценивается как нарушение обычных законов общества. Странно: вы хотите, чтобы люди были религиозными, вы хотите, чтобы люди были честными, искренними, правдивыми, нравственными, но вы не разрешаете им даже читать писания.

А если какие-нибудь шудры восстанут против этого, их деревню полностью сжигают, вместе с живыми людьми. Даже в настоящее время почти каждые два дня появляются сообщения из разных частей страны, что деревню шудр сожгли. Это нетрудно, потому что шудры не могут жить в городе. Они должны жить вне города, и они так бедны, что не могут позволить себе домов из железобетона. Их дома сделаны из соломы. Достаточно, чтобы один человек с горящим факелом пробежал по деревне, поджигая каждый дом, и с целой деревней покончено.

Законы, препятствующие человеческой эволюции, законы, которые бесчеловечны, законы, которые делают общество бедным, законы, направленные против научных исследований, следует отбросить. Ибо Заратустра прав: только *эти* разрушители законов и есть созидатели. Только они жертвуют собой ради того, чтобы человечество стало чуть-чуть лучше.

Последователей ищет созидающий, а не людей толпы, не мертвецов, не верующих. Тех, кто станет созидать вместе с ним, ищет он: тех, кто напишет новые ценности на новых

скрижالياх.

Последователей ищет созидающий и тех, кто соберет жатву вместе с ним, ибо все у него созрело для жатвы. Недостает только сотни серпов: потому вырывает он колосья и гневается.

Последователей ищет созидающий, таких, которые умеют точить серпы свои. Разрушителями назовут их и презирающими добро и зло. Но это — жнецы и празднующие на пиру.

Совершенно невероятно, что двадцать пять столетий назад озарение такой невероятной ценности открылось человеку.

Толпа, народ осудит всех бунтовщиков, любой непокорный дух, как разрушителей. Но для того, чтобы созидать, приходится разрушать. Пока вы не уничтожите фальшивое, вы не сможете создать реальное. Пока вы не уничтожите уродливое, вы не можете создать прекрасное. Пока вы не уничтожите ложь, вы не освободите место для истины. Созидателей всегда называли *разрушителями и презирающими добро и зло*. А кто решает, что есть добро и что есть зло? А кто имеет право решать это? В различных обществах добром считается разное; и разное считается злом.

Я много ездил по Индии. Я выступал против многих странных обычаев. В Раджастане есть племя кочевников; это предки, изначальное племя, от которого в Европе произошли цыгане. Цыгане вышли из Раджастана. Они до сих пор говорят на хинди — конечно, с некоторыми искажениями. Они были названы цыганами (англ. gypsy), потому что сначала они ушли в Египет и жили в Египте, а из Египта пришли в Европу. Они стали «gypsies», цыганами, из-за слова «Египет». Но в настоящее время хорошо известно, что их язык — это раджастанское хинди, и у них есть истории о Раме и Кришне. Их родина — Раджастан, и в Раджастане до сих пор существуют эти кочевники.

У них бытует странное представление: когда молодой человек собирается жениться, он должен представить сведения о том, сколько раз он сидел в тюрьме за воровство - это определяет его ценность. Если юноша не вор и не сидел в тюрьме, ему очень трудно найти жену. Кто отдаст свою дочь такому лоботрясу?

В моем родном городе у меня был друг, Марвади. Они тоже были родом из Раджастана, они были самыми богатыми в Индии людьми. Я бывал в его доме, и когда ему пришло время жениться, я стал свидетелем странного обычая. Юноша из семьи Марвади получал самую прекрасную жену согласно определенному правилу: сколько раз его семья была банкротом. Марвади были очень умны — поэтому, когда у них было достаточно денег и высокий престиж, они просто объявляли себя банкротами.

Конечно, они не могли больше оставаться в этом месте. Они переезжали в другой конец страны. И у них были деньги, в действительности они вовсе не были банкротами. Каждое банкротство означает огромные деньги... Так что родители невесты интересовались: «Сколько раз ваша семья была банкротом?» — и это был критерий, определяющий, достаточно ли вы богаты.

Что есть добро и что есть зло?

Что касается обычаев мира, все они выросли из бессознательности человеческого ума. Есть только один реальный критерий добра и зла — и он возможен лишь тогда, когда вы полностью сознательны: только полностью пробужденный и просветленный человек знает, что хорошо и что плохо. И откуда он знает это? Просветленный человек *не может* сделать ничего плохого; для него это просто невозможно. Потому, то, что не может сделать просветленный — это плохо, а то, что он делает с радостью — хорошо. За исключением этого, все остальные критерии произвольны.

Человечество узнает, что хорошо и что плохо, лишь тогда, когда миллионы людей проснутся. В своем глубоком сне и бессознательности вы не можете решать, что хорошо и что плохо; вы просто придерживаетесь старого наследия. Но, по мнению Заратустры, эти люди, которые будут презираемы, которые будут ненавидимы, которых назовут разрушителями, в действительности — жнецы и празднующие на пиру.

Не стану я ни пастухом, ни могильщиком. И никогда уже не обращусь к народу: в последний раз взывал я к мертвому.

С созидающими, собирающими жатву и празднующими хочу соединиться я: покажу им радугу и все ступени, ведущие к Сверхчеловеку.

Так начался закат Заратустры.

Мое определение религии — не отречение от мира, но празднование в мире. Мир — это возможность для радости. Только идиоты, трусы отрекаются от него. Тот, кто разумен, кто достаточно смел, наслаждается в нем. Радость должна быть основанием любой истинной религии — не отречение, но празднование.

Заратустра — жизнеутверждающий мистик. Наслаждайтесь жизнью. Выжимайте из каждого мгновения все, что возможно, потому что это — дар Бога, дар существования, и отвергнуть его — значит просто пойти против существования, против Бога.

В мире *есть* трудности, но эти трудности возникают из-за того, что вы недостаточно разумны, чтобы разрешить их. Но, убегая от мира, вы не станете разумными; вы станете еще более отсталыми.

Подлинная религия будет делать людей более разумными, более сознательными, более радостными. Жизнь, отданная песне и танцу — единственно религиозная жизнь.

... Так говорил Заратустра.

О трех превращениях

29 марта 1987 года.

Возлюбленный Ошо,
О ТРЕХ ПРЕВРАЩЕНИЯХ

Я говорю вам о трех превращениях духа: о том, как дух стал верблюдом, верблюд — львом и, наконец, лев — ребенком.

Много трудного существует для духа, для духа сильного и выносливого, способного к почитанию: всего самого трудного и тяжелого жаждет сила его.

«Что такое тяжесть?» — вопрошает выносливый дух, становится как верблюд на колени и хочет, чтобы его хорошенько навьючили.

«Герои, в чем наибольшая тяжесть? — вопрошает выносливый дух. — В том, чтобы я мог взять все это на себя и возрадовался силе своей».

Не означает ли это: унизиться, чтобы причинить боль высокомерию своему?

Или это значит: расстаться с нашим делом, когда празднует оно победу? Или подняться на высокую гору, чтобы искушить искусителя?..

Или это значит: любить тех, кто нас презирает, и протянуть руку призраку, который стремится запугать нас?

Все это, все самое трудное берет на себя выносливый дух: подобно навьюченному тяжелой поклажей верблюду, спешащему в пустыню, торопится в свою пустыню и он.

Но там, в безлюдной пустыне, свершается второе превращение: там львом становится дух, добыть себе свободу желает он и сделаться господином пустыни своей.

Там ищет он своего последнего владыку: врагом хочет он стать ему, последнему господину и Господу своему, до победного конца хочет бороться с великим драконом.

Кто же он, великий дракон, которого дух отныне не хочет признавать господином и владыкой? Имя того дракона — «Ты должен». Но дух льва говорит: «Я хочу».

Зверь «Ты должен» лежит, на пути его, переливаясь золотой чешуей, и на каждой чешуйке блестит золотом «Ты должен!»

Блеск тысячелетних ценностей на чешуе этой, и так говорит величайший из драконов: «Ценности всех вещей переливаются на мне блеском своим».

«Созданы уже все ценности, и все они — это я. Поистине, не должно больше быть «Я хочу!» — так говорит дракон.

Братья мои, зачем нужен лев в человеческом духе? Почему бы не довольствоваться вьючным животным, покорным и почтительным?

Создавать новые ценности — этого не может еще и лев: но создать свободу для нового творчества может сила его.

Завоевать свободу и поставить священное «Нет» выше долга: вот для чего нужен лев, братья мои. Завоевать себе право создавать новые ценности — вот чего больше всего боится выносливый и почтительный дух...

«Ты должен» некогда было для него высшей святыней, и он любил ее; теперь же ему должно увидеть в ней заблуждение и произвол, чтобы смог он отвоевать себе свободу от любви своей: вот для чего нужен лев.

Но скажите мне, братья мои, что может сделать ребенок такого, что не удастся и льву? Зачем хищному зверю становится еще и ребенком?

Дитя — это невинность и забвение, новое начинание и игра, колесо, катящееся само собою, первое движение, священное «Да».

Ибо священное «Да» необходимо для игры созидания, братья мои: своей воли желает теперь человеческий дух, свой мир обретает потерянный для мира.

Я назвал вам три превращения духа: сначала дух стал верблюдом, потом сделался львом, и, наконец, лев стал ребенком.

...Так говорил Заратустра.

Заратустра разделяет эволюцию сознания на три символа: верблюда, льва и ребенка. Верблюд — вьючное животное, он готов к порабощению, он никогда не бунтует. Он даже не может сказать «нет». Он — верующий, последователь, верный раб. Это самый низкий уровень человеческого сознания.

Лев — это революция.

Начало этой революции — священное «нет».

В сознании верблюда есть постоянная потребность, чтобы кто-то вел его и говорил ему: «Ты должен делать так». Ему нужны десять заповедей. Ему необходимы все религии, все священники и все эти священные писания, потому что он не может доверять себе. У него нет ни смелости, ни духа, ни жажды свободы. Он послушен.

Лев — это жажда свободы, желание уничтожить все тюрьмы. У льва нет потребности, ни в каких вождях; он самодостаточен. Он никому не позволит сказать себе: «Ты должен», — это оскорбляет его гордость. Он может сказать только «Я хочу». Лев — это ответственность и мощный порыв к освобождению от всех цепей.

Но даже лев — не самый высокий пик человеческого роста. Высочайший пик — когда со львом также происходит метаморфоза, и он становится ребенком. Ребенок — это невинность. Это не послушание и не непослушание; это не вера и не неверие — это чистое доверие, это священное «да» существованию и жизни со всем тем, что она включает.

Ребенок — это самая вершина чистоты, искренности, подлинности, восприимчивости и открытости для существования. Эти символы очень красивы.

Мы будем вникать в скрытый смысл этих символов так, как Заратустра описывает их — один за другим.

Я говорю вам о трех превращениях духа: о том, как дух стал верблюдом, верблюд — львом и, наконец, лев — ребенком.

Много трудного существует для духа, для духа сильного и выносливого, способного к почитанию: всего самого трудного и тяжелого жаждет сила его.

Заратустра не благоволит слабым, не поощряет так называемых смиренных. Он не согласен с Иисусом в том, что «блаженны кроткие», что «блаженны смиренные», что «блаженны нищие духом, ибо они унаследуют царство Божие». Он полностью за сильный дух. Он против эго, но не против гордости. Гордость — это достоинство человека. Эго — ложная сущность, и не следует считать их синонимами.

Эго — это нечто лишаящее вас вашего достоинства, лишаящее вас вашей гордости, поскольку эго должно зависеть от других, от чужого мнения, от того, что говорят люди. Эго очень хрупко. Людское мнение может измениться, и эго растает в воздухе.

Мне вспомнился великий мыслитель, Вольтер. Во времена Вольтера во Франции был обычай — очень старая традиция: что если вам удастся что-то получить от гения — хотя бы лоскуток одежды — это поможет вам обнаружить свои собственные таланты, если не сделает вас гением.

Вольтер был настолько прославлен и уважаем как великий мыслитель и философ, что даже для утренней прогулки ему требовалась защита полиции. И когда он отправлялся, например, на

вокзал, ему тоже нужна была охрана. Защита полиции была необходима потому, что вокруг собиралась толпа, и люди начинали рвать его одежду. Бывали случаи, когда он приходил домой почти раздетый, весь исцарапанный, окровавленный; слава и известность приносили ему очень большие неприятности.

Он писал в дневнике: «Я всегда думал, что быть знаменитым — великое счастье. Теперь я знаю, что это бедствие. И я снова хочу как-нибудь стать заурядным человеком, безымянным; чтобы никто не узнавал меня, чтобы я мог спокойно ходить, и никто не обращал бы на меня никакого внимания. Я устал быть знаменитым, известным. Я стал узником в своем собственном доме. Небо полно красок и закат так красив, а я даже не могу пойти прогуляться. Я боюсь толпы».

Та же самая толпа сделала его великим человеком. Спустя десять лет в своем дневнике в глубокой депрессии и печали он замечает: «Я не предполагал, что мои молитвы будут услышаны». мода проходит, людское мнение меняется. Сегодня кто-то знаменит, а завтра никто о нем не помнит. Сегодня о тебе никто не знает, а завтра тебя внезапно возносят на вершины славы. Это случилось и с Вольтером. Постепенно на горизонте появились новые мыслители, новые философы; в частности, место Вольтера занял Руссо; и люди забыли Вольтера. Человеческая память не слишком долговечна.

Мнения меняются точно так же, как мода. Когда-то он был в моде, а теперь в моду вошел кто-то другой. Руссо был в корне противоположен Вольтеру; его слава совершенно уничтожила Вольтера. Молитва Вольтера была исполнена: он стал неизвестным. Охрана больше не требовалась. Теперь никто не удосуживался сказать ему даже «здравствуйте». Люди его совершенно забыли.

Только тогда он понял, что лучше быть пленником. «Теперь я свободен идти куда захочу, но это причиняет мне боль. Рана становится все глубже и глубже — я жив, но кажется, люди сочли, что Вольтер умер».

Когда он умер, в могилу его провожали всего три с половиной человека. Вы удивитесь: почему три с половиной? Потому что трое были людьми, а его собаку можно посчитать только половиной. Эта собака возглавляла процессию.

Это — продукт мнения людей. Они дают его вам; они же отнимают его. Гордость — совершенно другое явление. У льва есть гордость. У лесного оленя — только посмотрите - есть гордость, достоинство, изящество. Танцующий павлин или орел, парящий высоко в небе — у них нет эго, они не зависят от вашего мнения, они просто исполнены достоинства сами по себе. Их достоинство рождается из их собственного существа. Это нужно понять, потому что все религии учили людей не иметь гордости — быть смиренными. Они наполнили весь мир заблуждением, что быть гордым и быть эгоистом — одно и то же.

Заратустра абсолютно ясно дает понять, что он за сильного, за смелого и отважного, который идет нехоженым путем в неведомое без всякого страха; он благоволил бесстрашным.

И это чудо: что гордый человек — и только гордый человек — может стать ребенком.

Так называемая христианская кротость — просто эго, которое стоит на голове. Это перевернулось вверх ногами, но оно есть, и вы можете посмотреть на своих святых — они эгоистичнее обычных людей. Они эгоистичны из-за своего благочестия, из-за своего аскетизма, духовности, святости и даже из-за своей кротости. Нет никого смиреннее их. Это очень тонкими путями пробирается через заднюю дверь. Вы можете вышвырнуть его через парадное — оно знает, что есть еще и черный ход.

Я слышал, что однажды в кабаке один парень выпил слишком много и устроил большой шум — он швырял стулья, дрался, кричал, оскорблял посетителей и требовал еще и еще вина.

Наконец, хозяин сказал ему:

— Ну хватит. Сегодня ты больше ничего не получишь, - и распорядился, чтобы швейцар вышвырнул его через парадный вход.

Хотя парень был вдребезги пьян, даже в таком состоянии он помнил, что там была задняя дверь. Нащупав в темноте вход, он пробрался обратно в кабак и заказал выпивку.

Хозяин сказал:

— Опять? Я сказал тебе, что сегодня ты больше ничего не получишь!

Этот человек сказал:

— Что-то я не пойму: ты что, хозяин всех кабаков в этом городе?

Эго знает не только заднюю дверь — оно может проникнуть и через окно. Оно может войти даже через небольшую щелочку в крыше. Вы очень уязвимы, когда речь идет об эго.

Заратустра — не учитель кротости, потому что все учения о смирении провалились. Он учит достоинству. Он учит гордости, и он учит силе, а не слабости, нищете духа и кротости. Эти учения помогали держать человечество в стадии верблюда. Заратустра хочет, чтобы с вами произошло превращение. Верблюд должен превратиться во льва, и он выбрал прекрасный символы, очень емкие и значительные.

Верблюд, наверное, самое безобразное животное во всем существовании. Вы не можете улучшить его безобразие. Что вы можете сделать? Это уродство. Кажется, что он пришел напрямиком из ада.

Выбор верблюда в качестве символа самого низкого сознания совершенно правилен. Низжайшее сознание человека искалечено, оно хочет порабощения. Оно боится свободы, потому что боится ответственности. Оно готово к тому, чтобы его нагрузили как можно более тяжелой ношей. Оно радуется тяжелой поклаже; точно также радуется и низкое сознание — когда его нагружают знаниями, которые заимствованы. Ни один человек с чувством собственного достоинства не позволит нагрузить себя заимствованными знаниями. Оно нагружено моралью, которую мертвое передало живому; это господство мертвого над живым. Ни один человек с достоинством не позволит мертвому управлять собой.

Человек с самым низким уровнем сознательности остается невежественным, бессознательным, неосознающим, он крепко спит — потому что ему все время дают яд поверий, слепой несомневающейся веры, которая никогда не говорит «нет». А человек, который не может сказать «нет», потерял свое достоинство. Человек, который не может сказать «нет»... его «да» ничего не значит. Улавливаете смысл? «Да» значительно, только после того, как вы научились говорить «нет». Если вы неспособны сказать «нет», ваше «да» бессильно, оно ничего не значит.

Поэтому верблюд должен превратиться в прекрасного льва, готового умереть, но не встать на колени. Вы не сможете сделать из льва вьючное животное. У льва есть достоинство, которым не может похвалиться ни одно другое животное: у него нет сокровищ, нет царств; его достоинство в стиле его жизни — безбоязненности, бесстрашии перед неизвестным, готовности сказать «нет» даже с риском умереть.

Эта готовность сказать «нет», это бунтарство полностью очищает его от пыли, оставленной верблюдом — от всех следов и отпечатков верблюда.

И только после льва — после великого «нет» — возможно священное «да» ребенка.

Ребенок говорит «да» не потому, что боится. Он говорит «да» потому, что он любит, потому что он доверяет. Он говорит «да» потому, что он невинен; он не может предположить, что его обманут. Его «да» — это абсолютное доверие. Оно исходит не из страха, но из глубокой невинности. Только это «да» может вести его к предельной вершине сознательности — тому, что я называю божественным.

Много трудного существует для духа, для духа сильного и выносливого, способного к почитанию: всего самого трудного и тяжелого жаждет сила его.

«Что такое тяжесть?» — вопрошает выносливый дух, становится как верблюд на колени и хочет, чтобы его хорошенько навьючили. Верблюду, самому низкому виду сознания, присуще желание встать на колени, и чтобы его как можно тяжелее навьючили.

«Герои, в чем наибольшая тяжесть? — вопрошает выносливый дух. — В том, чтобы я мог взять все это на себя и возрадовался силе своей». Но для сильного человека, для льва внутри вас, наибольшая тяжесть принимает совершенно другое значение и другое измерение — она в том, чтобы я мог взять все это на себя и возрадовался силе своей. Его единственная радость — в его силе. Радость верблюда - только в том, чтобы быть послушным, служить, быть рабом.

Не означает ли это: унизиться, чтобы причинить боль высокомерию своему?

Или это значит: расстаться с нашим делом, когда празднует оно победу? Или подняться на высокую гору, чтобы искусить искусителя?

Или это значит: любить тех, кто нас презирает, и протянуть руку призраку, который стремится запугать нас?

Все это, все самое трудное берет на себя выносливый дух: подобно навьюченному тяжелой поклажей верблюду, спешащему в пустыню, торопится в свою пустыню и он.

Низшее состояние сознания знает лишь жизнь пустыни — где ничего не растет, ничто не зеленеет, где не цветут цветы, где все мертво и, насколько хватает взгляда, это — бесконечное кладбище.

Но там, в безлюдной пустыне, свершается второе превращение: там львом становится дух. Даже в жизни того, кто бредет наощупь во тьме и бессознательности, бывают моменты, когда какое-нибудь событие, словно молния, пробуждает его, и верблюд перестает быть верблюдом: происходит превращение, преображение.

Гаутама Будда оставил свое царство в двадцать девять лет по этой причине: внезапная молния, и верблюд превращается во льва.

Когда он родился, призвали всех великих астрологов царства, потому что он был единственным сыном великого императора, и родился он, когда император был стар. Всю свою жизнь он молился, всю свою жизнь он желал иметь ребенка; а иначе кто бы стал его наследником? Всю жизнь он сражался, захватывал земли и создавал обширную империю. Для кого? Рождение Гаутамы Будды было великой радостью, и он хотел знать во всех подробностях будущее этого ребенка. Во дворце собрались все великие астрологи. Они совещались несколько часов, и царь вновь и вновь спрашивал: «Что вы решили? Почему вы говорите так долго?»

Наконец, самый молодой... Потому что все старые были в большом замешательстве. «Что сказать?» Положение было таково... все они придерживались одного мнения. Однако самый молодой из них встал и сказал:

— Они старые люди и не хотят говорить то, что может огорчить вас. Но кто-то должен разбить лед.

У вас родился очень странный ребенок. Его будущее нельзя предсказать определенно, потому что у него два будущих. Несколько часов мы обсуждали, какое из них перевешивает; оба они весят одинаково. Мы никогда не встречались с таким ребенком.

Царь сказал:

— Не волнуйтесь. Скажите мне всю правду. И астролог, при всеобщем согласии, сказал:

— Ваш ребенок либо станет величайшим императором, какого когда-либо знал мир, чакравартином, либо он отречется от царства и станет нищим. Вот почему мы медлили, мы не находили слов, чтобы сказать вам об этом. Обе возможности имеют равный вес.

Царь был очень озадачен и спросил:

— Можете ли вы мне что-то посоветовать? Есть ли какой-нибудь способ не дать ему отречься от царства и превратиться в нищего?

Они предложили всевозможные средства: в частности, что он не должен знать о болезнях, старости, смерти, саньясинах. Его следовало содержать таким образом... почти слепым к этим реалиям, ведь все что угодно могло привести в движение идею отречения от мира. Царь сказал:

— Не беспокойтесь. Я позабочусь обо всем этом.

Для него построили три разных дворца на разные времена года, так что он никогда не чувствовал ни жары, ни холода, ни больших дождей. Были созданы все удобства. Наняли садовников: «Он не должен видеть ни одного мертвого листа, облетевшего цветка, поэтому ночью полностью очищайте сад от увядших цветов и листьев. Он должен видеть только молодость, только свежие цветы».

Когда пришло время, он был окружен самыми красивыми девушками царства. Вся его жизнь состояла из удовольствий, развлечений, музыки, танцев, прекрасных женщин — и он ни разу не видел болезни.

Когда ему было двадцать девять лет... каждый год устраивалось празднество, вроде молодежного фестиваля, и принц должен был торжественно открывать его; он открывал его много лет; дороги перекрывались, людям приказывалось запереть стариков и старух дома. Но в этом году... Это очень красивая история: до сих пор она вполне может быть исторической правдой. Начиная с этого места, в нее вступает нечто мифологическое, но это мифологическое важнее исторических фактов.

История повествует, что Боги в небесах... Вы должны знать, что джайнизм и буддизм не верят в одного Бога, они верят, что каждое существо, в конце концов, станет Богом.

Заратустра с ними согласен: стать Богом — назначение каждого. Сколько на это уйдет времени, зависит от него, но это — его удел. И миллионы людей достигли этой точки: у них нет физического тела, они живут в вечности, в бессмертии.

Боги в небесах очень обеспокоились: прошло почти двадцать девять лет, а человеку, от которого ожидали, что он будет великим просветленным, мешал его отец. Быть великим императором бессмысленно по сравнению с тем, чтобы стать величайшим пробужденным в истории, потому что это возвышает сознание человечества и всей вселенной.

Я говорю, что важнее история, а мифология, поскольку она показывает, что все существование заинтересовано в вашем росте, существование не безразлично к вам. И если вы очень близки к цветению, существование постарается, чтобы ваша весна пришла как можно скорее. Существование кровно заинтересовано в вашем пробуждении, ибо ваше пробуждение разбудит множество людей.

И есть общее правило: это произведет впечатление на сознание человечества в целом. Отблеск великолепия останется в каждом разумном человеке. Быть может, это создаст во многих людях стремление к тому же, быть может, семя даст ростки. Быть может, то, что дремлет, станет активным, динамичным.

Вот почему я говорю, что мифологическая часть гораздо важнее исторических фактов. Может быть, это чистый вымысел, но он необычайно символичен.

Дороги перекрыли, и поэтому боги решили: один из них сначала притворится больным, он будет кашлять; он появится рядом с золотой колесницей, в которой Гаутама Будда поедет на открытие ежегодного молодежного празднества. Будда не мог понять, что случилось с этим человеком. О нем так усиленно заботились; за его здоровьем следили лучшие врачи тех дней; он никогда не знал никаких болезней и ни разу не видел, чтобы кто-нибудь из его окружения болел.

Другой бог вошел в возникшего, так как Будда спросил возникшего:

— Что случилось с этим человеком? Бог устами возникшего ответил:

— Это случается с каждым. Раньше или позже человек слабеет, начинает болеть, стареть.

Когда он говорил это, они увидели старика — еще одного бога, — и возникший сказал:

— Посмотри, вот что происходит с каждым. Юность не вечна. Она эфемерна.

Будда был потрясен. И как раз тогда они увидели третью группу богов, которые несли мертвеца, труп, чтобы похоронить его, и Будда спросил:

— Что случилось с этим человеком? И Возничий ответил:

— После старости приходит конец. Занавес падает. Этот человек мертв.

Прямо за этой процессией шел саньясин в красной мантии, и Будда спросил:

— Кто этот человек? Он одет в красные одежды, его голова обрита, и он кажется таким радостным, таким здоровым, его глаза блестят и притягивают к себе. Кто он? Что случилось с ним?

Возничий ответил:

— Этот человек, увидев болезни, страдание, старость и смерть, отрекся от мира. Пока не пришла смерть, он хочет познать истину жизни — сохранится ли жизнь после смерти, или смерть — все, с нею все кончается. Он искатель истины. Он саньясин.

Это было подобно молнии. Двадцать девять лет усилий его отца просто испарились. Он сказал вознице:

— Я не буду открывать молодежный праздник, потому что, какой смысл в нескольких годах юности, если впереди болезни и смерть? Это может сделать кто-нибудь другой. Поворачивай назад.

И в этот же вечер он ушел из дворца на поиски истины.

Верблюд превратился во льва. Произошла метаморфоза. Все что угодно может вызвать ее, но необходима разумность.

Но там, в безлюдной пустыне, свершается второе превращение: там львом становится дух, добыть себе свободу желает он и сделаться господином пустыни своей.

Там ищет он своего последнего владыку: врагом хочет он стать ему, последнему господину и Господу своему...

Теперь он отправляется на поиски своей высшей божественности. Любой другой бог будет для него врагом. Он не будет кланяться никакому другому богу, теперь он сам себе будет господином.

Вот что такое дух льва — абсолютная свобода естественно подразумевает свободу от Бога, свободу от так называемых заповедей, свободу от писаний, свободу от всякой морали, навязанной другими.

Конечно, родится добродетель, но это будет нечто рожденное из вашего собственного мягкого, негромкого голоса. Ваша свобода принесет ответственность, но эта ответственность не будет навязана вам кем-то другим: *...это будет борьба с великим драконом до победного конца.*

Кто же он, великий дракон, которого дух отныне не хочет признавать господином и владыкой? Имя того дракона - «Ты должен». Но дух льва говорит «Я хочу!» Теперь не стоит вопрос о том, чтобы кто-то приказывал ему. Даже Богу он больше не должен подчиняться.

Где-то в другом месте у Заратустры есть великие слова: «Бог умер, и человек впервые свободен». Там, где есть Бог, человек не может быть свободным. Он может быть свободен политически, экономически, социально, но духовно он останется рабом, марионеткой.

Сама эта идея — что Бог создал человека — уничтожает всякую возможность свободы. Если он создал вас, он может вас уничтожить. Он может собрать вас воедино, он может разобрать вас на части. Если он создатель, у него есть все возможности и потенциал быть разрушителем. Вы не можете помешать ему. Вы не можете помешать ему, создать вас, так как же вы помешаете ему уничтожить вас? Именно поэтому Гаутама Будда, Махавира и Заратустра, три величайших пророка в мире, отвергли существование Бога.

Вы будете удивлены. Аргумент, на основании которого они отрицали Бога, очень необычен,

но очень значителен. Они говорят: «Пока есть Бог, человек не может стать полностью свободным».

Свобода человека, его духовное достоинство зависит от того, есть Бог или нет. Если Бог есть, человек останется верблюдом, поклоняющимся мертвым статуям, молящимся кому-то, кого он не знает, кому-то такому, кого никто никогда не знал — просто гипотезе. Вы поклоняетесь гипотезе. Все ваши храмы, церкви и синагоги — не что иное, как памятники, воздвигнутые в честь гипотезы, которая абсолютно бездоказательна, у которой нет никаких подтверждений. Нет никаких аргументов в пользу существования Бога как личности, сотворившей мир.

Заратустра пользуется очень жестким языком. Он человек жестких выражений. Все настоящие люди всегда говорили жестко. Он называет Бога «великим драконом».

Кто же он, великий дракон, которого дух отныне не хочет признавать господином и владыкой? Имя того дракона - «Ты должен». Во всех религиозных писаниях содержатся эти два слова: «Ты должен». Вы должны делать то и не делать это. Вы не свободны выбирать, что правильно. Люди, которые умерли тысячи лет назад, уже на веки вечные решили, что правильно и что неправильно.

Человек с мятежным духом — а без мятежного духа превращение случиться не может — должен сказать: «Нет, я хочу. Я хочу делать то, что считает правильным моя сознательность, и я не хочу делать то, что моя сознательность чувствует неверным. Для меня нет никакого руководства, кроме моего собственного существа. Я не собираюсь доверять ничьим глазам, кроме своих собственных. Я не слепой и не идиот. Я могу видеть. Я могу думать. Я могу медитировать и сам пойму, что правильно и что неправильно. Моя мораль будет просто тенью моей сознательности».

Зверь «Ты должен» лежит на пути его, переливаясь золотой чешуей, и на каждой чешуйке блестит золотом «Ты должен!»

Блеск тысячелетних ценностей на чешуе этой, и так говорит величайший из драконов: «Ценности всех вещей переливаются на мне блеском своим».

«Созданы уже все ценности, и все они — это я. Поистине, не должно больше быть "Я хочу!"» — так говорит дракон.

Все религии, все религиозные вожди заключены в этом драконе. Все они говорят: все ценности уже созданы, вам не нужно больше ничего решать. За вас все решено людьми, которые мудрее вас. «Я хочу» больше не нужно.

Но без «Я хочу» нет свободы. Вы остаетесь верблюдом, и это именно то, чего хотят от вас все коммерсанты — религиозные, политические и социальные: верблюдом, просто верблюдом — безобразным, без всякого достоинства, без всякого изящества, без души, готовым просто служить, с радостью желающим рабства. Сама идея свободы не приходит в их головы. И это не философские положения. Это правда.

Разве приходила когда-нибудь идея свободы к индуистам, буддистам или мусульманам? Нет. Все они говорят в один голос: «Все уже решено. Мы должны просто следовать. Те, кто следуют, добродетельны, а те, кто не следуют, навечно попадут в адское пламя».

Братья мои, зачем нужен лев в человеческом духе? Почему бы не довольствоваться вьючным животным, покорным и почтительным? Заратустра говорит, что ваши так называемые святые — не что иное, как совершенные верблюды. Они сказали «да» мертвым традициям, мертвым обычаям, мертвым писаниям, мертвым богам, и поскольку они совершенные верблюды, несовершенные верблюды молятся им.

Естественно.

Создавать новые ценности — этого еще не может и лев: но создать свободу для нового

творчества может сила его. Сам лев не может создать новых ценностей, но он может создать свободу, возможность создания новых ценностей.

А что такое новые ценности?

Например, новый человек, не может верить ни в какие различия между людьми. Это будет новой ценностью: все люди одинаковы, вне зависимости от их цвета, расы, несмотря на их географию и историю. Достаточно просто быть человеком.

Это должно стать новой ценностью: не должно быть никаких наций, ибо они были причиной всех войн.

Не должно быть никаких организованных религий, потому что они мешают индивидуальному поиску. Они продолжают передавать людям готовые истины, а истина не игрушка, вы не можете получить ее в готовом виде. Нет фабрики, где ее производят, и нет рынка, на котором ее можно купить. Вы должны искать ее в глубочайшем безмолвии своего сердца. И кроме вас никто не может пойти туда.

Религия индивидуальна — это новая ценность.

Нации безобразны, религиозные организации антирелигиозны, церкви, храмы, синагоги и гурудвары просто смешны. Все существование священно. Все существование — храм. И когда вы сидите в безмолвии, медитации, любви, вы создаете вокруг себя храм сознательности. Вам не нужно никуда ходить молиться, потому что нет ничего выше вашей сознательности, чему вы обязаны были бы молиться.

Завоевать свободу и поставить священное «Нет» выше долга: вот для чего нужен лев, братья мои.

Вам всегда говорили, что долг — великая ценность. На самом деле, это непристойное, грязное слово. Если вы любите свою жену потому, что это ваш долг — вы не любите свою жену. Ваша любовь — это долг, вы не любите свою жену. Если вы любите свою мать потому, что это ваш долг — вы не любите мать. Долг уничтожает все прекрасное в человеке — любовь, сострадание, радость. Люди даже смеются из чувства долга.

Я слышал, что один начальник каждое утро перед началом рабочего дня собирал в своем кабинете подчиненных. Он знал всего три шутки, и каждый день он рассказывал одну из них, и, конечно, все были обязаны смеяться. Это был их долг. Естественно, эти шутки надоели им, ведь они слышали их тысячу раз; и, тем не менее, они смеялись так, как будто слышат это впервые. В один прекрасный день он, по обычаю, рассказал анекдот, и все засмеялись — кроме одной девушки-машинистки. Босс сказал:

— Что это с вами? Вы что, не слышали шутку? Она ответила:

— Шутку? Я уйду от вас. Меня взяли на работу в другой офис. Я больше не обязана смеяться шутке, которую я слышала, по меньшей мере, десять тысяч раз. Пускай смеются эти идиоты — беднякам придется работать здесь дальше.

Преподаватели хотят, чтобы студенты уважали их, потому что это их долг. Я был профессором, когда комиссия по образованию в Индии пригласила несколько профессоров со всей страны принять участие в конференции в Нью-Дели. Эта конференция должна была обсудить некоторые вопросы, которые становились все более и более проблематичными во всех учебных заведениях. Первая проблема была в том, что студенты не оказывают профессорам никакого уважения. Об этом говорили многие профессора: «Необходимо что-то делать. Если не будет уважения, вся система образования развалится».

Я никак не мог понять, что они обсуждают, потому что ни один человек не говорил ничего ни за, ни против. Я был там моложе всех, и меня пригласили потому, что председатель комиссии по образованию, Д. С. Котхари, слышал меня, когда приезжал к нам в университет. Он был одним из самых выдающихся ученых Индии. Я был самым младшим, а в конференции

принимали участие старые, солидные люди. Но я сказал:

— Кажется, мне придется выступить по этому вопросу, поскольку все эти профессора настаивают на одном: что долг каждого студента — уважать преподавателя, но ни один из них не сказал, что преподаватель должен заслуживать уважения. По своему личному опыту в университете я знаю, что ни один профессор не достоин никакого уважения. И если студенты их не уважают, то вменить им это в долг было бы полным безобразием, фашизмом. Я против. Я предпочел бы, чтобы комиссия решила: каждый преподаватель должен заслужить уважение и быть его достоин, и тогда оно придет автоматически.

Если кто-то красив, человеческий глаз немедленно узнает красоту. Если в ком-то есть некий характер, достоинство, люди просто уважают его. Вопрос не в том, чтобы потребовать или ввести правило, что каждый студент должен быть уважителен. Университет — не армия. Университет должен учить каждого студента быть свободным, бдительным, сознательным. И это задача, только профессоров — доказать, что они достойны уважения.

Все они разгневались на меня. Д. С. Котхари говорил мне после конференции:

— Они все рассердились на вас, они спрашивали меня: «Зачем вы позвали его, прекрасно зная, что он ни с кем, ни в чем и ни за что не согласится? Он так молод, а это конференция заслуженных профессоров».

Я сказал Д. С. Котхари:

— Они заслуженные профессора, но ни один из них не оказался в состоянии ответить на вопрос, который я задал: «Почему вы так страстно жаждете уважения?» На самом деле, лишь люди, не заслуживающие уважения, считают, что их должны уважать. Люди, достойные уважения, получают его. Это естественно. Но делать из этого обязанность уродливо.

Заратустра прав:

*Завоевать свободу и поставить священное «Нет» выше долга: вот для чего нужен лев..
Завоевать себе право создавать новые ценности — вот чего больше всего боится выносливый и почтительный дух.*

«Ты должен» некогда было для него высшей святыней, и он любил ее; теперь же ему должно увидеть в ней заблуждение и произвол, чтобы смог он отвоевать себе свободу от любви своей: вот для чего нужен лев.

Но скажите мне, братья мои, что может сделать ребенок такого, что не удастся и льву? Зачем хищному зверю становиться еще и ребенком?

Дитя — это невинность и забвение, новое начинание и игра, колесо, катящееся само собою, первое движение, священное «Да».

Ибо священное «Да» необходимо для игры созидания, братья мои: своей воли желает теперь человеческий дух, свой мир обретает потерянный для мира.

Я назвал вам три превращения духа: сначала дух стал верблюдом, потом сделался львом, и наконец, лев стал ребенком.

Ребенок — это высший пик эволюции в том, что касается сознания. Но ребенок — только символ; это не значит, что ребенок — высшая стадия бытия. Ребенок используется символически, ибо он не отягощен знаниями. Он невинен, и благодаря своей невинности он полон любопытства, а благодаря глазам, полным любопытства, его душа стремится к таинственному. Ребенок — это начало, игра; а жизнь всегда должна оставаться начинанием и игрой; она всегда должна быть смехом и никогда — серьезностью.

...Первое движение, священное «Да». «Да», священное «да» необходимо, но священное «да» приходит только после священного «нет». Верблюд тоже говорит «да», но это «да» раба. Он не может сказать «нет». Его «да» ничего не значит.

Лев говорит «нет», но он не может сказать «да». Это противно его природе. Оно

напоминает ему о верблюде. Он каким-то образом освободился от верблюда, и «да», естественно, вновь напоминает ему — это «да» верблюда и рабства. Нет, животное в верблюде не способно сказать «нет». Во льве оно может сказать «нет», но не способно сказать «да».

Ребенок ничего не знает о верблюде и ничего не знает о льве. Вот почему Заратустра говорит: «Ребенок — это невинность и забвение...» Его «да» чисто, и в нем есть все необходимое, чтобы сказать «нет». Если он не говорит его, то только потому, что он доверяет, а не потому, что боится; не из страха, но от доверия. А когда «да» исходит от доверия, это величайшая метаморфоза, величайшее преобразование, на которое можно надеяться.

Эти три символа так прекрасны, что их стоит запомнить. Помните, вы находитесь там, где живет верблюд, и помните: вы должны двигаться в сторону льва; и запомните: вы не должны останавливаться на льве. Вы должны пойти еще дальше, к новому началу, к невинности и священному «да»: к ребенку.

Настоящий мудрец вновь становится ребенком.

Круг замыкается — от ребенка обратно к ребенку. Но разница огромна. Такой, как он есть, ребенок невежествен. Он должен пройти через верблюда, через льва и снова вернуться к ребенку; и этот ребенок — не в точности тот же, ибо он перестал быть невежественным. Он прошел через все испытания жизни: через рабство, свободу, бессильное «да», яростное «нет», и все же он забыл все это.

Это не невежество; это невинность. Первый ребенок был началом путешествия. Второе детство — завершение путешествия.

В те дни, когда Заратустра писал эти слова в Иране, в Индии были написаны Упанишады, в которых есть то же самое понимание. В Упанишадах брамин — тот, кто пришел к познанию высшей реальности. Браминем становятся не по рождению — лишь через познание *Брамы*, высшей реальности, становятся браминем; и второе имя брамина в Упанишадах — это *двиджа*, дваждырожденный. Первое рождение — это рождение тела, а второе — рождение сознательности.

Первое рождение делает вас человеком, второе рождение делает вас богом.

... Так говорил Заратустра.

О радостях и страстях

30 марта 1987 года

Возлюбленный Ошо,
О ПРЕЗИРАЮЩИХ ТЕЛО

«Я», — говоришь ты, гордясь этим словом. Но важнее — хотя ты и не хочешь этому верить, — гораздо важнее тело твоё и великий разум его; оно не говорит «Я», а создает его.

Все, что испытывается чувством и познается духом, никогда не имеет в себе конца своего. Однако чувство и дух хотят убедить тебя в том, что они - цель и предел всех вещей: так тщеславны они.

Чувство и дух всего лишь орудия и игрушки: за ними скрывается Самость. Она ищет глазами чувств и слушает ушами духа.

Самость всегда прислушивается и ищет: она сравнивает, подчиняет, разрушает и завоевывает. Она господствует и повелевает даже твоим эго.

За мыслями и чувствами твоими, брат мой, стоит могущественный господин, неведомый мудрец — Самость имя ему. В твоём теле живёт он, он и есть тело твоё.

В теле больше разума, нежели в высшей мудрости твоей. И кто знает, зачем вообще нужна телу высшая мудрость?..

О РАДОСТЯХ И СТРАСТЯХ

Брат мой, если есть у тебя добродетель, и ты один обладаешь ею как достоянием своим, ни к чему, чтобы была она у тебя общей со всеми.

Конечно, тебе хочется ласкать её и называть по имени, шутя, дергать за ухо и быть с ней на короткой ноге.

Смотри же! Теперь имя, которым ты назвал её, стало общим для всех, и сам ты стал частью толпы вместе с добродетелью своей!

Лучше, если ты скажешь: «Нельзя ни выразить, ни назвать по имени то, что составляет муку и сладость души моей, а также голод утробы моей».

Да будет добродетель твоя слишком высока, чтобы называть её по имени: а если придётся тебе говорить о ней, не стыдись говорить невнятно.

Запинаясь же, говори так: «это моё добро, и я люблю его; оно нравится мне таким, какое есть, и я один желаю быть хозяином его».

Ни божественного закона, ни человеческого установления не хочу я видеть в добродетели моей; не хочу и того, чтобы стала она для меня путеводителем на небо, в рай.

Предмет любви моей — земная добродетель: в ней мало мудрости и совсем мало смысла, понятного всем.

Но эта птица свила у меня гнездо своё: потому я люблю и ласкаю её, и теперь золотые яйца высиживает она у меня».

Так должно тебе восхвалять добродетель свою, и пусть будут невнятны слова твои...

...Так говорил Заратустра.

Из великих учителей мира один Заратустра не против тела, он за тело. Все остальные учителя против тела, и они объясняют это тем, что тело - препятствие для роста души, тело — барьер между вами и божественным. Это явная чушь.

Заратустра, быть может, самый нормальный учитель, которого мы знаем. Он не занимается никакой ерундой; его метод практичен и научен. И он первый, кто учил телу, кто учил

человечество: если вы не любите тело, пока вы не понимаете тело, вы не можете духовно расти. Тело — храм вашей души.

Оно всю жизнь служит вам, не требуя ничего взамен. И осуждать его отвратительно, потому что все эти осуждающие тело рождены из тела. Они осуждают тело *через* тело. Они проживают жизнь через тело, и, тем не менее, человечество восприняло очень опасную идеологию: разделение между телом и душой — и не просто разделение, но полярную противоположность; что вы должны выбрать либо тело, либо душу. Это часть более общей философии: материи и духа. Тело — это материя, душа — это дух. И все эти осуждающие тело, презирующие тело сосредоточились на одной идее: что мир состоит из двух частей, материи и духа.

Но теперь мы знаем не только логически, не только через опыт, но также и на основании научных доказательств, что есть только одно бытие; назовете ли вы его материей или духом, не имеет значения. Тело и дух, материя и энергия — одно и то же. Существование не дуально; это органичное целое.

Но была основательная причина для осуждения тела: это был их способ восхваления души, это был их способ превозношения нематериальной энергии. Без осуждения тела и материи это было бы несколько сложнее. Осудите тело — это дает вам хорошую основу для восхваления души. Осуждайте мир, и вы можете восхвалять Бога. Но они никогда не замечали очевидный факт: они сами постоянно проповедуют, что Бог сотворил этот мир. Если Бог создал мир, значит, мир — не что иное, как продолжение Бога, Его творчества; он не может быть Его врагом.

Прозрение Заратустры очень ясно, и в те далекие времена, двадцать пять веков назад, больше никто не смог понять, что у тела есть собственная мудрость. Вы сталкиваетесь с ней каждое мгновение, и все же груз старых условностей так велик, что не позволяет вам признать мудрость тела.

Например, ваши глаза постоянно моргают. Они могли бы все время быть открытыми, как уши. Но в теле есть мудрость, глубокая разумность — глаза очень нежны, и их нужно все время очищать. И когда веко опускается и поднимается, это помогает телу, посредством глаз, оставаться совершенно чистым. И есть железы, содержащие воду. Когда вы плачете, она выходит как слезы, но когда ваши веки моргают, та же самая жидкость смывает всю пыль, которая могла собраться на самой нежной части вашего тела.

Глаза — это почти окна вашей души. Тело чрезвычайно заботится о глазах. И это только один пример. Все основные потребности вашего тела не поручены вам; вы не так надежны.

Под «вами» я имею в виду ваш ум. Дыхание совсем не зависит от ума. Это было бы опасно, потому что ум не так бдителен; он может и забыть. А если он забудет, что надо дышать, вы умрете — когда вы спите, кто будет дышать? Ум глубоко спит, но тело продолжает дышать.

Даже если полностью устранить ум, это не повлияет на ваш процесс жизнедеятельности. Я видел женщину, которая девять месяцев находилась в коме, но она отлично дышала. Пульс, пищеварение, обеспечение разных частей тела различным питанием — все это работало почти как компьютер. А ведь все это очень запутанные и сложные процессы. Существует столько витаминов... какой витамин и в какую часть тела нужно направить? — тело знает это и удовлетворяет потребность. Это не ваша работа. Есть витамины, которые требуются мозгу. Кровь доставит в мозг только эти витамины.

У вас в крови два типа клеток: белые и красные. Когда вы ранены, ваш ум не может сделать ничего, но тело немедленно принимается за дело. Белые клетки немедленно несутся к месту раны. Это совершенно изумительно и таинственно: белые клетки соберутся к ране и не позволят красным уйти из тела. Они будут защитой.

Тело само себя лечит. Сейчас даже медицинская наука признает, что врачи, лекарства и

вообще все, что мы можем сделать — это только помощь оздоровительному процессу тела, но основное лечение производит само тело. Мы можем поддержать его — но если тело не способно вылечить само себя, все наши усилия тщетны.

Если бы все процессы, происходящие внутри тела, должны были выполняться машинами, вместо одного тела вам потребовалась бы такая огромная фабрика, что вы не можете себе представить. Понадобится квадратные километры заводов, чтобы обеспечить все те функции, которые ваше тело выполняет так тихо и занимая так мало места. Тело постоянно обновляется. Каждые семь лет вы становитесь новым человеком, не зная об этом. В вашем теле нет ни одной старой клетки; все они сменились новыми. До того, как они станут слишком старыми и разрушительными, они заменяются. Кровь постоянно выносит мертвые клетки и приносит новые, выбрасывает углекислый газ, который может стать причиной смерти, если накопится внутри вас, и все время заменяет его на кислород, в котором ваша жизнь. И все это происходит так тихо, совершенно бесшумно. И тем не менее, все религии осуждают тело, утверждая, что тело — источник греха.

Тело — источник всей вашей жизни. Да, от вас зависит, что вы из него сделаете. Вы можете стать грешником и можете стать святым. Тело не искушает вас быть грешником и не вдохновляет быть святым. Кем бы вы ни были, грешником или святым — тело делает свое дело. Его работа так необъятна, что у него нет времени ни на что другое. Заратустра с огромным уважением относится к телу, поскольку это начало вашего существа. От тела вы можете двигаться к бытию.

Но если осуждать тело, отвергать его, истязать, как это делалось многие века, то вы не сможете пойти к своему существу. Вы понапрасну вовлечены, впутаны в борьбу с телом. Вся ваша энергия уничтожается в этом антагонизме. Тело должно быть принято с любовью, благодарностью, признательностью, и оно может стать ступенью лестницы, ведущей к вашей сущности. В действительности, природой так и задумано.

Заратустра говорит: *«Я», — говоришь ты, гордясь этим словом. Но важнее — хотя ты и не хочешь этому верить, - гораздо важнее тело твое и великий разум его; оно не говорит «Я», а создает его.*

«Я», — говоришь ты... Вы когда-нибудь замечали, что ваше я меняется двадцать четыре часа в сутки? Вечером ваше я решает: «Я встану рано утром, в пять часов, чтобы медитировать». Это ваше решение, решение вашего я. Но вот зазвонил будильник, и некто внутри вас, кто теперь притворяется вашим я, говорит: «Какое прекрасное утро, посплю-ка я еще немножко, в постели так уютно...» Вы поворачиваетесь на другой бок, натягиваете одеяло и просыпаетесь, как всегда, в девять. И вы никогда не думали об этом: то я, которое постановило проснуться в пять, не может это выполнить.

Ваше я не одно; это толпа из многих я — почти как колесо и его спицы. Каждая спица бывает наверху, и тогда она говорит так, как будто это и есть ваше подлинное я.

Вы обещаете — и никогда не исполняете обещанного. Вы не можете быть одним я — единым, собранным. Что касается ума, вы — это множество я.

Георгий Гурджиев обычно рассказывал: У одного очень богатого человека был дворец и множество слуг. Он отправился в паломничество к святым местам; оно могло продлиться два, три года — нельзя было точно сказать, когда он вернется. Он сказал своим слугам:

— Помните, я могу приехать в любую минуту. Может быть, я не закончу паломничество — так что не ленитесь. Дом должен быть готов к моему приезду в любой день - чистый, опрятный...

И все они сказали, что будут стараться.

Но прошло три года, и мало-помалу слуги обленились. Несколько дней они старательно

убирались — возможно, он придет. Но три года миновали — а это был самый долгий срок — он не вернулся. Возможно, он умер, возможно, отрекся от мира. Он не собирался возвращаться...

Уборка дома и все остальное постепенно прекратилось. Но слуги решили, что на всякий случай они по очереди будут сидеть на главных воротах, потому что с главных ворот дорога видна издалека: «Если ты увидишь карету, сообщи нам, и мы тут же сделаем все, что нужно. А если кареты нет, — какой смысл убираться?» Итак, на всякий случай они стояли в главных воротах.

Дворец был редкой красоты и располагался в уединенной местности среди гор и лесов, поэтому, когда мимо проезжал какой-нибудь путешественник, он обычно спрашивал у слуги на воротах: «Кто хозяин этого дома?» А все они верили, в глубине души всем им *хотелось* верить — это одна из человеческих слабостей: когда вам *хочется* верить во что-либо, вы начинаете в это верить — они, в конце концов, поверили, что их хозяин никогда не вернется. Поэтому слуга на воротах обычно отвечал: «Он принадлежит мне. Я владелец этого дома».

Но путешественники приходили в замешательство, потому что, когда они возвращались той же дорогой, в воротах был кто-нибудь другой; они спрашивали: «Кто хозяин этого дома?» — и получали ответ: «Кто хозяин? *Я* хозяин этого дома».

Гурджиев часто рассказывал эту историю: что каждый слуга по очереди становится хозяином дома. И точно то же самое происходит в ситуации с вашим *я*. В вас множество *я*. Если вы внимательно понаблюдаете, вы сможете увидеть, что внутри вас много *я*, но в определенное время господствует только одно *я*. Это *я* говорит: «Я люблю тебя, и я буду любить тебя вечно. И другие любили, но они любили только при жизни. Я буду любить тебя, милая, даже когда умру».

А в следующий момент эти великие любовники ссорятся и швыряют друг в друга что попало. Что случилось? Что произошло с их великой любовью? Хорошо известно, что любящие могут умереть друг за друга, но любящие могут также и убить друг друга. Это не может быть работой одного и того же *я*.

Если вы будете бдительны, вы станете осознавать, что за вами тянется целый хвост *я*. Одно *я* хочет сказать то, другое *я* хочет сказать это, третье *я* хочет сделать что-то еще — между ними никогда не бывает согласия. Идет непрерывная внутренняя борьба: «Кто хозяин этого дома?»

Поскольку мы живем в бессознательности, мы никогда не осознаем это. Заратустра прав, когда он говорит: вы очень гордо произносите «*Я*», но ваше *я* — ничто в сравнении с необычайной разумностью вашего тела, которое никогда не говорит *я*, но в действительности исполняет все те функции, которые считаются функциями вашего *я*.

Все, что испытывается чувством и познается духом, никогда не имеет в себе конца своего. Однако чувство и дух хотят убедить тебя в том, что они — цель и предел всех вещей: так тщеславны они. Вы знаете, что ваши чувства много раз обманывали вас. И не только в пустыне, под раскаленным солнцем, когда вас обманывал мираж.

Вас мучает жажда. Это — пятьдесят процентов в создании миража. А горячий песок и отражение солнечных лучей создают остальные пятьдесят процентов. Отражение лучей из-за дрожания воздуха создает иллюзию воды. Дрожащий воздух имеет зеркальных эффект, так что, если там есть деревья, он отразит даже их. И человек, который хочет пить, становится абсолютно уверенным, что вода близко. Там деревья, они отражаются в воде, но когда вы приближаетесь к миражу, там нет никакой воды. Это всего лишь солнечные лучи, отражаясь обратно, создают зеркало, в котором отражаются деревья.

Но это бывает не только в пустыне.

Чувства обманывают вас и в повседневной жизни, и каждое чувство говорит: «Реальность — то, что испытываю *я*».

Однажды было так... Я стоял в саду библиотеки в городе, где я занимался. Подошел какой-

то человек, хлопнул меня по плечу и сказал:

— Я не видел тебя сто лет!

Я посмотрел на этого человека; я его никогда не видел. Я сказал:

— Должно быть, вы ошиблись. Возможно, у вас был друг, похожий на меня, но я вас совсем не знаю. Он сказал:

— Мне очень жаль, но вы точь-в-точь похожи на моего друга.

Я ответил:

— Жаль, что мы с ним похожи, но что я могу поделать? Ничего.

В тот же день я был на базаре; этот человек подошел и снова хлопнул меня по плечу и сказал:

— Ну ты и чудак! Утром я окликнул какого-то невинного человека, думая, что это ты стоял у библиотеки. Но я возразил:

— Я тот же самый человек, который стоял у библиотеки, и вы уже второй раз стукнули меня. Но это не беда, — продолжал я, — в третий раз будьте внимательны, я не думаю, что ваш друг находится в этом городе. Ведь вы не виделись много лет.

Он сказал:

— Да, я не видел его много лет. Тогда я сказал:

— Запомните: когда вы увидите его в третий раз, сначала *спросите*, а потом...

Он прервал меня: — Но вы так похожи.

Я сказал:

— Я еще раз говорю вам: я ничего не могу с этим поделать, я не знаю вашего друга. Но он ответил:

— Мои глаза не могут так обмануть меня — да еще *дважды* за один день. Тогда я сказал ему:

— Запомните, в третий раз я стукну вас, если вы... потому что мне надоело это похлопывание по плечу. Он сказал:

— Что вы, я больше никогда... даже если это на самом деле будет он, сначала я спрошу.

Через четыре-пять дней я выходил из университета; этот человек увидел меня и сказал:

— Ну спасибо тебе, из-за тебя я беспокоил другого человека.

Я сказал:

— Вы что, хотите, чтобы я уехал из города? Я тот же самый человек! Он сказал:

— Но вы так похожи... Я сказал:

— Снова вы за свое.

Понаблюдайте, и вы обнаружите, что ваши чувства не так уж определены, и их требования безосновательны. Вы слышите то, что не произносилось. Вы видите то, чего нет. Вы верите в концепции, которые абсолютно иррациональны. А тело абсолютно невинно, оно никогда не обманывает вас. Оно всегда подлинно. *Чувство и дух всего лишь орудия и игрушки: за ними скрывается Самость* — ваше бытие.

Заратустра признает в вас только две реалии: тело и бытие. Все, что между ними — чувства, ум, эго — ложные сущности. Если вы хотите добраться до своего бытия, начните с тела, ибо есть только две эти реалии; или, возможно, даже одна реальность. Тело — внешняя сторона вашего бытия, а бытие — внутренняя сторона вашего тела.

Самость ищет глазами чувств и слушает ушами духа.

Самость всегда прислушивается и ищет: она сравнивает, подчиняет, разрушает и завоевывает. Она господствует и повелевает даже твоим эго.

Самость, или бытие — ваш истинный хозяин. И если ваше бытие пользуется чувствами, умом как инструментами, это совершенно правильно. Но в человеке все поставлено с ног на

голову. Мы совершенно забыли хозяина, и хозяевами притворяются слуги; и каждый слуга говорит, что именно *его* опыт истинен.

Как инструменты они превосходны — но ими должен пользоваться хозяин. Если хозяин не использует их, и положение таково, что инструменты распоряжаются хозяином... Ваш ум притворяется хозяином. Он — только слуга; его функция — служить вашей сущности. Но эта сущность совершенно забыта. В этом несчастье человечества.

За мыслями и чувствами твоими, брат мой, стоит могущественный господин, неведомый мудрец — Самость имя ему. В твоём теле живет он, он и есть тело твоё. Какие прекрасные слова, и какие истинные. Он живет в вашем теле, он и есть ваше тело. Ваше бытие и ваше тело не отдельные, это две стороны одной монеты. Но поскольку тело осуждалось, осуждалось также и бытие. Хозяином стал ум.

Через осуждение тела автоматически произошло осуждение бытия, и человечеством руководили ложные сущности — всего лишь инструменты. Ваше бытие управлялось умом. Ум должен служить вам. Он не должен управлять вами.

В теле больше разума, нежели в высшей мудрости твоей. И кто знает, зачем вообще нужна телу высшая мудрость?..

Брат мой, если есть у тебя добродетель, и ты один обладаешь ею как достоянием своим, ни к чему, чтобы была она у тебя общей со всеми. Я все время повторял и повторяю вам: чем больше вы становитесь индивидуальностью, тем уникальнее вы становитесь, и в вашей уникальности скрывается ваше празднование.

Заратустра говорит: «Если у тебя есть добродетель, и это твоя собственная добродетель, не та, которой ты научился от других, но ты сам открыл ее, то ни к чему, чтобы она была общей со всеми — она будет уникальной. Это будет просто *твоя* подпись. Она будет настолько же уникальной, как и отпечатки твоих пальцев. Никто в мире не может обладать ею». Природа никогда не повторяется. Даже когда вы встречаетесь с похожими вещами, они только похожи, но не одинаковы.

Взгляните на дерево и рассмотрите внимательно каждый листок, и вы удивитесь: каждый лист обладает своей индивидуальностью; в точности похожих листьев нет.

Пойдите на берег. Поищите морские раковины, и вы не найдете двух одинаковых. Или поищите цветные камешки — нет двух одинаковых цветных камешков.

Творчество существования неизмеримо. Оно никогда не повторяется. Вам знакомо выражение: «История никогда не повторяется», но я говорю, что это не так. История повторяется, потому что она в руках бессознательных людей. Бессознательные люди не могут быть уникальными.

Однажды некий человек купил картину Пикассо. Это стоило ему миллион долларов, и он хотел убедиться, что это — настоящий Пикассо, не подделка; ведь на рынке бывают подделки, которые похожи как две капли воды на оригинал. Если вы не искушенный эксперт, вы не заметите никакой разницы. Поэтому он проконсультировался у эксперта, который специализировался как раз по Пикассо.

Тот сказал ему:

— Не беспокойтесь. Относительно *этой* картины я абсолютно уверен, потому что я был в доме Пикассо, когда он писал ее; так что я видел это своими глазами. Можете не волноваться. Ваш миллион потрачен не зря. Но этот человек сказал:

— Я бы хотел пойти вместе с вами к самому Пикассо. Мне хочется услышать также его мнение.

— Это несложно, — ответил эксперт. Они отправились к Пикассо. Пикассо сидел со своей подружкой. Он посмотрел на картину и сказал:

— Это подделка. Критик опешил:

— Что вы говорите? Я сам видел, как вы писали ее. И женщина тоже сказала:

— Ничего себе! Я тоже была в доме, когда ты писал ее. Пикассо сказал:

— Я не говорю, что не писал ее, но это — подделка. Все они устали на Пикассо — он что, сошел с ума? Он сказал:

— Вы не понимаете. Вот что было на самом деле: одному человеку хотелось иметь картину, а мне в голову не приходило никаких идей, и поэтому я просто еще раз написал свою же старую картину. Пойдите в парижский музей — и вы найдете ее там. Я просто снова нарисовал ту же самую картину. Так что, хотя написал ее я, это не подлинник, это копия. А сделал копию я или еще кто-то — не имеет значения. Копия есть копия. Это подделка.

Существование никогда не копирует себя. Оно всегда ново и всегда свежо.

Конечно, тебе хочется ласкать ее и называть по имени, шутя, дергать за ухо и быть с ней на короткой ноге.

Смотри же! Теперь имя, которым ты назвал ее, стало общим для всех, и сам ты стал частью толпы вместе с добродетелью своей!

Лучше, если ты скажешь: «Нельзя ни выразить, ни назвать по имени то, что составляет муку и сладость души моей, а также голод утробы моей».

Очень странное утверждение. Он говорит, что в тот момент, когда вы пытаетесь приспособить свою добродетель к обществу и смягчаете ее тут и там, она теряет свою истинность. Вы становитесь частью толпы; вы больше не уникальная индивидуальность. И вы можете проследить это в течение многих веков.

Ни одного нового Заратустры.

Ни одного нового Гаутамы Будды.

Ни одного нового Иисуса Христа.

И тем не менее, миллионы людей стараются стать точной копией этих людей. Они разрушают самих себя. Если вы не уникальны, вы упустили свою жизнь. Вы упустили свой рост.

Гаутама Будда прекрасен.

Заратустра прекрасен.

Но если вы притворитесь Заратустрой или сядете в позу Будды, это будет просто игра. Возможно, вы сделаете даже лучше, ведь Гаутама Будда не играл; он не репетировал. Его жизнь была спонтанной. Вы можете репетировать, сколько хотите; вы можете даже войти в образ Гаутамы Будды, и все же вы будете фальшивкой. Вы останетесь лицемером.

Заратустра говорит: *Лучше, если ты скажешь: «Нельзя ни выразить, ни назвать по имени то, что составляет муку и сладость души моей»...* Это восторг моей души, потому что это мой собственный рост; и мука, потому что я не могу это выразить.

«...А также голод утробы моей». Это не только голод моей души, но также и голод утробы.

Он хочет напомнить вам, что ваше тело и бытие настолько едины, что страстное желание вашей сущности станет страстным желанием вашего тела, а голод тела превратится в голод вашего бытия. Это просто два названия, но не две отдельные сущности.

Да будет добродетель твоя слишком высока, чтобы называть ее по имени: а если придется тебе говорить о ней, не стыдись говорить невнятно. Когда кто-то находит неповторимую добродетель в своем существе, он не может не заикаться, поскольку все великое в человеке невыразимо. Самое большее, вы можете заикаться, но вы никогда не сможете с удовлетворением отметить: да, то, что я сказал - в точности то, что я испытал.

Запянаясь же, говори так: «это мое добро, и я люблю его; оно нравится мне таким, какое есть, и я один желаю быть хозяином его». Истина это, красота или добро, оно должно принадлежать вам, оно должно корениться в самом вашем существе. Иначе вы останетесь

частью толпы. И это самое безобразное в глазах Заратустры: быть частью толпы, быть просто спицей в колесе, быть просто номером. Если вы — безымянный номер в толпе, это отнимает у вас все достоинство, честь, гордость.

Вы когда-нибудь думали о том, что в армии людям дают номера? Когда солдат умирает, в конторе на доске появляется запись: «Номер тринадцать умер». Это создает такое различие — ведь у номера тринадцать нет детей, у номера тринадцать нет жены, которая ждет его, у номера тринадцать нет старушки-матери, которая хочет еще хоть разок взглянуть на его лицо. У номера тринадцать нет отца, нет друзей. Когда вы читаете запись: «Номер тринадцать умер», это не поражает вас, это не огорчает вас. Но если бы там было написано имя этого человека, это произвело бы на вас совершенно другое впечатление, потому что вы знали этого человека. Вы знаете, что его ждет жена, что его дети станут сиротами, а его старые отец и мать превратятся в нищих.

Давать солдатам номера — очень хитрая стратегия. Номер легко заменить; номером тринадцать станет другой новобранец. Но никто не сможет заменить человека, который был номером тринадцать. Можно заменить номера, но не живых людей. В толпе вы становитесь номером, вы теряете свою самобытность, вы начинаете подражать другим, вы начинаете делать то же, что и все остальные.

Заратустра говорит: «Помните: пока это не *мое* добро, этого недостаточно. Если это не *мое* переживание истины, это всего лишь гипотеза, в которую вы можете верить, но она не может рассеять вашу тьму. Если вы просто верите в свет, ваша темнота не исчезнет. Вам необходим реальный свет, *ваш* свет. Лишь тогда может исчезнуть тьма».

Ни божественного закона, ни человеческого установления не хочу я видеть в добродетели моей; не хочу и того, чтобы стала она для меня путеводителем на небо, в рай. Заратустра бунтовщик, но только бунтовщик и может быть истинно религиозным человеком. Он говорит: «Я не хочу, чтобы она была божественным законом — ибо следовать закону значит потерять свободу. Она должна быть *моим* законом, она должна родиться в моем сознании. Это должно быть цветком моего собственного бытия. Лишь тогда в ней есть красота и свобода».

Он не хочет, чтобы его добродетель привела его в рай - добродетель *сама* есть рай. Тот, кто добродетелен оттого, что желает райских наслаждений — просто жаден. Он не добродетелен — он не знает, что такое добродетель.

Добродетель — награда сама по себе.

Когда вы любите, хотите ли вы еще какой-нибудь награды? Любовь сама по себе награда. Когда вы правдивы, хотите ли вы какой-нибудь награды? Быть правдивым — может ли быть *большая* награда? Но все религии подарили людям ложные идеалы: будь правдивым, будь хорошим, будь моральным, и ты получишь необычайную награду в мире ином. Эти жадные люди стараются быть добродетельными, пытаются быть добрыми, правдивыми — не то, чтобы они любили правду, не то, чтобы они получали удовольствие от добродетели. Они пользуются ими как ступенями лестницы, ведущей к престолу рая.

У меня точно такое же понимание: все подлинное, что рождается в вас — само по себе награда. Не желайте больше ничего. Этого больше чем достаточно. Это такая радость, такое счастье — быть полезным, быть участливым, сострадательным, добрым. Это такая радость — *делиться*, но не давать милостыню.

Заратустра прав, когда он говорит: «Я не дам вам милостыню; я не такой бедняк. Я буду *делиться*, потому что достаточно богат». Только нищие раздают милостыню другим нищим. Более нищие дают милостыню менее нищим; эти более нищие положили глаз на райские наслаждения. Это просто бизнес, они дают не просто так; а давать просто так и *радоваться* этому — это и есть рай.

Предмет любви моей — земная добродетель: в ней мало мудрости и совсем мало смысла, понятного всем. Учителя и проповедники постоянно учат вас, что любовь — это нечто неземное, но Заратустра слишком любит землю. Он нисколько не желает и не воздевает никакого иного мира, и в нем нет никакого страха перед адом. Он хочет, чтобы эта земля была как можно более прекрасной, любящей, божественной, потому что для него материя и дух неотделимы. Материя — это просто сконденсированная энергия. Это форма энергии, а не что-то другое.

Предмет любви моей — земная добродетель... Не думайте, что любовь, красота или истина — цветы, которые не могут расцвести на земле. Они *могут* цвести на земле. Они *всегда* цвели на земле. Сама их жизнь коренится в земле. Именно земля снабжает их всеми соками, всеми оттенками и благоуханием.

Заратустра язычник.

«Но эта птица свила у меня гнездо свое: потому я люблю и ласкаю ее, и теперь золотые яйца высиживает она у меня».

Так должно тебе восхвалять добродетель твою, и пусть будут невнятны слова твои. Очень трудно точно высказать словами необъятное и безграничное переживание любви, добра или красоты. Но не беспокойтесь о том, что вы запинаетесь. Запинайтесь!

Но эта птица свила у меня гнездо свое... Это может быть любовь, это может быть добро, это может быть опыт божественного... но божественное не противоречит земле; божественное также растет на земле. Ибо *эта птица свила у меня гнездо свое: потому я люблю и ласкаю ее.* Меня не интересуют далекие миры — это всего лишь пустые мечты хитрых людей, чтобы эксплуатировать человечество. *Теперь золотые яйца высиживает она у меня.* Когда в вас рождается любовь, это совсем как птица, сидящая на золотых яйцах. Все находится внутри вас, и все принадлежит земле.

Земля — это храм.

На ней растут не только прекрасные цветы, на ней растут не только высокие деревья, но и люди, подобные Заратустре, Гаутаме Будде или Иисусу, тоже рождаются на той же самой земле. Они — гордость земли.

Так должно тебе восхвалять добродетель свою, и пусть будут невнятны слова твои.

Он совершенно неповторим в своем неосуждении земли — напротив, он восхваляет ее.

Она мать всего.

Если бы мы понимали, что земля — мать всего, даже самых великих ценностей, мы обращались бы с землей иначе. Мы разрушили ее. Мы почти совсем отравили ее. Мы нарушили ее экологическое единство. Мы разрушили ее окружение. И сейчас мы готовы полностью уничтожить ее с помощью ядерного оружия. А ведь это источник всего прекрасного, всего великого.

Земля священна.

Больше никто не осмелился сказать правду. Мужество Заратустры велико, и он говорит так, как если бы он был нашим современником. За двадцать пять веков ничего не изменилось — поскольку эти осуждающие землю все еще здесь. Религии, которые против тела, все еще живы. Если Заратустра будет понят, всякое осуждение земли должно смениться глубоким уважением к земле и всему, что растет на земле.

... Так говорил Заратустра.

30 марта 1987 года.

Возлюбленный Ошо,
О ЖИЗНИ И ЛЮБВИ

Что общего у нас с розовым бутоном, трепещущим, когда упадет на него капля росы?

Правда: мы любим жизнь, но не потому, что привыкли к жизни, а потому, что привыкли к любви.

В любви всегда есть какое-то безумие. Но в безумии всегда есть также и определенный метод.

И мне, приемлющему жизнь, кажется, что мотыльки и мыльные пузыри, а также те, кто подобен им среди людей, больше всех знают о счастье.

Вид этих легких, изнеженных и подвижных маленьких душ и зрелище того, как порхают они, доводят Заратустру до песен и слез.

Я поверил бы только в такого Бога, который умеет танцевать.

О ВОЙНЕ И ВОИНАХ

От самых достойных среди врагов своих мы не желаем пощады, а также от тех, кого любим до глубины души. Так позвольте же мне сказать вам правду!..

Собратья по войне! Я люблю вас от всего сердца; я всегда был одним из вас и остаюсь им и теперь. И я же — достойнейший из врагов ваших. Так позвольте мне сказать вам правду!

Будьте такими, чье око всегда ищет врага — своего врага. Не каждый из вас способен на ненависть с первого взгляда.

Своего врага должны вы искать, на своей войне сражаться, за свои убеждения. Если же убеждения, которые вы отстаивали, потерпят поражение, пусть верность ваша торжествует победу свою!

Любите мир как средство к новой войне, и мир короткий — сильнее, чем мир продолжительный.

Не к работе призываю я вас, но к борьбе; не к миру, но к победе. Да будет труд ваш — битвой, а мир ваш — победой!

Только тогда можно молчать и быть невозмутимым, когда есть лук и стрелы: иначе возникают ссоры и пустословие. Да будет мир ваш — победой.

Вы утверждаете, что благая цель освящает даже войну? Я же говорю вам: только благо войны освящает всякую цель.

Война и мужество совершили больше великого, чем милосердие. Не сострадание, а храбрость ваша спасала доньше несчастных...

Так живите жизнью повиновения и войны! Что толку в долгой жизни? Какой воин захочет пощады!

... Так говорил Заратустра.

Заратустра любит жизнь, и любит без всяких условий. В своем отношении к жизни он уникален. И из-за этой уникальности его следует понимать очень безмолвно, тихо, без всяких предубеждений, потому что он говорит против всех ваших предрассудков; его слова противоречат всем вашим религиям; его слова противоречат всем ценностям, которые вы считали великими.

Когда кто-нибудь противоречит всему, во что вы верили, ваш ум прекращает слушать; он

пугается, закрывается, он начинает обороняться. Он боится; возможно, вы были неправы, возможно, этот человек, который противоречит вам, и прав — это ранит ваше эго.

Отсюда первое, что я хочу вам сказать: отложите в сторону свои предрассудки. Это не значит, что вы должны согласиться с Заратустрой; это просто означает: прежде чем согласиться или не согласиться, дайте ему шанс прояснить для вас свою точку зрения. Вы свободны принять или не принять его.

По моему ощущению, если вы сможете выслушать его безмолвно, вы удивитесь: хотя его слова противоречат всем вашим традициям, всем вашим обычаям, всем вашим так называемым великим учителям, тем не менее, в том, что он говорит, содержится нечто чрезвычайно истинное. И в вашей безмолвии эта истина откроется без всякого труда.

Если вы услышите его, то не согласиться с ним почти невозможно, потому что он говорит истину, хотя эта истина идет вразрез с верованиями толпы. Истина всегда противоречит верованиям толпы.

Истина индивидуальна, а толпе нет дела до истины. Ее интересуют утешения; ее интересует комфорт. Толпа не состоит из исследователей, отважных людей, которые идут в неведомое, бесстрашных — рискующих своей жизнью для того, чтобы найти смысл и значение своей жизни и жизни всего существования. Толпа хочет, чтобы ей просто говорили вещи, приятные для слуха, удобные и комфортные; чтобы они могли расслабиться в этой утешительной лжи без всяких усилий со своей стороны.

Это произошло... Последний раз я ездил в свой родной город в 1970 году. Одни из моих старых учителей — мы с ним всегда очень любили друг друга — был при смерти, поэтому я сразу же отправился к нему домой.

В дверях меня встретил его сын. Он сказал мне:

— Пожалуйста, не беспокойте его. Он вот-вот умрет. Он любит вас, он все время помнил о вас, но мы знаем, что само ваше присутствие может лишить его всех его утешений. Не делайте этого сейчас, когда он умирает.

Я сказал:

— Если бы он не умирал, я бы послушался вашего совета — я должен увидеть его. Даже если перед самой смертью он отбросит свою ложь и утешения, его смерть будет более ценной, чем жизнь.

Я отстранил его сына и вошел в дом. Старик открыл глаза, улыбнулся и сказал:

— Я вспоминал тебя, и в то же время боялся. Я слышал, что ты приезжаешь, и подумал, что может быть, перед смертью увижу тебя еще раз. Но в то же время я очень боялся, потому что встреча с тобой может быть опасной!

Я сказал:

— Конечно, она грозит опасностью. Я пришел вовремя. Прежде чем вы умрете, я хочу отнять у вас все ваши утешения. Если вы сможете умереть невинным, смерть будет иметь необычайную ценность. Отложите ваши знания, потому что они заимствованы. Отложите вашего Бога, потому что это только верование и больше ничего. Оставьте идею о всяком рае или аде, потому что это всего лишь ваша жадность и страх. Всю свою жизнь вы цеплялись за все это. Хотя бы перед смертью наберитесь мужества — теперь вам больше нечего терять!

Умиравшему нечего терять: смерть приходит и разрушает все. Было бы лучше, если бы вы своими руками выбросили все свои утешения и умерли невинным, полным любопытства и вопрошания; ведь смерть — это высшее переживание в жизни. Это самое ее крещендо. Старик сказал:

— Ну вот, ты требуешь от меня как раз того, чего я боялся. Всю свою жизнь я молился Богу, и я знаю, что это всего лишь гипотеза — я никогда не переживал его. Я молился небесам, и я

знаю, что ни на одну молитву не было ответа — там нет никого, чтобы отвечать. Но это утешало в жизненных страданиях, в беспокойстве жизни. Что еще остается делать беспомощному человеку?

Я сказал:

— Теперь вы больше не беспомощны; теперь не стоит вопрос о каком-то беспокойстве, страданиях, проблемах; все это относится к жизни. Теперь жизнь ускользает из ваших рук, возможно, всего несколько минут вы еще помедлите здесь, на этом берегу. Наберитесь мужества! Не встречайте смерть трусом!

Он закрыл глаза и сказал:

— Я сделаю все, что в моих силах.

Собралась вся его семья; они все были злы на меня. Они были высшей кастой браминов, они были очень ортодоксальны и не могли поверить, что старик согласился со мной. Смерть — это такой удар, что она разрушила все его обманы.

Пока вы живете, вы можете все время верить в ложь; но когда вы умираете, вы прекрасно понимаете, что бумажные кораблики не помогут вам в океане. Лучше уж знать, что вам придется плыть, и у вас нет никакой лодки. Цепляться за бумажные кораблики опасно, это может помешать вам плыть. Вместо того чтобы доставить вас на дальний берег, они могут потопить вас.

Они злились, но не могли ничего сказать. А старик улыбнулся с закрытыми глазами и сказал:

— Жаль, что я никогда не слушал тебя. Я чувствую такую легкость, такую свободу. Мне совершенно не страшно; и не только не страшно: мне интересно умереть, чтобы понять, в чем тайна смерти.

Он умер с улыбкой на лице. Он умер не как верблюд; он умер как ребенок. За эти несколько минут, так быстро, были сделаны все шаги от верблюда ко льву и ото льва к ребенку. Дело не во времени.

Преращения, о которых говорит Заратустра, — это вопрос напряженного понимания. Вслушайтесь в его слова, потому что это не обычные слова: это слова человека, который знает самые корни жизни, человека без компромиссов, человека, не приемлющего никакой лжи, как бы удобна и утешительна она ни была.

Эти слова — слова души, познавшей свободу. Эти слова подобны рыку льва. И эти же слова — заикание ребенка, совершенно невинного. Эти слова происходят не из знаний, они исходят не из головы — они исходят прямо из его бытия.

Если вы сможете выслушать их в тишине и с глубоким сочувствием, вступите с ними в некую связь — только тогда у вас появится возможность понять этого странного человека, Заратустру.

Легко понять Иисуса; легко понять Гаутаму Будду. Гораздо труднее понять Заратустру, ибо никто не говорил так, как он. Никто не мог говорить так, как он, потому что все они искали последователей.

Он не искал последователей. Он искал товарищей, друзей, попутчиков. Он не искал верующих: он ничего не говорит только для того, чтобы понравиться вам, ничего такого, что подходило бы вашему предубежденному уму. Он скажет лишь то, что истинно с точки зрения его опыта. Даже если никто не согласится с ним; даже если ему придется идти одному и он не найдет никаких товарищей и попутчиков, он все же будет говорить только правду и ничего кроме правды.

Что общего у нас с розовым бутонем, трепещущим, когда упадет на него капля росы? Видели ли вы ранним утром розовый бутон и росинку на нем, сияющую в мягких лучах солнца,

почти как жемчуг... как розовый бутон танцует на ветру?

Он спрашивает: *Что общего у нас с розовым бутонем, трепещущим, когда упадет на него капля росы?* В этом нет никакого смысла, никакой цели в том понимании, какое имеет это слово в миру. Но розовый бутон исполнен необычайной радости — росинка, восходящее солнце и утренний ветер... Это драгоценное мгновение — это мгновение танца.

Этот танец не принесет денег; этот танец не принесет славы; этот танец не принесет розе уважения. Этот танец не для того, чтобы кто-то на него смотрел; никто не ждет аудитории, которая будет аплодировать. Этот танец ценен сам по себе; это радость, бесцельная, ни для чего не предназначенная. Это не товар.

Это то общее, что есть у нас с розовым бутонем. Мы тоже должны наслаждаться моментом. Мы тоже должны танцевать на солнце, на ветру, под дождем. И танец сам по себе награда. Вы не должны спрашивать: «Зачем?» Мы забыли все внутренние ценности, и Заратустра напоминает нам, что эти ценности — не снаружи, что эти ценности внутренне нам присущи.

Когда я учился в университете, я обычно вставал рано, в три часа утра. Университет был окружен горами, и в три часа ночи дороги были пусты, не было никакого движения. Я обычно пробегал несколько миль.

Мало-помалу студенты начали спрашивать:

— С какой целью ты это делаешь?

Я сказал:

— Цель? Это такое удовольствие, когда тебя обдувает ветер тихой ночью, полной звезд, и на дороге нет никаких машин; деревья по обе стороны дороги крепко спят. Это сказочная страна, и танцевать на ветру...

Некоторые из них заинтересовались, просто из любопытства: «Как-нибудь мы тоже попробуем».

Постепенно образовалась группа почти из двух дюжин студентов, которые тоже начали танцевать на дорогах.

Директор университетского буфета вызвал меня и сказал:

— Я не буду брать с вас денег за еду, за молоко, за чай - и даже с ваших гостей. Но прекратите то, что вы начали! Эти двадцать парней обычно съедали две, от силы три лепешки, а теперь они едят по двадцать. Вы прикончите меня; я всего лишь бедный подрядчик: а теперь эти двадцать студентов съедают почти столько, сколько могли бы съесть двести. Сжальтесь надо мной.

Я сказал:

— Мне очень трудно помешать им, потому что они распробовали это удовольствие. Он сказал:

— Нужно что-то делать, иначе я разорюсь. Подумайте о моих детях, моей жене, стариках-родителях. Я сказал:

— Придется нам пойти к вице-канцлеру, потому что я не могу запретить им. Их число на самом деле растет, поскольку они всем рассказывают эту новость: «Мы были идиотами, тратя самое важное время на сон; а танцевать под звездами на раннем утреннем ветерке так прекрасно, мы никогда не знали такого экстатического переживания. Здоровье — всего лишь следствие. Мы чувствуем, что наш разум становится острее, но это тоже вторично. Мы совершаем этот утренний танец в темноте не для того, чтобы обострить интеллект или усовершенствовать тело, сделать его более атлетичным».

Мне пришлось объяснить вице-канцлеру, что этот несчастный подрядчик в затруднении, и он должен позаботиться о том, чтобы ему выделили достаточно средств; ведь этих танцующих студентов вскоре будет больше двадцати!

Вице-канцлер сказал:

— Но это будет непросто. Если вы обратите весь университет, разорится не только этот подрядчик, разорится весь университет. Двадцать лепешек на каждого студента!

Я сказал:

— Но что я могу поделаться? Он спросил:

— А какова цель всего этого? Я сказал:

— Это бесцельная деятельность; приходите как-нибудь. Он сказал:

— Хорошо, завтра приду. И подрядчику я тоже сказал:

— И вы приходите.

Оба они присоединились к нам и сказали:

— Господи, это действительно прекрасно. Эта тишина, эти звезды, никаких машин, никакого страха, что кто-то смотрит на тебя... Можно просто танцевать как маленький ребенок!

Вице-канцлер сказал подрядчику:

— Я приму меры. Вы не понесете убытков, не волнуйтесь. Я понимаю, что тем, кто попробовал это, нельзя помешать.

С тех пор вице-канцлер иногда присоединялся к нам. А когда вице-канцлер и несколько профессоров присоединились к нам, это стало престижным.

Когда шел дождь, я обычно ходил по пустынным улицам; и вскоре несколько человек без зонтиков стали ходить вместе со мной — просто наслаждаясь дождем.

Вице-канцлер сказал мне:

— Ну вот, теперь вы создаете еще больше неприятностей. Скоро ко мне придет еще и работник из прачечной. Откуда вы берете эти идеи? Дожди идут каждый год. Я здесь десять лет, и до вас никто не ходил под дождем; и вы распространяете мысль, что ходить под дождем — такое экстатическое переживание. Я сказал: — Приходите как-нибудь.

Он сказал:

— Вы великий торговец! Я не собираюсь приходить, потому что я знаю, что вы правы. Однако он пришел. Я спросил:

— Что случилось?

— Я не мог побороть искушение: а вдруг я что-то теряю? За всю свою жизнь я ни разу не был под дождем, тучами, молнией.

Он был стар, но получил огромное удовольствие. Он обнял меня, привел к себе домой и сказал:

— Вы слегка сумасшедший, в этом нет сомнения; но в ваших идеях что-то есть. Но пожалуйста, не распространяйте эту идею в университете; иначе все студенты покинут классы и уйдут под дождь.

Это было так прекрасно, потому что университет со всех сторон был окружен холмами, высокими деревьями, и там не было никакого движения. Он находился за городом, и танцевать на ветру под дождем...

В жизни нет никакой причины.

Это то общее, что есть у нас с розовым бутонем. Гаутама Будда не скажет это; не скажут ни Махавира, ни Иисус, ни Моисей. Все они дадут вам причины, цели, назначения; ведь это привлекательно для вашего ума.

Правда: мы любим жизнь, но не потому, что привыкли к жизни, — не просто по привычке, — а потому, что привыкли к любви.

Это уточнение нужно запомнить. Мы любим жизнь не потому, что мы привыкли жить. Вы не можете сказать: «Я прожил семьдесят лет, теперь это старая привычка — вот почему я продолжаю жить, вот почему я хочу жить и дальше, поскольку очень трудно бросить старую

привычку».

Нет, жизнь — не привычка. Вы любите жизнь не потому, что приучились жить, *а потому, что привыкли к любви.*

Без жизни не было бы никакой любви. Жизнь — это возможность: почва, на которой расцветают розы любви.

Любовь ценна сама по себе; у нее нет цели; в ней нет смысла. Она необычайно важна; это великая радость; это само по себе великий экстаз — но во всем этом нет никакого смысла. Любовь — не бизнес, где есть цели, назначения, причины.

В любви всегда есть какое-то безумие. Что это за безумие? Безумие в том, что вы не можете объяснить, почему вы любите. Вы не можете сказать о своей любви ничего резонного.

Вы можете сказать, что занимаетесь определенным делом потому, что вам нужны деньги; вам нужны деньги потому, что вам нужен дом; вам нужен дом, потому что как же жить без дома? В обычной жизни у всего есть какая-нибудь цель, но любовь — вы не можете дать никаких объяснений. Все, что вы можете сказать: «Я не знаю. Все, что я знаю — это то, что любить — значит открыть самое прекрасное в себе самом». Но это не цель. Это не в мозге. Это пространство нельзя превратить в товар. Это пространство — снова розовый бутон с каплей росы наверху, сияющей, словно жемчуг. И под утренним солнцем, на утреннем ветерке, роза танцует.

Любовь — танец вашей жизни.

Поэтому те, кто не узнал любви, упустили танец жизни; они упустили возможность вырастить розы. Вот почему мирскому уму, расчетливому уму, уму-компьютеру, математику, экономисту, политику любовь кажется безумием.

В любви всегда есть какое-то безумие. Но в безумии всегда есть также и определенный метод.

Эти слова так прекрасны, так замечательны. Другим, тем, кто не испытал ее, любовь кажется безумием. Но для того, кто знает любовь, это — единственная норма. Без любви человек может быть богатым, здоровым, знаменитым; но он не может быть нормальным, потому что он ничего не знает о внутренних ценностях. Нормальность — не что иное, как благоухание роз, цветущих в вашем сердце. Это огромное прозрение Заратустры, когда он говорит: «Но в этом безумии, которое известно как любовь, всегда есть определенный метод, это не обычное безумие».

Любящим не нужно лечиться у психиатра. У любви свой собственный метод. В действительности, любовь — величайшая целительная сила в жизни. Тот, кто упустил ее, остается пустым, неосуществившимся. В обычном безумии нет никакого метода, но в безумии, называемом любовью, есть определенная разумность. Что это за разумность? Она делает вас радостным, она делает вашу жизнь песней, она приносит вам необычайное изящество.

Вы замечали? Когда кто-нибудь влюбляется, ему не нужно объявлять об этом. Вы можете увидеть, что в его глазах появилась новая глубина. Вы можете заметить в его лице новое изящество, новую красоту. В его походке вы можете увидеть тонкий танец. Он остался тем же человеком, и все же он не тот же самый человек. В его жизнь вошла любовь, в его бытие вошла весна, в его душе расцвели цветы.

Любовь производит немедленные превращения.

Человек, который не может любить, не может также быть разумным, не может быть изящным, не может быть красивым. Его жизнь будет просто трагедией.

И мне, любящему жизнь, кажется, что мотыльки и мыльные пузыри, а также те, кто подобен им среди людей, больше всех знают о счастье.

Это сильно заденет вас, если вы не отложите в сторону свои предрассудки, потому что все

религиозные учителя говорили вам: «Ваша жизнь тщетна, ибо это не что иное, как мыльный пузырь. Сегодня она есть, завтра ее нет. Жизнь в этом мире, в этом теле не имеет никакой ценности, потому что она преходяща. Единственная ее польза в том, что вы можете отречься от нее. Отрекаясь, вы можете приобрести в глазах Бога добродетель».

Странная идеология! Но она веками господствовала над человеческим умом без всяких попыток опровержения. Особенно на Востоке: мир иллюзорен, и почему он иллюзорен? — потому, что он меняется; все, что меняется, бесполезно, недостойно. Лишь вечное, то, что всегда остается одинаковым, значительно. Но в мире вы не найдете ничего такого, что всегда оставалось бы одинаковым.

Естественно, люди, подобные Ади Шанкаре, который больше всего повлиял на Индию — все индуистские монахи, которых вы встретите в Индии, последователи Шанкары... Весь его метод базируется на утверждении, что этот мир - иллюзия, потому что он не вечен. «Ищите вечное и отвергайте невечное». В большей или меньшей степени это относится ко всем религиям мира.

Ницше вслед за Заратустрой — единственный из современников, кто задал этот великий вопрос: что идея вечного может быть только идеей, потому что нет ничего вечного. Изменяется все, кроме изменения — если вы не хотите, чтобы изменение стало богом, поскольку это единственная вечная вещь в мире. Вы не сможете найти больше ничего, что хотя бы отдаленно напоминало вечного Бога.

Заратустра очень необычен. Его прозрение чисто и ясно. Он говорит: *любящему жизнь*, потому что жизнь изменчива. Это постоянное движение, поток. Когда вы пришли сюда, в аудиторию Чжуан-цзы, вы были одним человеком; когда вы уйдете отсюда, вы будете другим человеком. Вы только кажетесь тем же. За эти два часа в вас изменилось так много. Это подобно тому, как в Ганге за два часа утекает много воды, на целые мили. Хотя она и кажется той же самой, все же это не та вода, которая была здесь двумя часами раньше.

Гераклит согласился бы с Заратустрой, но он не подозревал о его существовании. Он единственный западный философ, который говорит, что жизнь — это поток, река. И вы не можете дважды вступить в ту же реку — потому что она не будет той же.

И мне, любящему жизнь, кажется, что мотыльки и мыльные пузыри, а также те, кто подобен им среди людей, больше всех знают о счастье.

О счастье больше всех знает тот, кто тесно связан с изменчивой жизнью, кто может любить даже мыльные пузыри, сияющие на солнце и создающие маленькие радуги. Это люди, которым известно наивысшее счастье.

Ваши святые знают одно несчастье — только посмотрите на их лица. Кажется, что жизнь исчезла из них — они мертвые ископаемые. В них ничто не меняется; они живут ритуалами и осуждают все, что меняется.

Почему осуждается удовольствие? — Потому что оно изменчиво. Почему осуждается любовь? — Потому что она изменчива. Почему эти религии вместо любви создали брак? Потому что брак может дать хотя бы иллюзию постоянства — с помощью закона, обычаев, общества, страха потерять уважение, страха перед тем, что будет с детьми. Так что им удалось сделать брак чем-то постоянным. Вот почему все религии против развода, ведь развод показывает, что и брак непостоянен — и он может меняться.

Тысячи лет женили маленьких детей. Описаны случаи, когда женили детей, которые еще не родились, которые находились еще в утробе матери. Две семьи договаривались: если один ребенок будет мальчиком, а другой — девочкой, то брак состоялся. Даже сейчас в Индии женят семилетних, восьмилетних детей, хотя это противозаконно. Но это не противоречит обычаям. Зачем так спешить поженить детей, которые еще даже не понимают, что такое брак, что

происходит? Причина вот такая: прежде чем они вырастут, и в их сердцах проснется любовь, брак уже готов. Так что когда в его сердце рождается любовь, у него уже есть жена — а у жены уже есть муж. Детские браки распространены во всем мире как раз для того, чтобы уничтожить любовь.

Не случайно брак рождает в мире больше несчастий, чем что-либо другое, поскольку он уничтожает единственную возможность счастья — любовь. Сердце никогда не танцует; люди живут и умирают, не зная любви. Рождение не в вашей власти; смерть не в вашей власти. Только любовь была вашей свободой; но общество уничтожило и это.

Есть только три вещи, способные стать главными событиями вашей жизни: рождение, любовь и смерть. Вы не можете распоряжаться рождением — своим собственным рождением; никто вас не спрашивает, просто в один прекрасный день вы обнаруживаете, что родились. И то же самое смерть — она тоже не спрашивает: «Ты готов? Завтра я приду». Никаких предупреждений; просто она вдруг приходит, и вы мертвы.

Свободна лишь любовь, которая находится между ними. Но и ее общество постаралось отобрать у вас, чтобы вся ваша жизнь превратилась в механическую рутину.

Вид этих легких, глупых, изнеженных и подвижных маленьких душ и зрелище того, как порхают они, доводят Заратустру до песен и слез.

Он говорит, что вид мыльных пузырей, бабочек, розовых бутонов, танцующих на ветру — наблюдая эту легкость, несерьезность, вы даже могли бы назвать их глупыми, изнеженными, порхающими маленькими душами — что это доводит Заратустру до песен и слез. Это слезы радости оттого, что жизнь настолько жива, что она не может быть постоянной, вечной — только мертвое может быть постоянным. Чем более живо нечто, тем сильнее оно изменяется. Эта изменчивая жизнь вокруг дает Заратустре слезы радости и песни.

И затем он произносит свои центральные слова: *Я поверил бы только в такого Бога, который умеет танцевать.* Ему не нужно больше никаких аргументов; ему не нужно больше никаких доказательств, никаких подтверждений. Он только хочет знать: может ли ваш Бог танцевать? Может ли ваш Бог любить? Может ли ваш Бог петь? Может ли ваш Бог гоняться за бабочками? Может ли ваш Бог собирать полевые цветы и радоваться до слез и петь? Такого Бога он готов принять, ибо такой Бог будет по-настоящему представлять жизнь, ибо такой Бог — не что иное, как сама жизнь.

Следующие высказывания переварить еще труднее. Для этого нужно хорошее пищеварение!

Заратустра для сильных. Он не защитник слабых и бессильных. Он не считает достоинством смирение, кротость. В его представлении, необычайно значительном, достоинство — не в этом, но в том, чтобы быть сильным, гордиться своей сутью, иметь достоинство, свободу, качества льва, качества ребенка... но ни в коем случае не качества вьючного животного. Он не певец терпения верблюда. Он против тех, кто с готовностью идет в рабство.

От самых достойных среди врагов своих мы не желаем пощады, а также от тех, кого любим до глубины души. Так позвольте же мне сказать вам правду!

Собратья по войне! Я люблю вас от всего сердца; я всегда был одним из вас и остаюсь им и теперь. И я же — достойнейший из врагов ваших. Так позвольте мне сказать вам правду!..

Будьте такими, чье око всегда ищет врага — своего врага.

Это и мой опыт: когда вы ищете друга, не нужно большой осмотрительности — подойдет любой. Но когда вы выбираете своего врага, вы должны быть очень осмотрительны; враг должен обладать наилучшими качествами, потому что вы будете с ним бороться. А когда вы с кем-то сражаетесь, вы мало-помалу становитесь в точности таким же, как ваш враг.

Всегда правильно выбирайте врага; иначе, даже если вы одержите победу, вы проиграете, потому что вам придется научиться стратегии и хитростям вашего врага — в противном случае

вы не сможете с ним бороться.

Выбирайте мудрого врага, чтобы для борьбы с ним вам потребовалась мудрость. Выбирайте разумного врага, поскольку для борьбы с ним вы должны быть разумны. Выбирая врага, хорошенько запомните: сражаясь с ним, вы станете на него похожи. Победите вы или проиграете — это вторично. Вашей главной заботой должен быть выбор верного врага.

Без врага у вас не будет вызова. Это кажется очень необычным, поскольку все религии, все так называемые философии учили вас: «Не имейте врагов». Но это отнимает у вас всякий вызов расти, вызов стать сильнее, быть великим в войне, стать умнее, внимательнее к возможностям.

Заратустра не против войны; в этом он отличается от Гаутамы Будды и Махавиры. Нелишне напомнить вам, что именно после Махавиры и Гаутамы Будды, двух великих учителей, учителей высшей пробы, в Индии начался упадок. Должно было быть наоборот. После Будды и Махавиры Индия должна была подняться выше — это было бы логично; кажется очень нелогичным, что закат Индии начался с Гаутамы Будды и Махавиры.

Индийцы стали настолько трусливы, что не могут даже посмотреть назад: что же было причиной упадка Индии. Во времена Гаутамы Будды Индия была известна всему миру как Золотая Птица. Она была так богата, так разумна, так цивилизованна, так культурна — а Запад все еще был на стадии варварства.

Что случилось? Внезапно в Индии начался упадок. Если вы выслушаете Заратустру, вы сможете понять причину. И Гаутама Будда, и Махавира учили Индию ненасилию — не война, но мир. Но мир — очень тонкое явление. Он устраивает их не потому, что они поняли Гаутаму Будду или Махавиру, но потому, что это прекрасное прикрытие их трусости.

Миролюбие — прекрасное слово для прикрытия вашего бессилия.

Невоинственность показалась хорошей защитой, и в конечном итоге мелкие племена варваров, отстающие от Индии на тысячи лет, завоевывали ее — вырезали людей, насиловали женщин, жгли города. У Индии было утешение: мы мирные люди, мы ненасильственны, мы не можем воевать. Индия находилась в рабстве две тысячи лет, и не у одной страны, а у многих. Любой желающий мог без труда завоевать Индию.

Чтобы такая огромная страна оставалась в рабстве две тысячи лет — это беспрецедентное явление в мировой истории. Не было никакого сопротивления; люди вели себя как верблюды, описанные Заратустрой. Они наклонялись и просили себя навьючить, и чувствовали величайшее счастье, когда несли самую тяжелую поклажу. Верблюд, тащивший самую тяжелую ношу, становился героем. Индия обеднела; она потеряла мужество.

Заратустру нужно понять очень глубоко: он не говорит, что вы должны быть насильственны, он не говорит, что вы должны убивать, и он не говорит, что вы должны разрушать. Это неверное понимание. Такое непонимание произошло в случае с Адольфом Гитлером. Именно из этих строк родилась вторая мировая война, но Адольф Гитлер не смог понять тонкий и скрытый смысл Заратустры.

Заратустра говорит, что вам не обязательно быть агрессивным, вам не нужно быть разрушителем, но вы всегда должны быть наготове. Если вы хотите мира, лук и стрелы должны быть у вас под рукой.

Он не говорит, чтобы вы начали убивать. Он говорит, что в самом худшем случае, нельзя позволить врагу убить вас, изнасиловать вашу женщину, разорить вашу собственность, унижить достоинство, сделать вас рабом.

Собратья по войне! Я люблю вас от всего сердца; я всегда был одним из вас и остаюсь им теперь.

Если действительно хочешь быть ненасильственным, нужно быть воином, нужно быть самураем, нужно знать искусство владения мечом и стрельбы из лука — не для того, чтобы кого-

то убивать, но лишь для того, чтобы защищать свое достоинство, свою свободу; это такая простая логика.

Но Индия даже сейчас не понимает этого. Никто не винит нашу идеологию ненасилия за то, что она сделала нас слабыми, незащитными, уязвимыми. Она отняла у нас всю силу и могущество, чтобы противостоять тем, кто хочет обратить нас в рабство.

И я же — достойнейший из врагов ваших. Это предложение внесет ясность. С одной стороны, он говорит:

Собратья по войне! Я люблю вас от всего сердца; я всегда был одним из вас и остаюсь им теперь. Я воин, и все же я хочу сказать вам: *И я же — достойнейший из врагов ваших*, потому что я не агрессивен. Помните: я воин. Чтобы разделить эти понятия, нужно быть неагрессивным воином; лишь тогда ты можешь защитить свое достоинство и свободу.

Так позвольте мне сказать вам правду!..

Будьте такими, чье око всегда ищет врага... Вы всегда должны быть наготове, как если бы вы искали врага — *своего врага.* Не каждый из вас способен на ненависть с первого взгляда.

Сначала в вашей воинственности будет некоторый оттенок ненависти, но это от вашей слабости. Нужно быть воином без всякой ненависти. Нужно быть воином просто как в спорте, игре, со спортивным духом — сражаться не из ненависти, но из чистого удовольствия. Вызов не должен остаться без ответа.

Своего врага должны вы искать, на своей войне сражаться, за свои убеждения. И это не только обычная война, на которой сражаются армии; вы должны также искать своего врага по убеждениям.

Я объездил весь мир, бросая вызов всевозможным предрассудкам, бросая вызов всевозможным убеждениям, которые, по-моему, не что иное, как ложь — древняя ложь. Но из мира совершенно исчезли воины; никто не принимает вызов. Напротив, они закрывают двери своей страны, они не пускают меня — они трусы.

Я приехал к ним в страну — один. За спиной их церкви вся страна, с армией и всем вооружением. Я пришел с пустыми руками, у меня есть только мое понимание истины, и я хочу побеседовать с людьми, которые управляли этими странами тысячи лет. Но они настолько трусливы, что вместо того, чтобы принять мой вызов, оказывают давление на правительства, на свои парламенты, чтобы те издали законы, запрещающие мне въезд в их страну.

В прошлом было не так — особенно здесь. Мистики ходили по всей стране, вызывая на публичный спор всех, кто имел противоположные убеждения. И в этих дискуссиях не было ни малейшей ненависти, они были полны почтения, уважения друг к другу. Они предназначались не для того, чтобы доказывать, что я прав, а ты нет. Нет, это был поиск, совместный, того, что же такое истина.

Истина не моя и не может быть вашей.

Но возможно, мое мнение ближе к истине, а ваше дальше; или ваше мнение может быть ближе к истине, а мое дальше.

Эти дискуссии, проходившие по всей стране, поднимали уровень сознания и понимания людей. Люди слушали, как их великие мыслители сражаются друг с другом при помощи тонкой логики. Все это окружалось атмосферой свободы выражения, свободы убеждать других или быть убежденным другими. Это действительно настоящая война: война убеждений. Война армий безобразна, животна; но война между убеждениями, философиями, религиями возвышает все человечество. Но люди настолько обессилели во всех отношениях, что если вы скажете что-либо противоречащее чьим-нибудь предрассудкам, на вас немедленно подадут в суд. Они не придут ко мне; они пойдут в суд: «Мое религиозное чувство оскорблено».

По всей стране почти постоянно ведется, по крайней мере, дюжина процессов против меня.

Как раз сейчас в Канпуре против меня начали судебное дело — целых десять христианских ассоциаций, — что я оскорбил их чувства, потому что как-то сказал: «Библия — порнографическая книга».

Да, эти люди не понимают, что в суде они будут казаться идиотами. В Библии есть пятьсот страниц, не меньше, которые порнографичны. Я посылаю эти пятьсот страниц своему адвокату, так что нет нужды спорить. Он может просто предъявить эти страницы и спросить: «Порнография это или нет?» Если они не порнографичны, то ничто другое не может быть порнографией, а если они порнографичны, то Святая Библия — самая несвятая в мире книга и она должна быть запрещена во всех странах.

И это касается не только Библии, то же самое касается индуистских Пуран — они совершенно безобразны, непристойны. К счастью, их никто не читает. Но мне не так повезло! Сейчас не лучшее время для интеллектуального роста человечества. Если любое высказывание оскорбляет ваши религиозные чувства, загляните сначала в свои религиозные книги — не я оскорбляю ваши религиозные чувства, а ваша Библия. Я просто цитирую Библию. Христианам следовало бы сжечь Библию, поскольку она оскорбляет их религиозные чувства.

Если ваши религиозные чувства задеты, это показывает только слабость. Вы должны иметь достаточно смелости, чтобы спорить. Им следовало бы писать против меня статьи, но они не могут, поскольку знают, что в Библии есть порнографические отрывки. Им следовало бы вызвать меня на публичную дискуссию; и я готов к публичной дискуссии в Канпуре — в их церквях.

Для меня это совсем не проблема — я просто открываю их же Библию... наугад, я могу открыть и прочесть. Необязательно помнить номера страниц — она вся пронизана порнографией. Но скажешь что-нибудь, может быть, даже Чистую правду, и они тут же идут в суд. Ну что за верблюды? Они хотят, чтобы их поддерживал закон, у них нет никакой логики, которая бы их поддерживала. В суд идут только тогда, когда не могут защитить себя разумом.

Я говорил всю жизнь. Меня никогда не слушали. И против меня так много написано — лжи и обвинений без всякого основания. Но я не обращался ни в какой суд; я сам могу ответить этим людям. Если кто-то подает на меня в суд, я ставлю себе цель покрепче и почаще бить его, пока он полностью не затихнет.

Мир нуждается в воинах разума, и если ваше мнение побеждено, ваша честность все равно должна праздновать триумф. Даже если ваши убеждения разбиты, не волнуйтесь — по крайней мере, ваша честность будет вашей победой.

Любите мир как средство к новой войне. Не нужно становиться пацифистом, потому что стать пацифистом — значит стать жертвой тех, кто не верит в пацифизм. Любите мир, но всегда будьте готовы к новой войне. Быть может, этой войны и не будет, но вы не должны ослаблять тетиву своего лука и забывать о стрелах. Ваш меч не должен пылиться. Вы всегда должны быть готовы к войне, обычной или интеллектуальной; но вы должны быть наготове. Сама эта готовность придаст вам красоту и изящество.

И мир короткий — сильнее, чем мир продолжительный. Чем дольше мир, тем больше расслабляешься, тем больше думаешь, что войны больше не будет. Нужно осознавать, что война может начаться в любой момент и на любом уровне.

Не к работе призываю я вас, но к битве; не к миру, но к победе. Да будет труд ваш — битвой, а мир ваш — победой!

Только тогда можно молчать и быть невозмутимым, когда есть лук и стрелы: иначе возникают ссоры и пустословие. Да будет мир ваш — победой!

Вы утверждаете, что благая цель освящает даже войну?

Да, прозрения Заратустры поистине велики.

Вы утверждаете, что благая цель освящает даже войну? Я же говорю вам: только благо войны освящает всякую цель.

Коммунизм, демократия, христианство, ислам, индуизм, Бог — все эти «благие цели», за которые люди воевали тысячи лет, вовсе не являются благими.

Но Заратустра говорит, что не благая цель делает войну священной, делает ее крестовым походом; наоборот, именно хорошая война, война, которая сама по себе является искусством, освящает всякую цель.

В действительности, я против ядерного оружия, атомного оружия, бомб, потому что они безобразны; они не делают людей воинами. Ядерная ракета может уничтожить целую страну — без всякой борьбы. Нам следовало бы выбросить все это оружие в Атлантический океан. Нам следовало бы вернуться к мечам и учить людей искусству владения мечом. Нам следовало бы вернуться к луку и стрелам, потому что они придают человеку достоинство, красоту атлета; и они не разрушительны.

Не раз наблюдалось, особенно в Японии, где искусствам владения мечом и луком обучали вместе с медитацией, что если два человека, владеющих глубокой медитацией, сражаются на мечах, они могут сражаться часами — и ни один не будет убит. У них одинаково развита интуиция. Прежде чем другой атакует, ваш меч будет наготове, защищая вас.

В японской истории не раз бывало, что в сражении на мечах между двумя одинаково медитирующими воинами никому не удавалось победить; побеждали оба, поскольку оба показали искусство и чутье; и то же самое происходило с лучниками.

Это человеческое оружие, потому что оно возвышает вас. Бомбы — ядерные, атомные и другие — может сбросить даже самолет без пилота; это может быть самолет с дистанционным управлением. Этот самолет прилетит к цели, сбросит бомбы и вернется в свой аэропорт. Это не война: это насилие в чистом виде; это самоубийство, которого следует избегать.

Не нужно запрещать войн: мы должны запретить гонку вооружений. Война как таковая — искусство, как всякой другое: живопись, музыка, танец, архитектура; точно так же — искусство лучника, владения мечом, борьба.

Если на земле воцарится мир — не будет битв, войны, вызова — люди превратятся в пигмеев; тогда превращения невозможны. Верблюды станут еще уродливее и начисто забудут, что у них есть возможность превратиться во львов.

Война и мужество совершили больше великого, чем милосердие.

Как и Заратустра, я ненавижу милосердие, потому что сама идея милосердия уродлива; она унижает людей. Но христианство так выпятило его, что даже другие религии, которые никогда о нем не заботились, последовали его примеру. Им пришлось сделать это, потому что милосердие, благотворительность стали почти эквивалентом религиозности.

Но милосердие не создало в мире ничего великого, это правда. Сколько сирот матери Терезы оказались гениальными? Сколько сирот стали музыкантами? Сколько сирот выросли учеными? Сколько сирот хоть в каком-нибудь отношении проявили свое достоинство? Достоинство у них отняли с самого начала. Они сироты; в них убили дух. Лучше не иметь сирот, чем иметь милосердие. Можно обойтись без сирот; сирот иметь не обязательно. Можно обойтись без бедности; нет никакой необходимости давать бедным подавание. Сначала вы создаете нищих, а потом дарите им милосердие; это такой великий обман. Все богатейшие люди в мире содержат собственные благотворительные фонды и общества. С одной стороны, они эксплуатируют людей; иначе, откуда берется их сверхбогатство?

Например, вы, наверное, никогда не задумывались вот о чем: Нобелевская премия дается тем, кто служит миру, служит бедным, кто делает великие открытия в литературе или науке — и каждая премия насчитывает почти четверть миллиона долларов. Но знаете ли вы, откуда взялись

эти деньги? Человек, в честь которого названа Нобелевская премия, заработал все эти деньги на производстве оружия во время первой мировой войны. Он был крупнейшим военным промышленником в мире. Его оружием были убиты миллионы людей. И на накопленные деньги он создал общество, благотворительное, и теперь все Нобелевские премии каждый год выплачиваются из одних только процентов. Начальный капитал остается в банке, только проценты... и никого не тревожит, что эти деньги пропитаны кровью. И имя Нобеля стало одним из величайших имен в истории.

Милосердие — странная игра: сначала вы делаете людей калеками, а потом помогаете им. Сначала вы разрушаете их среду, экологию, а потом от тех же людей, которые нарушили экологию Земли, поступают деньги на благотворительность.

Папа все время выступает против контроля рождаемости. Но большинство детей рождается именно у бедных; у богатых людей не рождается много детей, потому что у них в жизни есть другие удовольствия. Бедному человеку некуда пойти, когда он возвращается домой — чтобы пойти на дискотеку, в ресторан или кино, нужны деньги. Только секс — бесплатное развлечение. Он делает детей дюжинами. Папа постоянно говорит людям, что предохраняться — значит идти против Бога; и вот бедность увеличивается; и тогда нужна благотворительность; бедняки не могут обеспечивать семью... Они оставляют детей на улице. Все сироты матери Терезы найдены на улицах Калькутты. Люди просто бросают своих детей на улице — даже однодневных младенцев.

Семьдесят сестер матери Терезы, сестер милосердия, постоянно подбирают этих младенцев. Мать Тереза ездит по всему миру, собирая деньги на воспитание этих сирот. А потом эти сироты нарожают еще больше детей — странные игры.

Бедность можно предотвратить. Все, что требует милосердия, *нужно* предотвратить: благотворительность - уродливая идея.

Другое дело, когда человек делится.

Вы делитесь с равными.

Благотворительность подразумевает унижение другого человека.

Заратустра прав: *Война и мужество совершили больше великого, чем милосердие. Не сострадание, а храбрость ваша спасала доньине несчастных...*

Так живите жизнью повиновения и войны! Что толку в долгой жизни! Какой воин захочет пощады!

Долгая жизнь — не цель. Даже если ваша жизнь коротка, проживите ее во всей полноте, со всей интенсивностью - сделайте ее песней, сделайте ее танцем. Длина жизни сама по себе совершенно ничего не значит. Глубина жизни имеет внутреннюю ценность.

Эти положения расходятся с вашими предрассудками. Сначала вам придется понять их, пока ваши предрассудки не начали искажать их, вмешиваться, менять их оттенок, интерпретировать. Сдержите свои предрассудки; сначала попытайтесь понять, что он имеет в виду. И если вы поймете, вы не будете думать, что он за войну. Он не сторонник насилия, он не сторонник разрушения.

Но он не хочет, чтобы человек потерял качества воина. Он не хочет, чтобы люди стали трусами. Он не хочет, чтобы люди разучились принимать вызов жизни, будь это война армий или война убеждений.

Человек должен быть всегда готов: его меч должен быть отточен, и так же остро должен быть отточен его разум.

Лишь тогда возможен мир: когда каждый настолько разумен, настолько искусен и настолько готов умереть, что не может быть рабом; лишь тогда земля узнает мир, который не будет миром могилы. Это будет мир прекрасного сада, где поют птицы, цветут цветы и дует

свежий ветер.

Вашей целью должна быть жизнь, а не смерть, причем жизнь, обогащенная любовью; жизнь, готовая к любой опасности; жизнь, которую можно прожить опасно без всякого страха.

Сначала попытайтесь понять Заратустру и позвольте тому, что он имеет в виду, проникнуть вглубь вашего существа. Потом вы можете впустить свои предрассудки, и увидите, что от них ничего не осталось.

Возможно, Заратустра и один, но с ним истина; вы можете быть с целым миром, но истина не с вами.

... Так говорил Заратустра.

О базарных мухах

31 марта 1987 года.

Возлюбленный Ошо,
О НОВОМ КУМИРЕ

Кое-где существуют еще племена и народы, но не у нас, братья мои: у нас есть государства...

Государством зовется самое холодное из всех чудовищ. Холодно лжет оно; и вот какая ложь выползает из уст его: «Я, государство, я — это народ».

Это ложь! Родона начальниками народов были созидающие — это они наделили верой и любовью соплеменников своих: так служили они жизни.

Те же, кто расставил западни для людей и назвал это государством, — разрушители: меч и сотню возделений навязали они всем.

Там, где еще существует народ, не понимает он государства и ненавидит его как дурной глаз и посягательство на исконные права и обычаи...

Еще открыт великим душам доступ к свободе. Поистине, мало, что может овладеть тем, кто владеет лишь малым: хвала умеренной бедности!

Только там, где кончается государство, начинается человек — не лишний, но необходимый: там звучит песнь того, кто нужен, — единственная и неповторимая.

О БАЗАРНЫХ МУХАХ

Друг мой, беги в свое уединение! Я вижу, ты искусан ядовитыми мухами. Беги туда, где веет суровый свежий ветер!

Беги в свое уединение! Слишком близко ты жил к маленьким и жалким; беги от их невидимого мщения! Нет в них ничего, кроме мести.

Не поднимай же руки на них! Ибо они бесчисленны, и не твой это жребий — бить мух...

Я вижу, устал ты от ядовитых мух и в кровь исцарапан во многих местах, а гордость твоя не хочет даже возмущаться.

Крови желают эти жалкие создания, крови жаждут их бескровные души — вот и жалят они в невинности и простоте душевной.

Но ты глубок, и глубоко страдаешь даже от ничтожных ран; и вот, не успеешь ты излечиться — снова ползет ядовитый червь по руке твоей.

Но ты слишком горд, чтобы взять и прихлопнуть этих лакомок; берегись же, как бы не стало уделом твоим переносить их ядовитую наглость!

И с похвалами жужжат они вокруг тебя: назойливость — вот что такое похвалы их! Быть поближе к коже и крови твоей — этого жаждут они...

Бывают они любезны и предупредительны с тобой. Но таково всегда было благородумие трусов. Да, трусливые умны!..

Ты снисходителен и справедлив, потому и говоришь: «Не виновны они в своем ничтожном существовании». Но их мелкая душа думает: «Вина лежит на всяком великом существовании».

Когда ты снисходителен, они все равно чувствуют твое презрение и возвращают тебе благодеяние твое, уязвляя тайком.

Молчание гордости твоей всегда им не по вкусу: но они ликуют, когда бываешь ты настолько скромным, чтобы стать тщеславным...

Разве не замечал ты, как часто они делались безмолвными, когда ты подходил к ним, и как

силы покидали их, словно дым от угасающего костра?

Да, друг мой, укором совести являешься ты для ближних своих: ибо недостойны они тебя.
...Так говорил Заратустра.

Несмотря на свою многочисленность, толпа гораздо слабее одной подлинной индивидуальности. Толпа убедилась сама себя, что они бараны, а не люди.

Индивидуум провозглашает свое достоинство и гордость и не желает быть просто механической частью человечества. Он хочет привнести в мир некую красоту, радость, экстаз. Он не нищий; а единственный способ не быть нищим — это делиться своей любовью, избытком сострадания, пониманием, мудростью, просветлением.

Но толпа, как это всегда бывает, пытается хитростью осилить такого индивидуума. Слабый человек всегда хитер: хитрость — его защита. И величайшая хитрость, рожденная толпой — это создание государства. Тогда государство защищает толпу, отжившее, мертвое, слабое, бесполезное.

Всякий, кто хоть немного понимает в человеческих делах, будет против государства, ибо государство — символ человеческого рабства.

Хотя государство и говорит все время: «Я слуга народа», в действительности все как раз наоборот. Эти слуги стали хозяевами, потому что в их руках власть, им принадлежит вся бюрократия, у них есть оружие. И они пользуются всей этой мощью против немногих непокорных индивидуальностей — непокорных неправде, бунтующих против мертвых традиций, восстающих против всевозможных суеверий.

Когда я приехал в Америку, первый вопрос, который мне задали:

— Вы анархист? Если вы анархист, вы не можете вступить на территорию Америки. Я сказал:

— Я еще хуже.

Офицер иммиграционной службы выглядел озадаченным, поскольку в правительственной инструкции не предусматривалось способа задержать человека, который хуже анархиста.

Я сказал:

— Анархизм устарел.

Но с этого самого дня начался мой конфликт с американским правительством. Такая громадная сила боится одного анархиста. И сколько лицемерия в том, что они постоянно говорят о свободе мысли, свободе слова...

Анархизм — тоже идеология. Анархизм просто говорит, что государство не нужно, что это одно из величайших бедствий, созданное слабыми против сильных индивидуальностей; но прогресс происходит только за счет этих сильных индивидуальностей.

Конечно, некая функциональная организация необходима, но она должна быть не более чем функциональной; она не должна давать положение и силу людям, оказавшимся в правительстве.

Как раз на днях я видел фотографию большого ученого, которого считают одним из лучших специалистов по индийским *Ведам* и *Упанишадам*, пандита Рави Шанкара. Он кланялся президенту Заилу Сингху и получал награду. Для Заила Сингха санскрит все равно, что греческий или латынь. Он не знает даже хинди. По-английски он слышит, но не понимает. Он знает только панджаби, и у него нет никакого мужества.

Когда он был президентом, были убиты тысячи сикхов, разрушено святилище их храма, но он даже не пикнул. На самом деле, его сделали президентом единственно потому, что он человек без мужества и разума.

Мне жаль пандита Рави Шанкара. Он не должен был принимать этой награды. К тому же, кланяясь человеку, который ничего не знает, он выдал себя — то, что его знания существуют только на словах. Возможно, он смыслит в том, что касается языка и грамматики, но ему ничего

не известно о смысле *Вед* и *Упанишад*.

Упанишады были созданы очень гордыми людьми. Они никогда не ходили к императорам, императорам приходилось самим ходить в их лесные хижины, если они хотели увидеть их, встретиться с ними. Императорам приходилось записываться на прием.

Но государство стало силой, и вы можете посадить любого идиота на любой высокий пост, и он становится уважаемым, он становится могущественным. Сам по себе он никто. В тот момент, когда он лишается своего места, люди полностью забывают о нем. Вы слышали что-нибудь о Никсоне? Были дни, когда он был самым могущественным человеком в мире, а сегодня этот же человек стал безмянным. Человек нечестен, но государство дает ему власть. Вместо того чтобы сделать его слугой народа, оно делает этих людей хозяевами земли.

Заратустра полностью против государства. Это не значит, что не должно быть никакой функциональной организации. Под функциональной организацией я имею в виду нечто вроде железной дороги; там есть свой президент, но его никто не знает — нет необходимости знать. Или почта: там есть главный почтмейстер, но никто не знает, кто этот парень; в этом нет необходимости.

Премьер-министры и президенты должны быть в таком же положении. Им должны платить, потому что они служат стране, но они не должны превращаться в неких завоевателей, как если бы страна принадлежала им, и они были бы ее хозяевами.

Заратустра говорит: *Кое-где существуют еще племена и народы, но не у нас, братья мои: у нас есть государства...*

Государством зовется самое холодное из всех чудовищ, потому что это огромный бюрократический механизм. Пойдите в любое государственное учреждение, и на каждом столе вы увидите огромные груды дел. Они покрыты пылью. И самый обычный клерк будет вести себя с вами так, как будто вы — никто, просто дело, которое с вами связано... возможно, остановлена ваша деятельность, или занят ваш дом, или кто-то отнял у вас землю. Но дело будет двигаться так медленно...

Я читал, что Альберт Эйнштейн открыл: быстрее всего движется свет. Я поинтересовался у своих университетских коллег-ученых:

— Вы не подскажете, открыл ли кто-нибудь, что движется медленнее всего? Они сказали:

— Мы никогда об этом не думали. Я сказал:

— Я открыл это. Это дела в правительственных учреждениях. Свет движется быстрее всего, а дела, должно быть, самое темное на земле, они продвигаются медленнее всего. Пока они попадут с одного стола на другой, проходят годы. А если они добираются из Пуны в Нью-Дели прежде, чем вы умрете — это фантастическая скорость.

Один мой друг — он был стар, но среди моих друзей было много старых людей — ему было девяносто лет, а его судебное разбирательство тянулось семьдесят лет. Оно началось, когда ему было двадцать. Все судьи, которые им занимались, умерли. Все адвокаты, которые боролись за него или против него, умерли. Британского правительства, которое начало это дело, больше нет! Но дело продолжается.

Самое странное то, что дело было начато британским правительством из-за того, что он написал историю Индии, которая *не* согласовывалась с английской историей, поскольку английская история была лживой и скрывала истину. Там напыщенно расписывалось, как англичане заботились об индийцах и нет ни одного слова о том, что это была за забота — сколько людей они убили. Фактически, они были захватчиками, и если некоторые индийцы сопротивлялись, это было вполне по-человечески. Они были преступниками.

Он написал историю, в которой указывались эти факты, и британское правительство разгневалось. Они начали дело против него, против издателя, директора типографии и

редактора — против четверых. Трое из них умерли. Дело было начато в Верховном суде, когда он еще был в Калькутте. Он переехал в Нью-Дели, столица изменилась, множество судей Верховного суда состарились, ушли на пенсию. Он рассказывал мне:

— Один я еще жив. Я спросил:

— Когда кончится это дело? Теперь Индия свободна, вас должны уважать, почитать — ведь когда страна была в рабстве, вы осмелились обнародовать эти факты и обличить государство и суд.

Но дело продолжалось даже тогда, когда правительство перестало состоять из иностранцев. Он сказал:

— Дело стало настолько сложным, что даже индийское правительство не может закрыть его, хотя оно и не против, — его невозможно разрешить.

Вот так работает бюрократия. Теперь он умер, дело закрыли. Он был прав, говоря:

— Это дело не закроют, пока я не умру.

Семьдесят лет на обычное дело против книги! Государство притворяется слугой народа, но это просто лицемерие. Оно становится хозяином народа, владельцем народа, *а толпе это и надо*.

Лишь некоторые индивидуальности, те, у кого есть сколько-нибудь достоинства, будут бороться с государством, пропагандировать идею, что никакого государства не должно быть. В прошлом веке три человека — Ницше, князь Кропоткин и Лев Толстой — целиком были за мир без государств.

А государства так боятся, что офицер иммиграционной службы сказал мне:

— Если вы анархист, вы не можете въехать на территорию Америки. Я сказал:

— Зачем огромной силе бояться одного человека, даже если он анархист? Анархисты — не террористы, они всего лишь мыслители. Страшно потому, что то, что они говорят — *правда*; в руках лжецов может быть ядерное оружие - и все-таки они лжецы, в глубине они бессильны.

За двадцать пять веков до этого Заратустра говорит: *Государством зовется самое холодное из всех чудовищ. Холодно лжет оно...* Все правительства лгут, и все правительства рано или поздно попадают на обмане. И тем не менее, никто не обращает внимания на то, что правительствам нельзя верить, поскольку они вновь и вновь попадают на лжи.

Прежде чем приступить к своим обязанностям, президенты, премьер-министры и рядовые министры дают клятву: все они клянутся в том, что будут стоять за правду и только за правду. Но почти невозможно найти политика, который не лжет. Конечно, они врут с таким видом, как будто говорят правду. Но ложь невозможно скрывать вечно. Рано или поздно она открывается. У нее недолгая жизнь.

Холодно лжет оно; и вот какая ложь выползает из уст его: «Я, государство, я — это народ». Государство — не народ. Государство — только слуга народа, и оно должно действовать как слуга народа.

Но самый ничтожный государственный служащий ведет себя так, как если бы имел власть над всем миром. Этих людей нужно лишиться такой возможности. Власть делает множество людей жадными, алчными, они готовы сделать что угодно, лишь бы добиться власти. Ради власти они готовы продать свои души.

Это ложь! — что государство — это народ. *Родоначальниками народов были созидающие — это они наделили верой и любовью соплеменников своих: так служили они жизни.* По-настоящему любят людей созидающие — созидающие разного рода: художники и поэты, певцы, танцоры и скульпторы.

Это люди, которые действительно имеют власть, поскольку они участвуют в творении, они делятся с людьми своим творчеством и любовью. Они создают в людях страсть, стремление

тоже стать созидателями. Они создают в людях доверие.

Настоящая история должна включать только их имена. Но настоящую историю никогда не писали. История состоит из имен тех, кто никогда ничего не создавал, а только разрушал; из имен преступников и убийц.

Те же, кто расставил западни для людей и назвал это государством, — разрушители: меч и сотни возделений навязали они всем.

Там, где еще существует народ, не понимает он государства и ненавидит его как дурной глаз и посягательство на исконные права и обычаи...

Еще открыт великим душам доступ к свободе. Поистине, мало, что может овладеть тем, кто владеет лишь малым: хвала умеренной бедности!

Это важно понять. Чем большим вы обладаете, тем больше оно владеет вами, потому что вы становитесь рабом своей же собственности. Пользуйтесь вещами, но не владейте ими. Совсем не обязательно обладать ими.

В Джабалпуре у меня был очень красивый сад. Я сам работал в нем. Моим соседом был директор колледжа, и он очень завидовал моим розам. Я говорил ему: «Ваша зависть совершенно бессмысленна — вы можете радоваться моим розам точно так же, как я радуюсь им. Это не моя собственность. Я могу любоваться луной, вы тоже можете любоваться луной. Луна не принадлежит ни мне, ни вам».

Но есть люди, которых ничто не радует, если это им не принадлежит. И есть фундаментальный закон: можно владеть мертвыми вещами, но в тот момент, когда вы начинаете обладать живыми существами — своей женой, мужем, детьми — вы начинаете убивать их. Вы начинаете травить их, потому что владеть ребенком — значит уничтожить его свободу, владеть женой — значит уничтожить ее свободу.

Свобода — душа человечности. Заратустра не превозносит нищету. Он очень точен в словах, он говорит: *Хвала умеренной бедности*. Что такое умеренная бедность? Все религии за бедность. Блаженны нищие. Они голодны и истощены, а вы говорите, что они должны наследовать царство Божие.

Заратустра говорит: *Хвала умеренной бедности!* Не той нищете, что разрушает вас, заставляет вас умирать от голода. И если бы все довольствовались счастьем умеренности, вещами, необходимыми для жизни, не было бы ни нищеты, ни богатства. Они взаимосвязаны.

Многие мои саньясины, впервые приезжая в Индию, удивляются: с одной стороны, они видят здесь так много богатых... Возможно, самым богатым человеком в мире был Низам Хайдерабадский. У него было так много алмазов, что ими было набито почти семь складов. Их было так много, что не было никакой возможности пересчитать их: их не считали, а взвешивали на весах. Раз в год их рассыпали на террасах его огромного дворца, на множестве террас. Я был в этом дворце, видел эти террасы. Раз в год их выносили на террасы, на солнечный свет.

Человек, который сейчас следит за дворцом, говорил мне, что когда выносили алмазы, все террасы были заполнены слоем алмазов толщиной почти в два фута. Никому не удавалось сосчитать его богатства.

Так что, с одной стороны, вы увидите очень богатых людей, а с другой — нищих, у которых нет ничего.

«Умеренная бедность» — прекрасная идея.

Никто не должен быть настолько богат, что деньги бесполезно лежат в его подвалах; он не может использовать их. И никто не должен быть настолько беден, чтобы умирать от нищеты. В том, что касается денег, умеренная бедность внесет определенное равенство без всякого насилия.

Возможно, Заратустра — первый человек в истории, который говорит о коммунизме и

анархизме. Богатых и бедных классов не должно быть; и не нужно такое мощное правительство, что оно может уничтожить все индивидуальное.

Только там, где кончается государство, начинается человек — не лишний, но необходимый: там звучит песнь того, кто нужен, — единственная и неповторимая...

Только там, где кончается государство, начинается существование необходимого человека, уникального, со своей песней, со своей мелодией. Государство всегда убивает уникальность.

Высокопоставленные люди не могут терпеть тех, у кого нет никакой власти, но которых, тем не менее, уважают миллионы людей. Они понимают лишь язык власти, силы, они не понимают язык любви, они не понимают язык творчества. Они не понимают, что песня сильнее любого ядерного оружия, что поэт сильнее любого президента, поскольку поэт созидает, а президент может только разрушать.

Поэт не заявляет о своем господстве над кем-нибудь; он просто отдает свое сердце, делится своими мелодиями, песнями. Он действительно император. Он может быть никем для правящей элиты, но он проникает в самое сердце человечества. Президентов забудут, премьер-министров забудут, но песня поэта, произведение музыканта останутся в веках. Они принадлежат вечности.

Мне вспомнился один индийский император, Акбар. Его автобиография называется *Акбарнама*, и там говорится, что в жизни его очень интересовали все творческие люди. При его дворе находились величайшие поэты страны, мудрейшие люди, великие певцы, музыканты, танцоры. Должно быть, его двор был самым богатым из императорских дворов.

Его придворным музыкантом был Тансен, и Тансена считали непревзойденным. Его музыка была магической, в ней была гипнотическая сила, и Акбар не мог наслушаться его, хотя и слушал каждый день.

Однажды поздно вечером, когда Тансен покидал дворец, Акбар сказал ему:

— Тансен, я никогда не говорил тебе, но мне много раз приходила в голову мысль. Я не могу представить, чтоб кто-нибудь играл лучше тебя; это просто невероятно. Но, прости меня... мне пришла мысль: если твой учитель жив, мне хотелось бы взглянуть на того, кто учил тебя музыке, у кого ты прошел школу. Как знать, может быть, твой учитель более великий музыкант — хотя я не могу представить, в чем он может превосходить тебя.

Тансен ответил:

— Мой учитель *жив*, и, верите вы в это или нет, но я - просто пыль под его ногами. Я не могу даже подумать о том, чтобы сравнивать себя с ним — так велика разница.

Акбар очень взволновался, он сказал:

— Пригласи его ко двору, мы примем его, мы наградим его, будет большой праздник!
Тансен ответил:

— Это трудно, потому что он саньясин; он живет совсем близко от дворца, на берегу реки Ямуна, в маленькой хижине. Его зовут Харидас, и он никогда не поет, никогда не играет, если это не происходит спонтанно; никогда он не играет по заказу. Так что это очень трудно.

Если вам действительно интересно, нам придется сесть рядом с его хижинкой рано утром, в три часа, потому что в это время он просыпается и купается в реке, а потом — у него есть маленькая статуя богини мудрости — он играет перед статуей. В это время там больше никого нет. Вам придется спрятаться за хижинкой, в деревьях, потому что, если он заметит, что его кто-то слушает, он может не петь, не играть на своих инструментах. Он сумасшедший!

Но слышали ли вы когда-нибудь, чтобы великий творец не был сумасшедшим? В них есть определенное безумие, в глазах мира они ненормальные.

Акбар был в таком нетерпении, что сказал:

— Мы пойдем сегодня ночью. Не уходи домой. Спи здесь, и в три часа мы будем у его хижинки.

Император, великий император — он правил всей Индией — шел слушать музыку как вор! И когда он услышал ее, Тансен не мог в это поверить — из глаз Акбара полились слезы, слезы радости и экстаза.

На обратном пути Акбар сказал Тансену:

— Если твоя музыка — магия, то музыка Харидаса — чудо. Но откуда такая разница? До сих пор я считал, что невозможно подумать, чтобы кто-нибудь был более великим музыкантом, чем ты. Теперь я думаю, что ты безнадежно отстал. У этого бедного саньясина, твоего учителя, есть нечто очень неуловимое — но это остановило мое мышление. Я полностью забыл о времени. Я забыл о том, что я великий император. Эти несколько мгновений были величайшими в моей жизни. В чем причина, почему ты не можешь достичь этих высот?

Ответ стоит запомнить. Тансен сказал:

— Все очень просто. Я пою и играю для того, чтобы получить от вас что-нибудь. Я нищий. Во мне есть жадность. Я продаю музыку; я пою потому, что хочу что-нибудь получить. Он поет потому, что *получил* нечто. Он император. Его песня рождается из полноты сердца, а не из голодной жадности.

Его музыка рождается от избытка любви; ни по какой другой причине; от чистой радости, как аромат исходит от цветка. Она не продается, и разница именно в этом.

У меня прекрасная техника. Я научился всей его технике, в моей технике нет изъянов. Но сердце мое пусто. Я не знаю этого экстаза, я не пережил этого бытия, меня не касалось божественное.

Он совершенно сумасшедший. Он опьянен божественным, и музыка льется из него без всяких усилий, спонтанно. Вот почему ее нельзя заказать.

Друг мой, беги в свое уединение: я вижу, ты искусан ядовитыми мухами. Ревность и зависть, желание власти, желание иметь имя, славу и желание господства — это яды.

Заратустра говорит: *Друг мой, беги в свое уединение: я вижу, ты искусан ядовитыми мухами. Беги туда, где веет суровый свежий ветер!*

Бегите к естественному, бегите к спонтанному. *Беги в свое уединение! Слишком близко ты жил к маленьким и жалким; беги от их невидимого мщения! Нет в них ничего, кроме мести.*

Любой творец, создает ли он картины, статуи, музыку или танец, рождает в маленьких людях, у толпы жажду мести. И быть слишком близко к маленьким людям опасно. Их ничтожество, их мелкий ум могут заразить вас. И окружение их ненависти может разрушить ваше созидание, уничтожить ваше величие.

Не поднимай же руки на них! Ибо они бесчисленны, и не твой это жребий — бить мух...

Я вижу, устал ты от ядовитых мух и в кровь исцарапан во многих местах, а гордость твоя не хочет даже возмущаться. Я знаю маленьких людей. Всякая толпа состоит из маленьких людей, во всем мире. Хорошо, что Заратустра говорит: *А гордость твоя не хочет даже возмущаться.* Его прозрение так верно психологически. Гаутама Будда тоже не гневался, но никто не указывал на то, что он не гневался из-за своей гордости.

Что толку злиться на маленьких людей? Они делают то, что умеют — завидуют, мстят. Они могут убить Иисуса, отравить Сократа. И считалось: в Гаутаме Будде нет гнева именно потому, что он достиг состояния, в котором оскорбления и унижения становятся безразличны, — состояния безмолвия и мира.

Но Заратустра, возможно, более прав — это просто гордость великого человека. Вы не можете перетянуть его до своего уровня и заставить разозлиться. Он не будет с вами бороться, потому что вас слишком много, он даже не разозлится на вас, потому что вы жалки, вы больны и патологичны. Все вы нуждаетесь в его сострадании, какое бы зло вы ему ни причинили.

По-видимому, Заратустра психологически более прав: это гордость творца — не гневаться.

Крови желают эти жалкие создания, крови жаждут их бескровные души — вот и жалят они в невинности и простоте душевной.

Но ты глубок, и глубоко страдаешь даже от ничтожных ран; и вот, не успеешь ты излечиться — снова ползет ядовитый червь по руке твоей.

Но ты слишком горд, чтобы взять и прихлопнуть этих лакомок; берегись же, как бы не стало уделом твоим переносить их ядовитую наглость!

И с похвалами жужжат они вокруг тебя: назойливость — вот что такое похвалы их! Быть поближе к коже и крови твоей — этого жаждут они...

Бывают они любезны и предупредительны с тобой. Но таково всегда было благоразумие трусов. Да, трусливые умны!..

Ты снисходителен и справедлив, потому и говоришь: «Не виновны они в своем ничтожном существовании». Но их мелкая душа думает: «Вина лежит на всяком великом существовании».

Там, где есть великий созидатель, толпа чувствует себя глубоко оскорбленной его превосходством. И в своем ничтожестве она готова мстить во имя морали, во имя культуры, во имя религии — все это фальшивые предлоги, ибо Сократ не разрушал культуру, не разрушал нравственность молодежи, не уничтожал религию.

Напротив, люди, подобные Сократу — основатели религиозности, истинной культуры, подлинной морали. Но он задевает маленького человека. Он слишком высок, и его присутствие постоянно напоминает, что вы ниже.

В Индии есть поговорка: «Верблюды не любят приближаться к горам» — вот почему они выбрали жизнь в пустыне, где они — горы. Рядом с горой верблюд будет чувствовать ее превосходство. Чтобы не чувствовать униженности, нужно убрать горы и создать пустыни. Жизнь очень сложная штука.

Коммуна саньясинов в Америке находилась в пустыне. Эта пустыня продавалась пятьдесят лет, и никто не покупал ее — на что вам пустыня? Нам нужна была большая территория как раз для того, чтобы быть подальше от толпы маленьких людей; и эта пустыня прекрасно подходила, поскольку ближайший американский город располагался в двадцати милях. Но чем мы так досадили Америке?

Я не ездил по Америке, я не подговаривал людей против кого-нибудь. Мои люди были настолько заняты созданием коммуны, радостью собственной жизни — это была умеренная бедность, никто не надеялся на сверхбогатство, было достаточно просто выжить. Но даже пустыню мы заставили обеспечивать наше существование.

Мы производили достаточно для пяти тысяч человек и еще тысяч других людей, приезжающих и уезжающих каждый месяц; плюс двадцать тысяч людей на каждом празднике. Мы не наносили Америке абсолютно никакого вреда.

Но проблема была в том, что само существование коммуны начало создавать у политиков комплекс неполноценности — ведь им и за пятьдесят лет не удалось сделать того, что мы сделали за пять. И у нас не было никаких средств, кроме разума и трудолюбия. Но мы вложили в это свои сердца, и даже пустыня стала нам сочувствовать. Она зазеленела, она превратилась в оазис.

Проблемой стал наш успех: если бы мы потерпели неудачу, мы остались бы в Америке. Если бы мы проиграли, эти политики решили бы, что все очень хорошо. Они могли бы говорить друг другу: «Мы знали, что из этой пустыни ничего не получится».

Но наш успех стал поражением: мы победили, и наш успех становился все больше и больше, и политики очень сильно испугались. Чего они испугались? — Испугались своего же комплекса неполноценности.

Они уничтожили коммуны и вернули пустыню. То, что мы превратили в оазис, теперь снова

стало пустыней, — и они счастливы. Странная логика; но не такая уж странная, если вы посмотрите глубже. Я следил за всем этим процессом: политики, ставшие великими — только за то, что они были против коммуны, весь Орегон поддерживал их — если бы они спросили меня, я бы дал им совет: «Наше существование здесь абсолютно необходимо для того, чтобы вы оставались у власти. В тот день, когда мы исчезнем, исчезнете и вы».

Но чтобы понять это, нужно быть очень разумным. Два человека, управляющий Атьи и генеральный прокурор Фронмейер, стали в Америке притчей во языцех только потому, что пытались любым способом уничтожить коммуну.

Им это удалось. У них была власть, и за ними стояли все маленькие люди с их жаждой мести. Но поскольку коммуна разбита, управляющий Атьи, больше не управляющий — его сместили, и генеральный прокурор Фронмейер, больше не генеральный прокурор — его сместили. Они жили на нашей крови. Маленькие люди поддерживали их, потому что они были против нас. Теперь они бесполезны. Должно быть, они раскаиваются в том, что сделали.

Они уничтожили не коммуну — самих себя.

И вы можете посмотреть на месть. Всего несколько дней назад один саньясин ездил узнать, как там обстоят дела, и он рассказывал мне: «Я не мог поверить своим глазам. Они уничтожили коммуну. Все саньясины уехали, их заставили уехать. Но наш символ — две птицы — остался там, потому что он запечатлен в мраморе».

Он не мог поверить в мстительность людей. Они расстреляли этих птиц! Теперь в этих птицах пули; они не могут вынести даже этот символ. Эти птицы не живые, они напрасно потратили пули.

Но вы можете понять, как они жаждут мести.

Когда ты снисходителен, они все равно чувствуют твое презрение и возвращают тебе благодеяние твое, уязвляя тайком.

Молчание гордости твоей всегда им не по вкусу: но они ликуют, когда бываешь ты настолько скромным, чтобы стать тщеславным...

Разве не замечал ты, как часто они делались безмолвными, когда ты подходил к ним, и как силы покидали их, словно дым от угасающего костра?

Да, друг мой, укором совести являешься ты для ближних своих: ибо недостойны они тебя. Потому они ненавидят тебя...

Девяносто девять и девять десятых процентов — маленькие люди, а великий человек встречается лишь изредка. Но весь прогресс, вся эволюция и все, что есть в жизни и мире прекрасного, создается именно этими великими людьми, которых можно сосчитать по пальцам.

Маленький человек не внес ничего. Он — просто лишний груз.

Я хотел бы, чтобы мои люди не были маленькими, не были тяжестью, но были бы творцами, созидателями, делающими жизнь чуточку прекраснее, сочнее, делающие ее немного более любовной, музыкальной.

Заратустра прав, когда говорит: «Я могу поверить только в такого Бога, который умеет танцевать».

Я хотел бы добавить: «Если вы умеете танцевать, вы сами можете стать Богом».

... Так говорил Заратустра.

31 марта 1987 года.

Возлюбленный Ошо,

О ДРУГЕ

Наша вера в других выдает то, во что мы хотели бы верить в нас самих. Наше страстное желание обрести друга является предателем нашим.

И часто с помощью любви хотят всего лишь перескочить через зависть. И часто нападают и делают себе врага для того, чтобы скрыть собственную уязвимость.

«Будь хотя бы врагом моим!» — говорит истинное почитание, которое не осмеливается просить о дружбе.

Если ты хочешь иметь друга, ты должен вести за него войну; а чтобы вести войну, надо уметь быть врагом.

Врага должен чтить ты в друге своем. Разве можешь ты подойти вплотную к другу своему, не перейдя к нему?

Пусть будет друг твой самым достойным врагом твоим. Будь же ближайшим к сердцу его, противясь ему...

Кто не скрывает себя, вызывает возмущение: у вас достаточно оснований бояться наготы! Будь вы богами, вы бы стыдились одежд своих!

Не старайся приукрашивать себя для друга: ибо стрелой и стремлением к Сверхчеловеку должен ты быть для него.

Смотрел ли ты на друга, когда спит он, чтобы увидеть, каков он тогда? Что такое лицо друга твоего? Это — твой собственный лик, но отраженный в грубом и несовершенном зеркале...

Стал ли ты чистым воздухом, ...хлебом и лекарством для друга своего? Иной не в силах освободиться от собственных цепей, однако друга своего спасает.

Если ты раб, то не можешь быть другом. Если тиран, — не можешь иметь друзей.

Слишком долго таились в женщине раб и тиран. Поэтому неспособна она к дружбе: ей ведома только любовь.

В любви ее всегда есть несправедливость и слепота ко всему, чего не любит она. Но и в просветленной любви женщины есть и внезапное нападение, и молния, и тьма рядом со светом.

Пока еще не способна женщина на дружбу: женщины — это кошки, или птицы, или, в лучшем случае, коровы.

Пока еще не способна женщина на дружбу: но скажите мне вы, мужчины, кто из вас способен на нее?..

...Так говорил Заратустра.

Дружба всегда была одной из тех тем, которых большинство философов не касалось совершенно. Возможно, мы сочли само собой разумеющимся, будто нам известно, что это такое; и поэтому нам неведомы ее глубины, возможности для роста, которые в ней таятся, различные оттенки с разными значениями.

Заратустра говорил на эту тему с огромным пониманием. Самое главное, что нужно запомнить: в друге нуждаются из-за своей неспособности к одиночеству. Пока ты нуждаешься в друге, ты не очень-то способен на дружбу - поскольку потребность превращает другого в объект. Только тот человек, который способен на одиночество, может быть также и другом. Но для него

это не нужда, это его радость; это не голод, не жажда, но избытие любви, которой он хочет поделиться.

Когда есть такая дружба, она не должна называться дружбой, ибо она приобретает совершенно иное измерение: я называю это «дружественность». Это выходит за пределы отношений, потому что все отношения так или иначе являются оковами; они делают вас рабом и порабощают других.

Дружественность — это чистая радость отдачи без всяких условий, без всяких ожиданий, без всякого желания получить что-нибудь взамен - даже благодарность.

Дружественность — самый чистый вид любви.

Это не потребность, не нужда:

Это избытие, преисполненность экстазом.

Заратустра говорит: *Наша вера в других выдает то, во что мы хотели бы верить в нас самих.*

Человек, который верит в других — это человек, который боится поверить в себя. Христианин, индуист, мусульманин, буддист, коммунист — все они недостаточно мужественны, чтобы доверять своему собственному бытию. Они верят в других; они верят в тех, кто верит в них.

Это действительно нелепо: вы нужны своему другу — он боится своего одиночества; он нужен вам, потому что вы боитесь своего одиночества. Вы оба боитесь одиночества. Неужели вы думаете, что быть вместе — значит избавиться от одиночества? Ваше одиночество просто удвоится или даже умножится; так что все отношения ведут к еще большему несчастью, к большему страданию.

То же самое относится к вере. Почему вы верите в Иисуса? — не потому ли, что не можете поверить в самого себя? Почему вы верите в Гаутаму Будду? — неужели вы не можете поверить в самого себя? Вы не задумывались, что это значит? — если вы не доверяете себе, как вы можете довериться своей вере в Гаутаму Будду? Ведь это, прежде всего *ваша* вера. Гаутама Будда совершенно ни при чем.

Если вы не можете поверить в себя, вы не сможете поверить ни в кого другого, вы можете только обманывать. Если у вас есть кто-то другой в качестве объекта веры, обманывать легче; но это *ваша* вера — вера человека, который пуст, вера человека, который ничего не знает о самом себе, вера человека, который живет в полной темноте и бессознательности, вера неверующего человека. Это всемирный обман, потому что все в кого-то верят.

Даже Иисус верит в Бога — он тоже недостаточно смел, чтобы верить в себя. Вы верите в Иисуса, который не может верить в себя; он верит в Бога. Конечно, мы не знаем, в кого верит Бог, но он наверняка верит еще в кого-нибудь. Наверное, это бесконечная цепь неверящих, людей без доверия, которые надеются, что другой сможет заполнить их пустоту. Но никто не может заполнить вашу пустоту.

Вы должны столкнуться со своей пустотой.

Вы должны прожить ее, вы должны принять ее.

И в вашем приятии скрывается великая революция, великое откровение.

В тот момент, когда вы принимаете свою одинокость, свою пустоту, меняется само ее качество. Она становится противоположностью — она становится избытком, наполненностью, избытием энергии и радости. Если ваша вера рождается из этого избытия, она исполнена смысла; если ваша дружественность рождается из этого избытия, она имеет значение; если ваша любовь рождена этим избытием, то это не просто слово, но звучание вашего сердца.

Заратустра прав, когда говорит: *Наша вера в других выдает то, во что мы хотели бы верить в нас самих. Наше страстное желание обрести друга является предателем нашим.*

Желание в кого-нибудь верить выдает только одно: вы слишком бедны, слишком пусты, слишком бессознательны. И это не способ изменить положение; это всего лишь путь ложных утешений.

Вам нужно не утешение; вам нужна революция, вам нужна трансформация вашего существа. Вы должны установить отношения с самим собой — это первый шаг в обретении истинной веры, истинной дружбы, истинной любви. Иначе все ваши отношения — любовь, дружба, доверие — не что иное, как предательство. Вы выдаете себя и объявляете, что вы пусты, недостойны.

Если вы не можете любить себя, кто вас полюбит?

Если вы не можете быть другом самому себе, кто будет вашим другом?

Если вы не можете верить в себя, кто в вас поверит?

И часто с помощью любви хотят всего лишь перескочить через зависть. Наши обманы очень глубоки, наша хитрость очень тонка. Мы называем уродливое прекрасными именами; это наша древнейшая стратегия.

В Индии, когда кто-то умирает и люди несут его к месту погребения, это называется *махаятра* — «великое путешествие». Человек умер, но люди обманывают себя красивыми словами: «великое путешествие». Они пытаются прикрыть реальность смерти завесой слов. На самом деле они боятся собственной смерти.

В детстве я был на многих похоронах — я любил участвовать в похоронных процессиях. Мой отец был недоволен; он говорил:

— Неужели ты не понимаешь, что этот умерший не был нам родственником, соседом, мы даже не были знакомы - он был чужим. И никто не приглашал тебя идти на его похороны вместо школы.

Я сказал:

— На похоронах я научился гораздо большему, чем в школе. — И с самого детства для меня прояснилось очень многое. Люди в похоронных процессиях никогда не говорят о смерти — никогда! Я никогда не слышал, чтобы они говорили о смерти. Они говорят о чем угодно: о кино, политике, о тысяче и одной вещи — *кроме смерти, которую несут на своих плечах.*

Я был изумлен. Когда мертвое тело горит на погребальном костре, люди сидят к нему *не* лицом, а спиной. Они делятся на маленькие группы, потому что им приходится сидеть там по три-четыре часа, чтобы тело полностью сгорело; и за эти три-четыре часа каких только сплетен... Я обычно ходил от одной компании к другой. Я специально искал, чтобы кто-нибудь говорил о смерти — но никогда не находил.

Молча они тоже не сидели, потому что тишина опасна. Они занимали себя разговорами о том, о сем. Они создавали словесный барьер между собой и смертью, которая была так близко. Человек, с которым они вчера разговаривали, горит на костре; они его больше никогда не увидят.

Там, где я родился, был обычай: прежде чем предать тело покойного огню, какой-нибудь уважаемый человек должен сказать об умершем несколько красивых слов — в его честь. И все эти слова фальшивы, поскольку я знал этого человека, и качества, которые ему приписывали, были просто выдумкой.

Я спрашивал так называемых уважаемых людей, которые говорили: «Вы когда-нибудь думали о том, что вы лжете?», — и я вновь и вновь получал один и тот же ответ, что о мертвом нельзя говорить ничего плохого. Вы можете лгать, но должны восхвалять его.

Однажды случилось... умер человек, который был величайшим проклятием всей деревни. Он всех измучил; он всем был должен; он никогда не платил за то, что брал. Вся деревня была против него. Его наказывали, он два или три раза сидел в тюрьме, но продолжал жить по-

прежнему. Он был паразитом; и он был силен, так что люди боялись...

Я пошел на его похороны, и мне было очень интересно, кто будет его восхвалять, и какие качества ему припишут. Стояла мертвая тишина; никто не вставал, чтобы говорить. Наконец люди сказали городскому мэру:

— Пока не будет сказано что-нибудь в его честь, мы не можем зажечь погребальный костер; какой смысл терять время? Всем известно... скажите что-нибудь, скажите что угодно: нужно соблюсти обычай.

Мэр был прекрасным человеком — он был очень творческой и талантливой личностью. Он написал несколько замечательных рассказов, на основе которых снимались фильмы, его хорошо знала вся страна. И в своей профессии, и в своем хобби он был настоящим специалистом.

Я сидел рядом с ним, и он спросил:

— У тебя есть какая-нибудь идея? — Он знал меня, мы вместе обсуждали разные необычные темы. Я сказал:

— Да, есть одна мысль. Он сказал:

— Тогда лучше скажи ты. Я возразил:

— Нет, я же не уважаемый человек. Вы мэр — вы и говорите. Я дам вам намек. Он сказал:

— Но я не могу представить... Я беллетрист, но даже я не могу придумать, что сказать об этом человеке. Это будет абсолютная ложь — и мне будет стыдно произнести это вслух.

Я сказал:

— Не смущайтесь; скажите только, что по сравнению со своими четырьмя братьями, которые еще живы, он был просто ангел.

Он сказал:

— Ну хорошо. И это правда! Ты не врешь, здесь нет вымысла. — И это было правдой; четверо его братьев были еще опаснее. Они были моложе, сильнее...

Он встал и сказал:

— Он был ангелом...

Все уставились на него: что он мелет? Даже у лжи есть пределы! Он посмотрел по сторонам и сказал:

— ...по сравнению со своими братьями, которые еще живы. — И люди захлопали! Это была правда — не ложь. Но я никогда не видел, чтобы аплодировали, когда кого-нибудь сжигали.

На обратном пути мэр сказал мне:

— Ты спас положение! Но ты странный мальчик; ты ходишь почти на все похороны, как будто тебе больше нечего делать.

Я ответил:

— Всем нам придется однажды умереть — и прежде я хочу узнать о смерти как можно больше. А также я познаю человеческую психологию: внутри они трепещут, но смеются, шутят, сплетничают — лишь бы не осознавать, что любая смерть — это *ваша* смерть. Каждая смерть — сигнал, что вы должны быть готовы: ваше время может прийти в любой момент.

Но мы всегда, на всех языках, прятали реальность за красивыми словами.

Когда вы говорите: «Я люблю», понимаете ли вы на самом деле, что говорите? Вы точно знаете, что такое любовь? Гораздо вероятнее, что это всего лишь вожделение, которое вы называете любовью. Если вы скажете кому-нибудь: «Я хочу тебя...» — это будет правильно, но женщина тут же заявит на вас в полицию. Но если вы говорите: «Я люблю тебя», то женщина идет, не касаясь ногами земли; но это то же самое! Просто красивое слово, прикрывающее безобразную реальность.

И часто с помощью любви хотят всего лишь перескочить через зависть. И часто нападают и делают себе врага для того, чтобы скрыть собственную уязвимость.

Очень странное совпадение: ни Маккиавелли, ни Фридрих Ницше не могли даже вообразить, что их внуки окажутся моими саньясинами. Внучка Фридриха Ницше здесь, правнучка Маккиавелли моя саньясинка — она была здесь. Оба они согласны с Заратустрой.

Слова Маккиавелли сделают это яснее для вас. Он говорит, что лучшая защита — это нападение. Не ждите, когда другой нападет на вас — тогда вы опоздали. Если вы боитесь, что на вас нападут, лучше атаковать первым. Никогда не будьте обороняющейся стороной. Быть в обороне — значит почти наполовину проиграть.

То же понимание было и у Фридриха Ницше, с другой точки зрения: нападающие — это те, кто боится, что на них нападут. Они нападают именно от страха, поскольку они подозрительны, они знают о своей слабости, они знают, что уязвимы, они знают, что на них могут напасть. Они атакуют именно от этого страха, от этой слабости.

Таковы странные пути человеческой психологии. Обычно, когда кто-то атакует, вы думаете, что он очень сильный, что он нападает от своей силы. Это не так: именно из-за слабости, неполноценности он не хочет дать вам шанс... И то, что он нападает первым, делает его сильнее, потому что вы думаете: «Наверное, он сильнее, могущественнее; иначе он бы не напал на меня».

И часто нападают и делают себе врага для того, чтобы скрыть собственную уязвимость.

«Будь хотя бы врагом моим!» — говорит истинное почитание, которое не осмеливается просить о дружбе. Просили ли вы когда-нибудь: «Будь хотя бы моим врагом»? Я думаю, что никто никогда не просил быть его врагом. Конечно, вы просите: «Будь моим другом». Но откуда берутся враги? Никто не желает их, никто не просит о них, и все же врагов больше, чем друзей.

Может быть, когда вы просите: «Будь моим другом», вы делаете это от страха, что если вы не попросите его быть другом, он станет вашим врагом. Но что это будет за дружба? И друзья каждый день становятся врагами. Фактически, завести друга значит зачать врага.

Ницше говорит, что в этом было бы больше уважения, почитания — если вы чувствуете, что кто-то может стать вашим врагом, лучше попросить его: «По крайней мере, будь моим врагом!» Будьте правдивы. Это сделает вас сильнее.

Правда всегда делает человека сильным — она изобилует силой. Но мы зависим ото лжи. Мы постоянно заводим друзей, вращаемся в обществе, в клубах, заводим знакомства. Это называется «общение», «социализация», но в действительности это защитное средство. Вы заводите дружбу в высших кругах общества, с могущественными людьми, чтобы иметь возможность чувствовать себя спокойно, чтобы они не были вашими противниками. Но это ничего не меняет; это только ослабляет вас. И это превращает вашу дружбу в ложь, в социальную формальность.

Да, я говорю, что Ницше прав: если вы предполагаете, что кто-то становится вам врагом, лучше *пригласить* его: «Пожалуйста, будь моим врагом!» Встряхните его хорошенько. Он часами будет раздумывать — что бы это значило? — потому что об этом никогда не просят. Но вы сделали достойнейший шаг, и это сделает вас сильнее, это будет питать вас. Каждый искренний поступок и каждое честное слово будут делать вас сильнее и сильнее.

Если ты хочешь иметь друга, ты должен вести за него войну; а чтобы вести войну, надо уметь быть врагом. Это следствие: если вы хотите иметь друга, естественно, вы соглашаетесь с тем, что его враги будут вашими врагами. Иначе, какой смысл в дружбе? Если вы хотите иметь друга, вы должны охотно вести за него войну. Вы должны быть готовы, ибо дружба подразумевает, что вы связали себя, что вы будете с ним и в добрые времена, и в дурные, в радости и печали, в дни славы и в дни поражения — вы будете рядом с ним как тень. Чтобы вести войну, вы должны уметь быть врагом. А если вы боитесь, если вы трус и не можете быть врагом, забудьте мысль о дружбе — они взаимосвязаны. Вам придется либо принять и то и другое, либо отказаться от того и другого.

Гаутама Будда поможет вам понять это. Говорят, он сказал: «Я никому не друг, потому что я не хочу быть ничьим врагом». Быть другом означает готовность стать врагом тех, кто враждебен к вашему другу.

Будда прав, когда говорит: «Я не могу быть другом, потому что не хочу быть врагом — я просто вне этого. Я безразличен и к дружбе, и к вражде».

Но одно очень важно. Заратустра говорит: *Врага должен ты чтить в друге своем*, потому что дружба в любой день, в любой момент может обернуться враждой; ведь дружба и вражда — два полюса одной энергии. Они дополняют друг друга, они не противоречат. Вот почему враг может стать вашим другом, а друг может стать вашим врагом.

Врага должен чтить ты в друге своем. Друг может стать врагом, только если потенциально в нем существует враг. И вы должны уметь чтить также и этого потенциального врага; только тогда вы примете своего друга полностью. Вот почему дружба — не детская забава. Это нечто очень зрелое, потому что она требует огромного понимания.

Разве можешь ты подойти вплотную к другу своему, не перейдя к нему? Вам придется вторгнуться в его пространство; только нарушив границы, вы сможете приблизиться к своему другу. Но никто не хочет, чтобы его границы нарушались, и именно здесь дружба начинает превращаться во вражду. Это странное явление: чтобы быть ближе, вы должны нарушить границу; если вы не хотите нарушать границу, вы останетесь далекими — дружба будет только социальной.

Чтобы приблизиться вплотную, вы должны посягнуть на чужие владения, но посягнуть на кого-то означает досаждать ему, раздражать его, потому что вы принуждаете его выдать вам свою тайну. Вы заставляете его раздеться и предстать перед вами голым, и вполне возможно, что ваше посягательство станет началом вражды.

Пусть будет друг твой самым достойным врагом твоим. Будь же ближайшим к сердцу его, противясь ему...

Кто не скрывает себя, вызывает гнев. Заратустра понимает человеческую психологию лучше любого Зигмунда Фрейда.

Кто не скрывает себя, вызывает возмущение: у вас достаточно оснований бояться наготы! Почему людей так сильно задевает ваша нагота? Почти во всех странах обнажиться — это преступление. Но это странно... Если вы стоите обнаженным посреди дороги, вы никому не наносите вреда. Конечно, *н е в* Пуне, потому что в этом городе живут самые совершенные верблюды во всем мире, а раздеваться перед верблюдами нехорошо. Но где-нибудь в другом месте — почему ваша нагота задевает людей? Поразмыслите об этом. Вы им ничего не сделали. Если вы сняли одежду — это ваша одежда — что их так обижает, что они считают это преступлением? Причина в том, что ваша нагота — также и их нагота. Выставляя свою наготу, вы и их заставляете показаться обнаженными. Когда вы раздеты, вы напоминаете им, что под своей одеждой они тоже голые — вот что их раздражает.

На днях Нилам рассказывала мне... Одна моя старая саньясинка, обладающая редким пониманием, Сиддхи, - она из семьи очень богатых промышленников... Она говорила Нилам, что старший брат ее мужа, один из самых крупных предпринимателей Махараштры... Он лично знает меня; обычно я останавливался в его доме в Ахмеднагаре, когда его отец был жив — его отец был спикером законодательного собрания Махараштры — и с тех пор Сиддхи и вся ее семья знает меня. Он приезжал в Пуну, так что Сиддхи, должно быть, спросила его: «Почему ты не ходишь слушать Ошо?» Он ответил: «Я могу пойти послушать его, но мне придется закрыть глаза, поскольку то, что говорит Ошо, действительно очень важно, но я не могу смотреть, как его ученики держат женщин за руки; я не могу смотреть на женщину, если она не одета как положено».

А ведь ему, должно быть, шестьдесят пять или больше - чего бояться? Он не ходит слушать меня, потому что боится увидеть женщин, не одетых «как положено»; куда уж до наготы...

И что он имеет в виду, говоря «как положено»? У людей разные представления о том, «как положено» одеваться женщине. Мусульмане считают, что если у женщины не закрыто лицо, она не одета «как положено». Нельзя смотреть на лицо женщины-мусульманки. Лицо женщины-мусульманки утратило сияние, красоту, потому что его никогда не касаются лучи солнца — оно всегда покрыто черной вуалью. Сквозь две дырки можно увидеть лишь их глаза.

Что такое «одета, как положено» и зачем об этом беспокоиться? Должно быть, в нем есть что-то подавленное — возможно, глубокое желание посмотреть на обнаженную женщину. Поэтому, если женщина не одета надлежащим образом, желание может усилиться. Он осуждает других именно из-за собственной подавленной сексуальности.

Никто другой не несет за это ответственности — ответственна *ваша* религия, ответственны *ваши* монахи, это *вы* ответственны за то, что были недостаточно разумны, чтобы прожить свою жизнь более естественно.

Будь вы богами, вы бы стыдились одежд своих! Такие слова нужно писать золотыми буквами — особенно на всех улицах Пуны.

Если бы вы были богами, вы бы стыдились своей одежды; тогда прятать что-либо было бы нечестно по отношению к существованию; тогда полностью раскрыться, значило бы показать ваше доверие, показать вашу любовь, показать, что внутри вас не спрятаны ядовитые змеи: что ваше сердце — сердце ребенка, невинное, чистое и благоуханное.

Не старайся приукрашивать себя для друга: ибо стрелой и стремлением к Сверхчеловеку должен ты быть для него. Если вы настоящий друг, что вы можете сделать для него? Что принесет другу ваше общение, ваша дружба, ваша любовь? Заратустра говорит: *Стрелой и стремлением к Сверхчеловеку должен ты быть для него.* Если вы смогли зародить в нем стремление превзойти себя и стать стрелой, устремленной к звездам, вы доказали свою любовь и оправдали дружбу. Все другое — светская болтовня.

Смотрел ли ты на друга, когда спит он, чтобы увидеть, каков он тогда? Это очень хорошее упражнение, и поскольку я много лет ездил по стране, у меня была масса возможностей наблюдать за спящими людьми; в остальных случаях это гораздо труднее — чтобы посмотреть на спящих, нужно проникнуть в чужую спальню; а в поезде...

И это настоящее откровение: лицо, которое выглядело таким интеллигентным, приятным, культурным, во сне становится безобразным — потому что исчезает маска. Когда вы спите, вы, естественно, не можете оставаться в маске, вы не можете среди ночи смотреться в зеркало, снова и снова подводя губы помадой. Она растекается со слюной по вашему лицу...

Если вы посмотрите на спящего человека, вы изумитесь — брови ненастоящие, цвет губ ненастоящий. Есть ли *хоть что-нибудь* настоящее на лице, или все фальшивое? Сон обнажает то, что вы прячете во время бодрствования.

Смотрел ли ты на друга, когда спит он, чтобы увидеть, каков он тогда? Что такое лицо друга твоего? Это — твой собственный лик, но отраженный в грубом и несовершенном зеркале. Если вы посмотрите на спящих людей, вам неминуемо придет мысль: «Возможно, это и мое лицо». Они бормочут во сне, они говорят бессмыслицу, непристойности. Они не находятся в сознании — сознание держит марку, создает фальшивую внешность. Но вы осознаете, что это также и ваше лицо.

Стал ли ты чистым воздухом, ...хлебом и лекарством для друга своего? Иной не в силах освободиться от собственных цепей, однако друга своего спасает. Вы сами раб, но притворяетесь освободителем своего друга. И то же верно по отношению к вашим так называемым спасителям: сами они не спаслись, но они готовы спасти весь мир.

Иисус все время настаивает: «Я — спаситель, и если вы верите в меня, больше ничего не нужно. Вы спасетесь: спасетесь от ада, спасетесь от всякой боли, страдания и тьмы». И миллионы христиан до сих пор утешаются мыслью, что в день последнего Суда придет Иисус со своим отцом, Богом, и укажет на своих овец; они будут спасены и взяты в рай. А остальные?.. Все остальные, которых в миллионы раз больше, будут брошены в бездонную пучину адского пламени — навечно!

Даже в двадцатом веке, в самом конце, миллионы людей все еще верят: все, что нужно — верить в Иисуса, в то, что он единственный рожденный Сын Божий, и тогда можно делать все, что хочешь: ты будешь спасен. Очень дешево - просто верь.

В первый вечер, когда меня посадили в тюрьму в Америке... Второй заключенный в моей камере был, должно быть, очень преданный христианин. У него на кровати лежала Библия; опускаясь на колени, он очень набожно преклонял на нее голову. А прямо над Библией висели всевозможные порнографические картинки, вырезанные из журналов — он оклеил ими все стены.

Я посмотрел на все это и, когда он закончил молиться, спросил:

— Кто повесил эти картинки? Они просто очаровательны.

Он сказал:

— Это я — вам нравится?

— Они так красивы. Я тоже благочестив, — сказал я. Он слегка забеспокоился, когда я сказал о своем благочестии, и спросил:

— Что вы имеете в виду? Я ответил:

— Неужели вы не видите противоречия? Вы молитесь Богу, склоняете голову на Библию, встаете на колени в надежде, что будете спасены...

Он сказал:

— Конечно, я буду спасен. Я верю в Бога, я верю в Иисуса Христа.

Я спросил:

— А как насчет этих порнографических картинок? Он сказал:

— Это неважно. Если вы верите в Иисуса, вы спасены. Я сказал:

— Так, наверное, поэтому... Сколько раз вы сидели в тюрьме?

Он сказал:

— Я сижу всего четвертый раз.

— А какие преступления вы совершали? — спросил я.

— Всякие. Но я всегда молюсь утром и вечером — хоть в тюрьме, хоть не в тюрьме. Это мелочи. Моя вера в Иисуса абсолютна; он не может нарушить своего обещания.

Я сказал:

— У вас есть какие-нибудь гарантии? Если он не явится в день последнего суда, вы окажетесь в беде. Если все эти голые девочки придут и скажут: «Он — *наш* последователь. Он становился перед нами на колени каждое утро, каждый вечер...»

Он посмотрел на меня. Он был зол; он сказал:

— Вы, наверное, не христианин. Я сказал:

— Как раз я-то христианин; иначе, зачем мне о вас беспокоиться? Но вы кланяетесь перед этими голыми девушками на порнографических, непристойных открытках. Все эти девушки предстанут в последний судный день, и я тоже там буду — запомните — как свидетель.

Он сказал:

— О Боже! Я слышал о вас, я видел вас по телевизору, и они говорили — наверное, правильно — что вы опасный человек. Простите меня, и не поминайте эти картинки в последний день.

Я сказал:

— Снимите их. Он сказал:

— Это не так просто. Я не могу молиться двадцать четыре часа в сутки, и это мое единственное развлечение — вырезать их из журналов, развешивать... Не я один делаю это, все тюремные камеры наполнены порнографическими картинками.

Тюрьма обеспечивала заключенных этими журналами, и тюрьма же снабжала их Библией. На следующий день, когда пришел тюремщик, я спросил его:

— Вы снабжаете бедных узников тем и другим — неужели вы не видите противоречия? Он сказал:

— Никто раньше не замечал это противоречие. Я спросил:

— А вам нужно, чтобы кто-нибудь его заметил? Вы что, сами это не понимаете? Он сказал мне:

— Пойдемте со мной в офис. Мы можем поговорить об этом там, а не перед заключенными — вы можете спровоцировать их.

Я сказал:

— Я не провоцирую их против Библии, я провоцирую их против этих безобразных картинок на стенах. Вы обходите тюрьму каждый день, видите все, что происходит, и молчите об этом. Когда меня освободят, я выдам средства массовой информации и вас.

Он сказал:

— Не делайте этого! Я сказал:

— Заключенный сказал мне как раз то же самое: «Не делайте этого в судный день».

Ваш ум настолько фрагментарен — вы все время делаете противоречивые вещи. Еще днем вам как-то удастся собраться; ночью это очень трудно.

Я слышал: Жена одного человека... почти все жены немного подглядывают по ночам за своими мужьями, особенно за болтливыми — если они разговаривают во сне. Этой ночью мужчина все время повторял: «София, дорогая София...»

Жена не смогла сдержаться — она разбудила его и спросила:

— Кто эта София? Он сказал:

— София? Так зовут лошадь, и я думал поставить на нее на бегах.

Жена не поверила — ни одна жена не верит тому, что говорит муж — и стала искать другие доказательства. В его ежедневнике нашлось имя Софии и номер ее телефона! Утром она принесла блокнот и сказала:

— Только что звонила эта лошадь; я сказала: «Он спит, оставьте свой телефон». Вот номер: ты можешь позвонить этой лошади.

Заратустра говорит: «Наблюдайте за своими друзьями, когда они спят...» и это относится не столько к вашим друзьям, сколько к вам. Только честный человек, искренний до глубины души, может быть одинаковым во время бодрствования и во время сна. Если человек радостен, даже в смерти его лицо будет лучиться тем же сиянием, той же радостью — что же говорить о сне?

Нужно быть цельным. Это дает вам силу, это дает вам совершенно новую мощь — не разрушительную, но созидательную.

Если ты раб, то не можешь быть другом. Есть люди, которые не осознают своей глубокой предрасположенности к рабству. Они хотят быть рабами — ведь если они рабы, вся ответственность лежит на человеке, который поработил их.

Пока вы не готовы взять всю ответственность за свою жизнь, нечто в вас всегда будет хотеть рабства, поскольку только раб свободен от ответственности. Но раб не может быть другом — он ищет хозяина, а не друга. И то же самое верно и с другой стороны.

Если ты тиран, то не можешь иметь друзей. Потому что вы ищете рабов, а не друзей. И

всякий, в ком есть достоинство, не будет рабом во имя дружбы.

Слишком долго таились в женщине раб и тиран. Ответственность лежит на мужчине. Заратустра об этом не упоминает. Возможно, он все еще думает о себе только как о мужчине — он не превзошел двойственности мужчины и женщины. Он говорит о женщине как *мужчина*; поэтому он не принимает ответственности. А на самом деле, на мужчине лежит ответственность за многое, что в женщине неверно.

Слишком долго таились в женщине раб и тиран. Мужчина довлел над нею. Он почти сделал из нее куклу — превратил ее в услаждение для глаз. Он не оказывал ей того уважения, которого требовал от нее к себе. Он держал ее в духовном рабстве, и естественно, что в женщине тысячи лет горело желание мести.

Это проявляется даже в мелочах: она третирует мужа, донимает его, она всегда злится. Но ответственность — я хочу, чтобы вы это запомнили — лежит на мужчине. Женщине не давали свободы. Вы сделали ее рабыней, и она хочет избавиться от этого рабства, но вы сожгли все мосты. Вы не разрешали ей получить образование, вы не позволяли ей свободно возвращаться в обществе, вы не давали ей финансовой свободы... и вы все время держали ее беременной. Вы *пользовались* ею. Вы не оказывали ей того уважения, которого достоин человек — естественно, возникает мстительность.

И мстит она по-своему: она мучает вас, она превращает вашу жизнь в ад. Вы сделали *ее* жизнь адом; она делает адом *вашу* жизнь. Ее способы всегда отличаются от ваших, но в конечном итоге вы оба живете в аду.

Поэтому неспособна она к дружбе: ей ведома только любовь. Женщина неспособна к дружбе, поскольку она несвободна. Ее индивидуальность не признают, ее независимость не уважают — как она может быть другом?

Заратустра неправ, когда говорит, что ей ведома только любовь. Если она не знает даже дружбы, как она может знать любовь? Ей знакомо лишь вожделение. И по этой самой причине она *ненавидит* мужчину, поскольку ей прекрасно известно, что все эти красивые слова — «дорогая», «любимая», «я люблю тебя» — это не что иное, как предисловие для похоти. Естественно, она реагирует по-своему - у нее болит голова. Вы говорите «дорогая» и «любимая», а она говорит, что у нее болит голова. Это ее способ помучить вас — вы мучили ее достаточно.

В этом Заратустра неправ, и неправ он потому, что отождествляется с мужской половиной человечества. В этом смысле он не отличается от Будды, Махавиры или Иисуса — все они отождествлялись с мужским родом; женщина — ниже человеческого звания.

В любви ее всегда есть несправедливость и слепота ко всему, чего не любит она. Заратустра не понимает женщину. Быть может, он не познал глубин женского сердца. Неправда, что женская любовь несправедлива и слепа.

Женская любовь даже более прозорлива, чем, что бы то ни было в женщине. Логика в ней уничтожена мужчиной. Ее разум испорчен мужчиной. Только ее любовь... хотя многие века делалось все, чтобы она превратилась всего лишь в инструмент для мужской сексуальности, ее любовь все же осталась нетронутой. И в этом — единственная надежда на освобождение женщины. Это для женщин — единственная надежда обрести, впервые в истории, достоинство, уникальность, духовный рост. Они ни в чем не уступают мужчине.

Но вот проблема: даже мужчинам вроде Гаутамы Будды и Заратустры очень трудно подняться над своей мужской природой. Женщина остается чем-то низшим, она не принадлежит высотам мужчин. Она пребывает где-то внизу, в темных долинах.

В этом пункте я не могу принять Заратустру. Если в женщине есть что-то живое, несмотря на постоянное мужское насилие над ней, то это — ее любовь. Ее любовь — в ее глазах, ее любовь — во всем ее существое.

А он говорит: *Но и в просветленной любви женщины есть и внезапное нападение, и молния, и тьма рядом со светом.* Ответственность снова лежит на мужчине. Мужчина и женщина могут жить в мире лишь тогда, когда их равенство и уникальность станут признанным явлением. Тогда может расцвести дружба. Тогда тьма и внезапные удары исчезнут.

Мужчина почти сделал женщину сумасшедшей. Великое чудо, что она выжила в обществе, где все религии созданы мужчинами, все правительства созданы мужчинами, все законы созданы мужчинами, все общества созданы мужчинами, все системы образования созданы мужчинами. Как женщине удалось сохраниться? Это чудо.

Насколько я понимаю, это чудо стало возможным благодаря ее любви. Несмотря на то, что мужчина помыкал ею, она все же любила его. Несмотря на то, что она была рабыней в цепях, она оставалась матерью, сестрой, возлюбленной, дочерью.

То, что она выстояла против таких многочисленных нападений на ее личность, было возможно только потому, что она нужнее существованию, чем мужчина. Существование покровительствовало женщине потому, что женщина — это мать, из которой изливается вся жизнь. Благодаря именно ее любви жизнь все еще может петь, танцевать, в мире все еще осталась некая красота и изящество.

Женщины составляют половину населения земли. Если они будут освобождены, если им будут даны основные права, с миром произойдет невероятные метаморфозы — которые чрезвычайно необходимы. Женщине мешали производить что-либо кроме детей. Она может внести в мир так много, и качество этого будет совершенно иным. В этом будет больше красоты, в этом будет больше жизненности, в этом будет больше любви, в этом будет больше сока.

Пока еще не способна женщина на дружбу: женщины это кошки, или птицы, или, в лучшем случае, коровы. Я осуждаю Заратустру за это утверждение. Высказываний такого рода полно во всех религиозных писаниях. Здесь Заратустра совершенно забыл... и никто не осудил его по той простой причине, что читают только мужчины, женщинам веками запрещалось даже читать; они не знают, что написано о них в писаниях.

Китайские писания отказывают женщине даже в том, что у нее есть душа. Древний китайский закон, который был широко распространен до настоящего столетия, позволял мужу даже убить свою жену. Это не считалось преступлением, потому что женщина — всего лишь вещь, как мебель, а если вы сломали стул, то это не преступление.

Но женщинам не разрешалось даже читать эти писания — их писали только мужчины и читали только мужчины. До сих пор мы жили в мире, созданном мужчинами, в мире, который абсолютно неправилен по отношению к женщине. Никто не интересовался женщинами, и никто не считался с женщиной.

Пока еще не способна женщина на дружбу; но скажите мне вы, мужчины, кто из вас способен на нее? Некоторый разум вернулся к Заратустре, потому что он говорил против женщин... и, должно быть, под конец, он говорит, что женщина не способна на дружбу — а как насчет мужчин? В этом он искренен, он замечает: *Но скажите мне вы, мужчины, кто из вас способен на дружбу?*

... Так говорил Заратустра.

О тысяче и одной цели

1 апреля 1987 года.

Возлюбленный Ошо,
О ТЫСЯЧЕ И ОДНОЙ ЦЕЛИ

Ни один народ не смог бы выжить, не производя оценки; чтобы сохраниться, должен он оценивать иначе, нежели сосед его.

Многое, что у одного народа называется добром, у другого слышит позором и поношением: вот что обнаружил я. Многое из того, что здесь именуется злом, там облакалось в пурпур почестей...

Скрижаль заповедей добра воздвиг над собой каждый народ. Смотри, это скрижаль преодолений его, это голос его воли к власти.

Похвально у него то, что дается с трудом; добрым зовется тяжелое и неизбежное; а то, что сильно настолько, чтобы освободить от величайшей нужды, — самое редкое и тяжелое — он провозглашает священным.

То, что позволяет ему господствовать, побеждать и блистать на страх и зависть соседу, имеет для него значение высшего, наипервейшего мерил ценностей и смысла всех вещей...

Изначально человек придал ценность вещам, чтобы этим сохранить себя; он дал вещам смысл, человеческий смысл! Потому и назвал он себя человеком, что стал оценивать.

Оценивать — значит создавать. Слышите вы, созидающие! Именно оценка придает ценность и драгоценность всем оцененным вещам.

Лишь через оценку появляется ценность: и без оценивания был бы пуст орех бытия. Слышите вы, созидающие!

Перемена ценностей — это перемена созидающих. Всегда будет разрушителем тот, кто становится творцом.

Некогда творцами были целые народы, и только потом — отдельные личности: поистине, отдельная личность — это самое юное из всего созданного...

Любящие и созидающие — вот кто всегда был творцом добра и зла. Огонь любви и гнева пылает на именах всех добродетелей.

Много стран и народов повидал Заратустра, но не нашел он на всей земле силы большей, чем творения любящих: «Добро» и «Зло» суть их имена.

Поистине, чудовищны сила и власть этой похвалы и этого порицания...

Тысяча целей существовала до сих пор, ибо была тысяча народов. Теперь же недостает только оков для тысячеглавого зверя, недостает единой цели. У человечества нет еще цели.

Но скажите мне, братья мои: если до сих пор еще нет у человечества цели, то есть ли оно само или еще нет его?

...Так говорил Заратустра.

Единственное различие между человеком и другими животными — это различие в оценках. Ни одно животное не оценивает; они живут вслепую, не зная, зачем. Их жизненная сила неосознанна. Многие люди живут так же. Они только похожи на людей, но они еще не превзошли животное. Трансценденция животного проявляется в ценностях. Но возможны два типа ценностей: то, что вам навязывается извне, Ты должен; и то, что рождается в самом вашем существе, Я хочу.

Первый вид ценностей — просто лицемерие. Это стратегия, чтобы заставить вас поверить,

что вы превзошли животное; но на самом деле вы пали даже ниже животных. Животные, по крайней мере, естественны; а вы даже не естественны. Ваши ценности искажают вашу природу, искажают вашу простоту, искажают вашу невинность — но они дают вам ложное представление, что вы человек.

Второй вид ценностей — это подлинные ценности. Но ради них вам придется избегать всякого навязывания извне, вам придется открыться своей внутренней сущности и позволить зазвучать этому негромкому, мягкому голосу.

Человек начинается с доверия, которое он оказывает своему внутреннему голосу.

Заратустра говорит здесь о ценностях: *Ни один народ не смог бы выжить, не производя оценки; чтобы сохраниться, должен он оценивать иначе, нежели сосед его.* Каждый должен быть самим собой, а не копией соседа — несмотря на то, что во всем мире толпа, благодаря своему подавляющему большинству, уничтожает индивидуальность и превращает ее в обычную копию.

Все это делается под флагом благих намерений. Ваши родители, ваши священники, ваши лидеры, ваши так называемые святые — все они заодно; они не дают вам свободы быть просто самим собой и найти свои собственные ценности. Они дают вам готовые представления — что правильно, что неправильно, что есть добро и что есть зло.

Они решают за вас, и пока вы позволяете им распоряжаться своей жизнью и определять свои жизненные ценности, вы еще не человек. Вы всего лишь раб.

Величайшее рабство — это рабство духа.

Они не связывают ваше тело и не сажают ваше тело в тюрьму, они сковывают цепями вашу душу — и это худшее рабство в мире. И это даже хуже, чем могло бы быть, потому что эти цепи золотые. И золотые цепи убеждают вас, что это вовсе не цепи, а украшения, что ваше общество делает вас богаче, что ваше общество делает вас лучше. Но цепи есть цепи, железные они или золотые. Золотые цепи хуже, поскольку вполне вероятно, что вы привяжетесь к ним и забудете, что это ваши цепи.

Эти люди, которые думают, что они любят вас, эти люди, которые считают своим долгом сделать из вас человека, со всеми своими благими намерениями — в действительности разрушители. Берегитесь ближних. Наберитесь мужества быть аутсайдером; будьте достаточно сильны, чтобы жить чужаком — но оставайтесь собой. Если вы останетесь самим собой, вы непременно будете чужаком, потому что тогда вы обретете совершенно другую категорию ценностей, по которым и ради которых стоит жить — не мертвые ценности, навязанные вам. Ценности, навязанные вам ближними, обществом, просто создают в вас трещину.

Ваше существо нуждается в самоутверждении, в выражении. Ваше сердце хочет петь свою собственную песню. Но даже это не разрешается. Вы должны петь чужие песни. Они не насыщают вас, они не удовлетворяют; они никогда не сделают вашу жизнь наполненной.

Многое, что у одного народа называется добром, у другого слывет позором и поношением: вот что обнаружил я. Многое из того, что здесь именуется злом, там облекалось в пурпур почестей. Он говорит, что ценности не универсальны. Каждое общество создало собственные ценности согласно своим нуждам, но эти ценности были созданы тысячи лет назад. Потребности изменились; ценности остались прежними.

Вот почему так трудно найти современного человека. Если вы не идете в ногу со временем, вы не можете быть современным, вы отстаете на тысячи лет. Жизнь ради вас не остановится; она постоянно движется в новых направлениях, а ваши ценности мертвы, неподвижны, и каждое поколение передает новому тот же самый набор ценностей. И вы никогда не думаете о том, что ваше несчастье объясняется многими факторами, один из главных факторов — то, что ваши ценности не созвучны времени, ваши ценности не гармонируют с существованием — они

несовременны.

Все религии, все культуры, все цивилизации принадлежат прошлому. Им уже положено умереть, а нам — проводить их в могилу, разумеется, с почестями. Однако эти трупы живут среди нас; и не только живут среди нас — они доминируют над нами. Они стали совершенно абсурдными и неуместными. Но они старые, а вас учили: «Все старое правильно».

Истина как раз в обратном: чем старше нечто, тем более вероятно, что оно неверно, потому что оно родилось в дни детства человечества, а теперь человечество достигло зрелости. Ваш дух в таком нелепом положении — как если бы зрелый юноша носил одежду маленького ребенка. Эта одежда не просто уродлива, она к тому же будет слишком стеснять его; ему будет трудно двигаться. Когда вы вырастаете, ваша одежда должна меняться: а ценности — это одежда души. Они должны меняться — каждый день, каждый миг. Поэтому только индивидуум может иметь ценности, которые живы, дышат, пульсируют. Общество может только хранить трупы, ведь у индивидуальности есть будущее, а у общества есть только прошлое. Несколько примеров помогут вам.

В Китае тысячи лет считалось, что у женщины должна быть маленькая нога — это считалось красивым. Но чтобы сохранить крохотную ножку, им приходилось надевать на маленьких девочек железные башмаки. Эти железные башмаки калечили девочку; ее тело росло, а ноги оставались маленькими. В определенном возрасте башмаки снимали. Считалось, что чем вы культурнее... Женщины почти не могли ходить, такие крохотные были у них ноги.

В королевских фамилиях женщины вообще не могли передвигаться — их носили; и это тянулось тысячи лет, эта дурацкая идея. Ноги должны быть пропорциональны телу и должны расти естественно, а не согласно вашему представлению о красоте. Разумным людям потребовалось много времени, чтобы бороться против этого: чтобы доказать, что это калечит женщин. Они не могли передвигаться, они не могли работать — конечно, их крохотные ножки выглядели очень изысканно, но женщины в мире существуют не только ради изящных ножек.

То же самое было во всем мире, в разных формах, поскольку все эти общества развивались порознь. Мир впервые стал единым; люди стали ближе и посмотрели друг на друга. И от этого родилось сомнение: «То, что мы называли ценностями, вовсе не было таковыми, ведь есть миллионы людей, которые никогда не думали об этих ценностях. У них свои представления».

Каким бы болезненным и бесполезным это ни казалось, но только индивидуальность, становясь, все более сознательной, может достичь понимания того, что есть добро и что не есть добро. И индивидуум должен жить согласно этому пониманию; устраивает это общество или нет — он не может заботиться об этом и принимать в расчет.

Я много ездил по миру, и меня удивило, что глупые идеи и предрассудки даже в так называемых передовых странах считаются ценностями; невзирая даже на то, что они стали опасны. Например, на христианских празднествах друзья сидят за одним праздничным столом и пьют вино из одной чаши. Эта чаша переходит из рук в руки. Даже сейчас, когда стало признанным фактом, что слюна — одно из самых опасных веществ, вы можете заразиться через нее какой-нибудь неизлечимой болезнью, например СПИДом. Но такова их традиция, и это их священный обряд. Они не слушают медицину, они будут слушаться мертвого прошлого. Всего один больной СПИДом может заразить многих людей, и эти люди начнут распространять его многими способами. Следовало бы запретить поцелуи; это тоже опасно, потому что СПИД передается не только в половом общении, он передается различными путями. Есть специалисты, которые считают, что вирус СПИДа может передаваться даже через дыхание, и он, несомненно, передается через слезы, через пот. Любая жидкость, которая выделяется вашим телом, может содержать вирус.

Ценности должны меняться. Но люди цепляются за прошлое, и держатся за него настолько

слепо, что вы не поверите... В Индии веками поклоняются корове. Ничего страшного, это просто невинная глупость. Но стоит вам двинуться в направлении глупых идей, и вы никогда не остановитесь.

Индуисты в особых случаях пьют то, что они называют *панчамрита*, «пять нектаров». Они называли это прекрасным именем, но если вы узнаете, что это за пять нектаров, вам станет дурно. Пять нектаров — это пять веществ, которые выделяет тело коровы: навоз, моча, молоко, творог, масло. Они смешивают все это — и священный напиток готов. Никто никогда не задавал вопроса: «Что в нем священного?» — даже люди ранга Махатмы Ганди.

Один его ученик... этот ученик был необычным человеком, он покинул свое место профессора в университете, чтобы быть с Махатмой Ганди; его звали профессор Бансали. Он победил всех святых мужей в Индии. Он стал самым святым, и очень просто: шесть месяцев он жил на одном коровьем дерьме и моче; и даже Махатма Ганди восхвалял его как одного из величайших святых.

Этот человек был абсолютно ненормальным. Его, скорее, надо было бы отправить в психиатрическую больницу, а не поклоняться ему. Что он дал миру? Что великого в том, чтобы есть навоз и пить коровью мочу? Все, что для этого нужно — это недоразвитый ум. Все, что требуется — это убедительно-идиотский подход к жизни. Но поскольку другие последователи Махатмы Ганди не могли сделать этого, он стал единственным.

Вы только присмотритесь к вашим ценностям, которые делают вас благочестивыми, которые делают вас религиозными, которые делают вас святыми, которые делают вас добродетельными. Есть ли в них какая-нибудь сила, рациональность, что-нибудь интуитивное, что-нибудь способствующее вашей сознательности? Или через них вами управляют прогнившие писания прошлого — написанные необразованными, некультурными, нецивилизованными людьми?

Скрижаль заповедей добра воздвиг над собой каждый народ. Смотри, это скрижаль преодолений его, это голос его воли к власти. И все эти ценности, которые принимает общество, есть не что иное, как воля к власти. Профессор Бансали не сделал ничего такого, что можно назвать духовным. Это не дало ему пробуждения, просветления, это не привело его к самореализации; но это дало ему огромную власть. В ашраме Махатмы Ганди было два великих человека; один из них — Махатма Ганди, другой — профессор Бансали. Посетители сначала идут коснуться ног Махатмы Ганди, а потом идут к Бансали, чтобы коснуться его ног.

Людей можно убедить сделать все что угодно, имеющее смысл и бессмысленное, если они поймут, что будет удовлетворена их инстинктивная воля к власти. Они могут сделать все — даже невероятное.

Джайнские монахи и монахини не могут пользоваться современным туалетом. Ясное дело, в их писаниях туалеты не упоминаются. Наоборот, в их писаниях говорится: «Нельзя испражняться или мочиться в воду». Двадцать пять веков назад это было очень правильно; иначе вы оскверните воду, а людям придется ее пить. Но такова человеческая глупость: они не могут пользоваться современным туалетом, потому что в нем есть вода, а в большом городе вроде Бомбея вы не очень-то можете выйти за городскую черту, и что они делают? Они мочатся в ведро, оправляются в ведро; а ночью, когда все спят, они выбрасывают все это дерьмо и испражнения на улицу. И это святые джайны, праведники и праведницы.

Джайнские монахи и монахини не могут принимать душ; они не могут даже чистить зубы, они не могут пользоваться зубной пастой. Идея была в том, что чистить зубы, ходить с чистым ртом и принимать душ — значит, украшать тело; а джайнизм против тела: тело — ваш враг. Стоять рядом с джайнскими монахами и монахинями очень трудно, потому что от них воняет — это противно. А разговаривать с ними... Мне приходилось говорить им: «Пожалуйста, стойте

подальше», потому что их дыхание зловонно. Воздух, который исходит из их рта, вызывает отвращение, и все их тело, покрытое слоями пота и грязи, поистине тошнотворно.

Но у джайнов это считается великой духовной ценностью. Эти люди отреклись от своего тела; они больше не слуги своего тела. Это уродливо, но это освящено традицией. Община джайнов культурна, цивилизована, образована, богата, но они не могут изменить этого. Скрижаль ценностей неизменна. Вы не можете улучшать писания: это последнее слово.

Ни одно слово не может быть последним, окончательным, потому что завтрашний день принесет новые переживания. Если у вас есть разум, вам придется изменить свои ценности и стиль жизни. Только идиот может все время таскать трупы. А когда вы носите на себе так много трупов, вы сами не можете быть живыми — вы становитесь просто мертвецом среди других мертвецов.

Похвально у него то, что дается с трудом. Все, что считается трудным, люди называют похвальным. Никого не волнует, имеется ли в этом что-нибудь ценное или нет. Кто-то стоит на голове, и люди превозносят его, поскольку это тяжело. Кто-то ходит по канату, натянутому между двумя башнями, и это похвально.

В этом нет никакой пользы, но именно так создавались ценности.

Похвально у него то, что дается с трудом; добрым зовется тяжелое и неизбежное. Странные определения. В Варанаси я видел человека, который многие годы стоял с поднятой рукой. Его рука стала подобна сухой ветке, почти превратилась в кость. Вся кровь из нее под воздействием силы тяжести ушла в тело. Теперь даже если бы он захотел согнуть ее, он не смог бы; она перестала сгибаться. Люди ходили поклоняться ему.

Я поинтересовался:

— Чему вы поклоняетесь? Они сказали:

— Как чему? Почти двадцать лет он воздевает руку к небу.

Но я возразил:

— Это просто признак того, что этот человек сумасшедший. С руками так не обращаются — он убил свою руку.

Но это тяжело — вы не можете такого сделать — и это становится ценностью. И если что-нибудь неизбежно, это становится также и хорошим.

В ашраме Махатмы Ганди не разрешалось иметь москитные сетки, потому что это роскошь. Наверное, москиты были счастливы, но как насчет бедных гостей ашрама? Спать было невозможно. Там было столько москитов, что даже днем невозможно было присесть — они кусались со всех сторон. Ганди изобрел совершенно бездарную вещь: вы должны поливать керосином лицо, руки и все открытые части тела, потому что москиты гораздо умнее людей: они чувствуют запах керосина и не приближаются к вам. Но как можно спать с таким запахом?

Мы были очень близки с сыном Махатмы Ганди, Рамдасом. Я часто бывал в Вардхе — ашрам был недалеко от Вардхи — и однажды Рамдас пригласил меня:

— Почему бы тебе не приехать к нам на несколько дней? Я сказал:

— Я могу приехать, но как быть с москитами? Я не могу полить керосином лицо и руки — ты знаешь, что у меня аллергия на запах.

Даже если бы у меня не было аллергии, я не мог считать эту глупость каким-то аскетизмом, чем-то похвальным — хотя это было необходимо. Тем, кто хотел жить в ашраме, приходилось пользоваться керосином.

Я сказал:

— Днем я могу быть там. Но я не могу оставаться в вашем ашраме на ночь.

Но даже днем это было очень трудно. Я рассказал Рамдасу о своем опыте в Сарнатхе, недалеко от Варанаси. Сарнатх — это место, где Гаутама Будда произнес свою первую

проповедь, но он был в Сарнатхе всего один раз. Он путешествовал сорок два года, проходя через один и тот же город по двадцать, двадцать пять раз, поскольку он выбрал только небольшой район Бихара... Само слово «Бихар» означает «там, где ходил Гаутама Будда».

Я останавливался в Сарнатхе — где находится один из самых красивых буддийских храмов, в память о его первой проповеди — вместе с буддийским монахом, одним из самых ученых буддийских монахов, каких я встречал, Бхикку Джагдиш Кашьяпой. Он был директором института в Пали, который занимался исследованиями Гаутамы Будды и его трудов. Даже днем нам приходилось сидеть под москитными сетками. Он обычно сидел под своей москитной сеткой, а я под своей.

Я подумал: «Это ужасно неудобно», и сказал Джагдиш Кашьяпе:

— Теперь я понимаю, почему Будда никогда не возвращался в Сарнатх. Он спросил:

— Что вы имеете в виду? Я сказал:

— Просто у него не было москитной сетки, а сарнатхские москиты, по-моему, самые большие.

Но нелепые предрассудки продолжают жить без всяких причин.

В Калькутте я наблюдал очень странную сцену. Я даже велел шоферу остановиться, мне хотелось узнать, что происходит. Вдоль улицы стояла почти сотня кроватей. Я спросил:

— Кто будет спать здесь, на улице? Шофер ответил:

— Наверное, вы не знаете: джайны не могут убивать насекомых; эти паразиты, которые водятся в кроватях, клопы — они не могут их убивать. Из сострадания они вынесли сюда эти кровати и платят одну рупию за ночь тем, кто согласится спать на них, потому что этих клопов нужно кормить.

Вот это милосердие!

Я сказал:

— А как насчет этих бедных людей, которые спят здесь? Он ответил:

— Они спят здесь добровольно. Мы за это не отвечаем.

Там спят бедняки; утром они получают рупию, а всю ночь не могут уснуть — должно быть, клопы очень, очень благодарны Махавире и всей джайнской мифологии. Однако это считается похвальным, добродетельным деянием.

А то, что сильно настолько, чтобы освободить от величайшей нужды, — самое редкое и тяжелое — он провозглашает священным. Одни христианский святой почти семь лет провел на столпе в Александрии, на колонне высотой в двадцать футов. Он никогда не спускался, он стоял на столпе, сидел на столпе, спал сидя на столпе. Это было опасно, и только потому, что это было так опасно, он стал великим святым. Тысячи паломников приходили, чтобы отдать ему дань уважения. Сейчас вокруг этого столпа построен очень красивый собор в память этого святого. Но этот святой ничего не делал. Он просто семь лет просидел на столпе. Конечно, это трудно — и это глупо. Разве это может сделать вас святым? Тогда мы могли бы наставить в каждом городе колонн, люди сидели бы на них всю свою жизнь, и весь мир стал бы святым местом.

Но все самое редкое и тяжелое провозглашается священным. В России до революции существовала христианская секта, в которой отрезали гениталии... каждое Рождество — груды гениталий, все залито кровью, и люди припадали к их ногам — они сделали великое дело. Женщины тоже не хотели отставать, но поскольку у них нет гениталий, они начали отрезать себе груди. Многие женщины отрезали себе груди, и они тоже стали святыми.

После революции это было запрещено, и коммунистическому правительству потребовалось много лет, чтобы доказать, что это преступление. То, что было священным, стало преступным. Эта секта постепенно исчезла. Я не думаю, что за эти семьдесят лет она сохранилась; но когда-

то она была одной из самых священных сект в России — а все, что они делали, было всего лишь идиотизмом.

Это делалось во имя целибата. Но, возможно, никто не задумывался о том, что сексуальность — в вашем уме, а не в гениталиях; вот почему вы можете мечтать об этом. Гениталии — всего лишь продолжение вашего ума. Центр секса находится в уме; вот почему вам нравится порнография. Ваши гениталии не могут видеть порнографию, они не могут даже потрогать! Именно ум — место, где сидит ваша сексуальность, так что, даже если вы отрежете гениталии, это не значит, что вы больше не будете думать о сексе. По моему мнению, вы будете думать о сексе больше, чем кто-либо другой. Это превратится в одержимость — но это будет у вас в уме.

То, что позволяет ему господствовать, побеждать и блистать на страх и зависть соседу, имеет для него значение высшего, наипервейшего мерила ценностей и смысла всех вещей...

Изначально человек придал ценность вещам, чтобы этим сохранить себя: он дал вещам смысл, человеческий смысл! Потому и назвал он себя человеком, что стал оценивать.

Оценивать — значит создавать. Слышите вы, созидающие! Именно оценка придает ценность и драгоценность всем оцененным вещам.

Но эта оценка должна происходить из вашей осознанности. Она должна служить чему-то прекрасному, доброму, человеческому. Она должна принести в мир нечто божественное. Иначе вы постоянно делаете что-то, веря, что это добро, что это свято. Но всякий непредубежденный человек поймет, что это просто глупость, а в глупости нет ничего ценного.

Человек должен создавать ценности. Свобода — это ценность, любовь — это ценность, радость — это ценность, творчество — это ценность.

Все, что улучшает жизнь и дает ей смысл, все, что делает жизнь более живой, более любовной, все, что дает жизни славу, великолепие, что дает жизни вкус божественности — все это добро.

Но такая оценка должна идти из личного переживания, из индивидуальной медитации, индивидуальной сознательности; она не может навязываться обществом, прошлым.

Лишь через оценку появляется ценность: и без оценивания был бы пуст орех бытия. Слышите вы, созидающие!

Перемена ценностей — это перемена созидающих.

Вы должны постоянно меняться в сторону более высоких ценностей.

Например, женщину многие века не признавали равной мужчине. Когда мужчина с уважением примет женщину и вернет ей достоинство, это будет великая ценность.

Создатели многих вещей, в которых нет большой утилитарной пользы... например, человек, играющий на бамбуковой флейте, не приносит большой пользы. Но его песня, его музыка может расшевелить в вашем сердце нечто глубоко спящее, может разбудить вашу музыкальность. Но вместо того, чтобы почитать флейтиста, вы почитаете ученого, создающего ядерное оружие. Все разрушительное должно осуждаться: это антиценность. А все то, что делает жизнь более радостной, следует принимать, уважать и ценить. Танцор ценнее человека, создавшего атомную энергию, чтобы уничтожить Хиросиму и Нагасаки. Танцор может создать в вас желание танцевать — может сделать вашу жизнь богаче.

Всегда будет разрушителем тот, кто становится творцом. Если вы хотите создать высшие ценности, старые ценности придется уничтожить. Чтобы что-то создать, вам придется многое разрушить. Если вы хотите, чтобы все человечество было религиозным, духовным, медитативным, любящим, вы должны разрушить предрассудки, вы должны разрушить теологии, вам придется разрушить религии.

Если вы хотите, чтобы человечество было единым, то нужно разрушить старую ценность —

национальность. Веками провозглашалось: национальность — великая ценность, и политики старались сделать ее ценностью даже большей, чем религиозность и духовность. Нации нужно уничтожить, ибо это всего лишь линии на карте, проведенные человеком. На земле их нет. Все эти разделения внутри человечества не допускают свободы передвижений, свободы брака между нациями. То, что брак должен совершаться между людьми, не состоящими в родстве — признанный факт. Тогда дети будут красивее, умнее, сильнее и дольше проживут.

Раньше скрещивали животных, сейчас скрещивают растения. В Советском Союзе много фруктов, которых не было в те шесть дней, когда Бог создавал мир, и они гораздо слаще, изысканнее, потому что теперь человек... Благодаря скрещиванию растений появились новые фрукты.

Наверное, вы видели красивых собак; их создала не природа, они созданы через скрещивание. Сейчас из Нью-Джерси привозят быков, чтобы создать более лучшую молочную породу коров, потому что коровы из Джерси дают больше всего молока.

Вы можете научно относиться к животным и деревьям, но вы совершенно ненаучны по отношению к людям, и вы можете увидеть результаты. Например, в Европе все королевские фамилии постоянно заключали браки между собой.

Они не могли жениться на простолюдинах, и поэтому несколько семей все время вступали в браки между собой. Можете проверить: в этих королевских фамилиях не родилось ни одного гения, ни одной талантливой личности, но сплошь дети с отсталым развитием. Вы смотрели на портрет принца Уэльского? Это лицо дегенерата. Вы видели портрет английской королевы Елизаветы? Можно ли назвать ее красавицей? И все они страдали от болезней, которые все время передавали друг другу.

Человечеству тысячи лет известно об этом. Именно поэтому мы запрещаем браки между братьями и сестрами — одинаковая кровь не создаст достаточного напряжения, достаточного вызова. У них может родиться и ребенок, и дронт. Но даже брак внутри вашей касты — это брак с тем, кто когда-то, несколько поколений назад, был вашим братом или сестрой. Люди должны жениться как можно дальше. И если мы когда-нибудь, на какой-нибудь другой планете, обнаружим людей, то межпланетные браки будут самым научным делом.

Некогда творцами были целые народы, и только потом — отдельные личности: поистине, отдельная личность — это самое юное из всего созданного.

Он еще не закончил. Я со своими людьми работаю над тем, чтобы сделать всех вас индивидуальностями, и я считаю это величайшим творчеством: творить индивидуальности. Ибо индивидуальность — венец всей эволюции.

Любящие и созидающие — вот кто всегда был творцом добра и зла. Огонь любви и гнева пылает на именах всех добродетелей.

Много стран и народов повидал Заратустра, но не нашел он на всей земле силы большей, чем творения любящих: «Добро» и «Зло» суть их имена.

Легко понять, что «добро» — великая ценность, созданная любящими. Несколько больше тонкости нужно для того, чтобы понять, что зло тоже создано. В существовании нет зла, нет добра. Например, люди, создающие ядерное оружие — тоже творцы, но они творят зло. И тот день, когда мы перестанем творить зло, и вся энергия человечества будет направлена только на то, чтобы создавать добро, только красоту, только божественное, будет великим днем.

Поистине, чудовищны сила и власть этой похвалы и этого порицания...

Тысяча целей существовала до сих пор, ибо была тысяча народов. Теперь же недостает только оков для тысячеглавого зверя, недостает единой цели. У человечества нет еще цели.

Но скажите мне, братья мои: если до сих пор еще нет у человечества цели, то есть ли оно само или еще нет его?

Это невероятное прозрение и понимание Заратустры. Есть тысячи целей, потому что человечество разделено на тысячи частей; не существует единой цели для всего человечества. Он поставил очень актуальный вопрос. Если у человечества до сих пор нет единой цели, можете ли вы сказать, что существует само человечество?

Существуют индийцы, китайцы, негры, европейцы, существуют индуисты, мусульмане и христиане; но единое человечество — всего лишь пустое слово.

И пока нет единого человечества, не может быть одной цели. Они взаимосвязаны.

Я повторяю его слова: *Но скажите мне, братья мои: если до сих пор еще нет у человечества цели, то есть ли оно само или еще нет его?*

... Так говорил Заратустра.